

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018

Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 1 (185) 2015 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	Кафаров Т.Э., Рамазанов М.Р. Биоэтика как новое направление в морально-этическом дискурсе современного общества.....	5
	Королев В.К., Евграфова О.В. Экономическая культура как «форма содержательная» трансформации понятия «человеческий капитал».....	12
	Лебский А.В. Ценности коллективизма и проблема идентичности в современных обществах.....	17
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	Зейналов И.М., Мазина Р.Р. Оценка и диагностика управленческих кадров (профессиональной элиты) – территориально-отраслевой аспект.....	24
	Пасовец Ю.М. Адаптированность населения к социальным изменениям и ее показатели.....	28
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ	Ищенко А.С. Образ Владимира Мономаха в украинском общественно-историческом сознании.....	36
	Мигаль А.С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения.....	44
	Мининкова Л.В. Н.П. Павлов-Сильванский о теории вотчинного государства в русской историографии.....	50
	Натаев С.А. Интерпретации структуры чеченского тайпа в кавказоведческих исследованиях.....	55
ЭКОНОМИКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	Горбанева О.П. Анализ влияния уровня государственной поддержки на рентабельность сельхозтоваропроизводителей.....	62
	Коржов М.С. Естественное воспроизводство молоди ценных и товарно-промысловых видов рыб – повышение инвестиционной привлекательности рыбного бизнеса.....	66
	Папин В.В. Детерминация кризисных процессов на российском рынке ценных бумаг.....	71
	Рубинская Э.Д., Ушаков Д.С. Государственная политика предупреждения нелегальной трудовой миграции: российские условия адаптации зарубежного опыта (на примере Королевства Таиланд)..	75

	Фоменко Н.М. Информационные технологии в процессе управления знаниями.....	80
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ	Джанерьян С.Т., Ращупкина Ю.В. Особенности личностной зрелости городской учащейся молодежи.....	86
	Долгановская Н.В., Катичева М.Г. Актуальные проблемы развития методологии педагогического прогнозирования.....	94
	Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Лунин С.Л., Шульц Е.О. О формировании коммуникативной компетентности будущего педагога.....	100
	Шишкина Т.С. Речевое сотрудничество собеседников как прагматическая основа маркирования речевого жанра «неформальное интервью» на английском языке.....	105
	Янова М.В. Об инновационных формах и направлениях развития образования в Калмыкии.....	109
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	Архипов А.Ю., Мартишин Е.М. Пятая юбилейная Международная научно-практическая конференция «Глобальный мир: многополярность, антикризисные императивы, институты» (Ростов-на-Дону, 22–24 мая 2014 г.).....	113
	Сень Д.В. Всероссийская научная конференция «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.)	118
	Чапны Е.В. Культура как фактор развития общества, государства, личности (обзор форума работников культуры Дона, посвященного 95-летию Ю.А. Жданова).....	120
	Бурмистрова И.В., Паниотова Т.С., Штомпель Л.А. Точки роста культуры (фестиваль «Экология культуры» Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, 2–26 декабря 2014 г.).....	122
	Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г.Г. Бауман.....	124
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ		
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ	Мининков Н.А. Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий / отв. ред. В.П. Макаренко. Ростов н/Д., 2014. 696 с.	129

IZVESTIYA VUZOV. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee for the Press

Educational-research journal of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

№ 1 (185) 2015

SOCIAL SCIENCES

CONTENTS

PHILOSOPHY AND CULTURE STUDY	Kafarov T.E., Ramazanov M.R. Bioethics as New Scientific Worldview Paradigm: Factors of Formation and Development (Philosophical and Methodological Aspect).....	5
	Korolev V.K., Evgraphova O.V. Economic Culture as Substantial Form of Human Capital Transformation.....	12
	Lebskiy A.V. Values of Collectivism and the Problem of Identity in Modern Societies.....	17
SOCIOLOGY AND POLITOLOGY	Zeinalov I.M., Mazina R.R. The Assessment and Diagnostics of Management Personnel (Professional Elite) – Territorial and Sectoral Aspect.....	24
	Pasovets Y.M. Population's Adaptedness to the Social Changes and Its Indicators.....	28
ISSUES OF HISTORY	Ishchenko A.S. The Image of Vladimir Monomakh in Ukrainian Socio-Historical Consciousness.....	36
	Migal A.S. The East of Orientalists: English Islamic Studies during the Enlightenment.....	44
	Mininkova L.V. N.P. Pavlov-Silvansky on the Theory of the Patrimonial State in Russian Historiography.....	50
	Nataev S.A. Interpretation of the Chechen Taip Structure in Caucasian Studies.....	55
ECONOMICS: PRACTICE AND THEORY	Gorbaneva O.P. Analysis of the Impact of Government Support on the Profitability of Agricultural Producers.....	62
	Korzhev M.S. Natural Reproduction of Fish Fry of Valuable Commodity-Commercial Fish Species – Increasing Investment Attractiveness of Fish Business.....	66
	Papin V.V. Determination of Crisis Processes on the Russian Securities Market.....	71
	Rubinskaya E.D., Ushakov D.S. Public Policy of Illegal Labor Migration Prevention: Russian Conditions for Adaptation of Foreign Expe-	

	Fomenko N.M. Information Technologies in the Process of Knowledge Management.....	80
ISSUES OF EDUCATION, PSYCHOLOGY AND PHILOLOGY	Dzhaner'yan S.T., Rashchupkina Yu.V. Features of a Personal Maturity of the Urban Studying Youth.....	86
	Dolganovskaya N.V., Katicheva M.G. Actual Problems of Teaching Forecasting Methodology Development.....	94
	Kagermazova L.T., Abakumova I.V., Lunin S.L., Shchults E.O. The Problem of Formation of Communicative Competence of the Future Teacher.....	100
	Shishkina T.S. Verbal Cooperation of Interlocutors as Pragmatic Basis of Marking Speech Genre of Informal Interview in English.....	105
	Yanova M.V. Innovative Technologies in Education of the Republic of Kalmykia.....	109
SCIENTIFIC LIFE	Arkhypov A.Yu., Martishin E.M. Fifth Jubilee International Scientific and Practical Conference "Global World: Multipolarity, Anticrisis Imperatives, Institutions" (Rostov-on-Don, 22–24 May 2014).....	113
	Sen D.V. Scientific Conference "Borders and Borderlands in the South Russian History" (Rostov-on-Don, 26–27 September 2014).....	118
	Chapni E.V. Culture as a Factor of Development of Society, the State, the Individual (Review of Don cultural workers' Forum, dedicated the 95th anniversary of Yu.A. Zhdanov).....	120
	Burmistrova I.V., Paniotova T.S., Shtompel L.A. Points of Culture Growth (Festival "Ecology of Culture", Southern Federal University, Rostov-on-Don, 2–26 December 2014).....	122
TOUCHES TO THE PORTRAIT	Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. Prominent Historian, Courageous Soldier, a Member of the Resistance in the Netherlands G.G. Bauman.....	124
BOOKS REVIEW	Mininkov N.A. Intellectual Rostov: Book of Discussions / Editor V.P. Makarenko. Rostov on / D., 2014. 696 p.	129

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 14:174:61

БИОЭТИКА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© 2015 г. Т.Э. Кафаров, М.Р. Рамазанов

Телман Эмиралиевич Кафаров –
доктор философии, профессор,
заведующий кафедрой философии
и истории, Дагестанский государственный
медицинский академик,
ул. Ленина, 1, Махачкала, 367000.
E-mail: Kafarov.56@mail.ru

*Kafarov Telman Emiralievich –
Doctor of Philosophy, Head of the Department
of Philosophy and History,
Dagestan State
Medical Academy,
Lenina Sq. 1, Makhachkala, 367000, Russia.
E-mail: Kafarov.56@mail.ru*

Магарама Рагимович Рамазанов –
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
и истории, Дагестанский государственный
медицинский академик,
ул. Ленина, 1, Махачкала, 367000.
E-mail: dgma@list.ru

*Ramazanov Magaram Ragimovich –
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Philosophy and History Department,
Dagestan State Medical Academy,
Lenina Sq. 1, Makhachkala, 367000, Russia.
E-mail: dgma@list.ru*

Ключевые слова:

The article considers the bioethics as a special scientific and ideological paradigm, including both biomedical and environmental ethics. The philosophical and methodological aspects of the problem, the main factor in the development of bioethics, as well as the moral and ethical dilemmas caused by the introduction of new technologies in medicine are explored. It is noted that in the present conditions fundamentally are been changed the relationships between doctor and patient, since the doctor loses his monopoly on the truth of the human body. It involves the transition from the relationships with the patient as an object of manipulation to the relations between the equal subjects of dialogue.

Keywords: *bioethics, biomedical technologies, the right to die, ecoethics, genetic engineering, scientific worldview paradigm.*

Биоэтика – новая область междисциплинарных исследований, формирующаяся на стыке различных наук: биологии, медицины, философии, этики, права, социологии и др.

Врач-писатель В.В. Вересаев (1867–1945) в своё время констатировал, что как это ни печально, но нужно сознаться, что у нашей науки (медицины. – . . .) до сих пор нет этики. Нельзя не разуместь под нею специально-корпоративную врачебную этику, которая занимается лишь нормировкой непосредственных отношений врачей к публике и врачей между собой [1]. Возникновение биоэтики, на наш взгляд, восполняет этот пробел.

Первый исследовательский центр в области биоэтики был создан в 1969 г. в США, в 1971 г. – образован Институт этики им. Кеннеди в Джорджтаунском Университете. В 1978 г. вышла в свет 4-томная энциклопедия по биоэтике. В 1980 г. – создана президентская комиссия по изучению этических проблем в медицине и науках о поведении. Очевидно, в США биоэтика имеет мощную организационную базу и научно-исследовательский потенциал. Американские исследователи полагают, что возникновению биоэтики способствовали два фактора.

Во-первых, бурные социально-политические события конца 1960 – начала 1970-х гг. Речь идет об общественном движении за гражданские права черных американцев, о дискуссиях вокруг участия США в войне во Вьетнаме; кампании за признание интересов американских индейцев, инвалидов, умственно неполноценных. Все это привело к формированию движения за права пациентов к созданию «Билля о правах пациентов».

Во-вторых, масштабные изменения в медицинской науке и технологиях и их «неоднозначные результаты». Злоупотребления в области медицинских экспериментов над людьми.

Э.Д. Пеллегринно утверждает, что возникновению биоэтики способствовало взаимодействие четырех основных сил:

- научного прогресса;
- морального плюрализма;
- демократизации;
- экономических факторов [2].

Система отношений в области медицинского обслуживания в США соответствует отношениям «свободного рынка». Что касается России, то основные предпосылки биоэтического знания начали работать с 90-х гг. Однако биомедицинские технологии стали осваиваться значительно раньше. Уже в советский период ряд исследователей ставили вопрос «не только о ценности научной истины, но и о её цене». Наметился переход к осознанию су-

ществования аксиологических и этических проблем науки [3].

Следует подчеркнуть, что становление и развитие биоэтики в различных странах происходит в определенном этнокультурном контексте. Человек как главный объект медицинской заботы в большей степени связан с этногенетическими и историко-культурными факторами страны, конкретного региона и общецивилизационными тенденциями. Без уникального генофонда, соответствующей экологической ниши невозможно развитие того или иного этноса.

Каковы же основные факторы и причины, обусловившие возникновение биоэтики? На основе исследований, освещенных в литературе, по биоэтике можно выделить 4 таких фактора.

1. Массированное внедрение в медицине достижений научно-технического прогресса приводит к кардинальным изменениям, формируются новые направления: реаниматология, трансплантология, генная инженерия, кардиохирургия и т.д. В связи с этим возникает ряд вопросов, которые выходят за рамки непосредственной компетенции медицинских работников. К примеру, применение новых репродуктивных технологий позволяет решить проблему бесплодия. Но при этом трудно однозначно ответить, допустимо ли это с этической точки зрения; не подрываются ли основы семьи, материнства; кто может стать донором, т. е. потенциальным отцом.

Или же, благодаря достижениям в реаниматологии, стало возможным жизнеподдерживающее лечение на протяжении длительного периода. При этом возникает этическая проблема: в каждом ли случае реанимационные процедуры благо, не являются ли они способом продления умирания? Это приводит к тому, что большинство людей (по данным ВОЗ – свыше 70 %) умирают не внезапно, а постепенно. Страдания, испытываемые в это время не только особенно мучительны, но и кажутся ненужными.

Возникает вопрос: всякая ли жизнь в любом её состоянии предпочтительнее смерти? Было введено ещё одно понятие смерти – право на смерть, т.е. признание самого человека высшим авторитетом в вопросе о его жизни и смерти.

В данном случае право на смерть выступает как забота о достоинстве личности: защита достоинства важнее смерти. Смерть не предельное зло, а иногда и вообще не зло, страшнее потеря собственного достоинства, утрата человеком самого себя. Примечательно, что в 1957 г. глава Римско-католической церкви папа Пий XII впервые заявил, что отказ некоторых умирающих больных от

применения каких-то высокотехнических жизнеподдерживающих медицинских методов не является безнравственным. Складывается совершенно другое понимание и отношение к смерти. Если в традиционной медицине, в классической морали, в европейском юридическом сознании главным принципом была борьба против смерти, то в контексте биоэтики возникли попытки реабилитации смерти, пересмотра однозначно негативного отношения к ней.

Таким образом, происходит переосмысление многих традиционных понятий: здоровье, жизнь, смерть, милосердие, гуманизм и т.д. Говоря о метаморфозах современной медицины, Ф. Фукуяма пишет: «Медицинская техника предлагает нам сделку с дьяволом: продление жизни, но со снижением умственных способностей, избавления от депрессии – но и от творческой силы духа; медикаментозная терапия, стирающая грань между тем, что мы достигаем сами, – и чего достигаем с помощью воздействующих химикатов» [4, с. 82].

В связи с открытием и совершенствованием нанотехнологий отмечается возможность создания «роботов-врачей», живущих внутри организма человека, которые будут устранять возникающие отклонения от нормы, возможность достижения личного бессмертия и т.д. Подобные ожидания и прогнозы весьма опасны, поскольку такие роботы – это вирусы, которые будут развиваться спонтанно и непредсказуемо.

2. В качестве второго фактора, способствующего становлению биоэтики, исследователи называют принципиально новый характер взаимоотношений врача и пациента. Впервые в истории медицины и медицинской этики пациент наделен юридически закрепленными правами относительно его диагностики, лечения и реабилитации. Фундаментальные принципы биоэтики – благо индивида, свобода воли и выбора, информированное согласие – невозможны вне демократии. В современных условиях врач теряет монополию на истину человеческого тела, что влечет за собой и определенное перераспределение ответственности между врачом и пациентом. Это означает переход от отношения к больному как к объекту манипулирования к сложным отношениям двух равноправных субъектов диалога.

Врачебный патернализм подвергся обоснованной критике, и вместе с тем все шире применяется подход «терапевтического диалога и сотрудничества». Каждый человек имеет право участвовать в качестве самостоятельного субъекта в принятии касающихся лично его жизненно важных меди-

цинских решений. Ученые, медицинские работники, общественность постепенно осознают, что человеческое тело не только «объект» терапевтического воздействия или научного исследования, но также «плоть» конкретного человека – его собственника. Поэтому никто не имеет права осуществлять терапевтические действия без разрешения самого пациента (за исключением особых случаев, оговоренных законом).

3. Известно, что прогресс в медицине невозможен без фундаментальных исследований и экспериментов как на животных, так и на организме человека. Интересы медицины как науки постоянно сталкиваются с интересами живого человека как её объекта. То, что важно и необходимо для науки, т.е. для блага человечества, сплошь и рядом оказываются крайне тяжелым, вредным или губительным для отдельного человека.

Угроза, диагностируемая моральным разумом в развитии наукоемких технологий для свободы, достоинства и самоидентичности человека, принципиально не наблюдаема разумом научным. Более того, научный разум обнаруживает угрозу в самом себе для биологического выживания человека. Наука парадоксальным образом начинает играть одновременно и роль спасителя и экзистенциальной угрозы.

Биоэтика знаменует поворот к новому пониманию науки (отказ от преклонения перед научным знанием), где приоритетной ценностью должны стать интересы человека и выживания человечества.

Это связано и с теми изменениями, которые происходят с человеком в результате применения новейших технологий, способных существенно повлиять на его природу. И в первую очередь с успехами генетики, особенно после разработки в начале 1970-х гг. технологии рекомбинантных (заново построенных) ДНК. В отличие от классической генетики и молекулярной биологии, предметом изучения которых были уже существовавшие молекулы ДНК, неклассическая микробиология исследует активные, проективного характера действия с рекомбинантными ДНК. Решающее новшество состоит в широком культивировании и в биологии, и в медицине инженерного подхода («генная инженерия»).

Но если проектируется живое, то вполне возникает естественный вопрос, что можно и что нельзя делать с организмами, особенно человеческими существами?

Впервые в истории становится технически осуществимой полнейшая трансформация человеком самого себя, собственной природы и консти-

туции. И действительно сегодня человек непредсказуемо меняется, демонстрирует опасные тенденции развития. Наука же обнаруживает, что её прежние средства, сложившиеся отношения не дают адекватного понимания этих новых явлений и тенденций. В числе самых злободневных, усиленно дебатлируемых сегодня антропологических тем – проблема постчеловека.

Необходимо переосмысление самого понятия человеческой природы. Расходясь в конкретных представлениях об антропологических изменениях, исследователи едины во мнении, что речь идет о постчеловеке. Самой ранней, зачаточной формой представлений о кардинальном изменении человека следует считать представление о загробной жизни. После физической смерти человека идет некоторая радикально иная форма существования; причем он ни в коей мере не создает её, наличие её и характер не зависят от человека.

В послереволюционные годы в России активно проявляло себя проектно-утопическое мышление с идеями «реформы человека», «изменения природы человека», «перестройки человека» и т.д.

Сложилось новое научное направление – трансформативная антропология.

Л. Троицкий ещё в 1923 г. писал: «Человек... захочет овладеть процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением – подчинить их контролю. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человек поставит себе целью ... создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека» [5]. Эти предположения, высказанные в начале прошлого столетия, уже обретают реальные контуры. Человек превращается в гибрид человека и машины, т.е. киборга (термин, обозначающий всякий гибрид человеческого тела, включая мозг, и искусственных механизмов). Киборг – первый вид постчеловека. Далее, генотехнологии входят в антропологию. Когда генетические изменения превышают некоторую критическую долю генетического материала человека, есть основание говорить, что тот превращается в иное, отличное от человека живое существо. Это мутант – второй вид постчеловека. Генотехнологии ведут к появлению ещё одного экзотического существа – клона, т.е. точной генетической копии иного человеческого организма. Клон – генетически нормальное человеческое существо, однако, имея характер «копии, а не оригинала», он обретает ряд глубоких антропологических отличий, в силу которых может рассматриваться как постчеловек.

Ф. Фукуяма указывает на четыре класса технологий, которые могут быть использованы для создания постчеловека. Во-первых, технологии манипулирования с мозгом человека с целью изменить его поведение; во-вторых, нейрофармакологические воздействия, т.е. применение лекарственных препаратов, позволяющих модифицировать эмоции и поведение человека; в-третьих, разнообразные технологии, направленные на существенное продление жизни человека; в-четвертых, технологии генной инженерии, с помощью которых может осуществляться самая радикальная переделка человека [4, с. 13–14].

Со второй половины XX в. набирает обороты движение трансгуманистов. Для них природа человека – прежде всего объект преобразования, вплоть до самого радикального. С точки зрения их оппонентов, напротив, природа человека обладает самоценностью и заслуживает бережного отношения. «В последние десятилетия в развитых странах возникло странное освободительное движение. Цель у его крестоносцев намного превосходит цели борцов за гражданские права, феминисток или защитников прав геев. Они хотят не более и не менее, чем освободить род человеческий от присущих ему биологических ограничений. Согласно “трансгуманистам”, люди должны вырвать свою биологическую судьбу из рук слепого эволюционного процесса, основанного на случайных вариациях и адаптации, и перейти на следующую стадию развития вида» [6].

Ученые-биологи, генетики, медики, отдавая себе отчет в том, что любое вмешательство в наследственные механизмы человека само по себе опасно своей непредсказуемостью, ставят не только научные, но и биоэтические задачи. Биоэтики, как и философы, исходят из того, что человек – субъект общественного сознания, созидательной деятельности и межличностного общения. И все эти качества он приобретает прижизненно, усваивая конкретные социальные программы своего времени. А это возможно только потому, что в человеческом организме природой заложен генетический код. Вместе с тем человек является всего лишь частью живого на Земле. Отсюда следует, что он живет по естественно-философским законам, характерным для всего живого. Но человечество как наиболее разумная часть живого, несет ответственность за сохранение биосферы и природы в целом.

Существование и выживание человека (и человечества) становятся главным пафосом биоэтики. В её содержание включаются и экологические проблемы (экоэтика), поскольку экологическая

проблема теснейшим образом связана с проблемой сохранения жизни на Земле, с выживанием человеческого рода, здоровьем будущих поколений. Есть ещё один аспект: биомедицинские исследования все чаще проводятся не научными учреждениями, а коммерческими организациями. Объективность исследований, финансируемых фармацевтическими и биотехнологическими компаниями, вызывает серьезные подозрения. Практически не оглашаются отрицательные результаты. Достижения в области генной инженерии, клонировании представляют несомненный и существенный прогресс в исследовании тайн жизни, смерти, здоровья, болезни. Вместе с тем ответить однозначно на вопрос: что же такое, к примеру, клонирование – новый рубеж свободы человека или западня, обрекающая человечество на самоликвидацию и гибель, – невозможно.

Подобные исследования и эксперименты без соответствующего правового регулирования и этического контроля со стороны общества (и даже мирового сообщества) могут привести к непредсказуемым последствиям.

4. И наконец, становление биоэтики связано с возникновением и обострением глобальных проблем, и в первую очередь с экологической угрозой, с которыми столкнулось человечество со второй половины XX в. Создав могучие производительные силы («техника сделала человека – всемогущим», «наука – всезнающим»), человечество оказывается неспособным к их регулированию и рациональному использованию. Воистину, люди научились летать как птицы, плавать как рыбы, осталось главное – научиться строить взаимоотношения между собой и окружающей средой, что особенно важно в современных условиях.

Постиндустриализм ещё более ускоряет темпы социально-технологического развития, не меняя фундаментальные целевые установки индустриального общества. Между тем очевидна необходимость качественно новой модели взаимоотношения человека и природы для выхода из стратегического тупика.

Технологический интеллект достиг такого могущества в управлении энергией окружающего мира, который не обеспечен адекватными механизмами сдерживания экологической и социальной агрессии.

Биоэтика – это попытка поиска ответов на технологические вызовы современной эпохи, в том числе и в медицине. В широком смысле она включает и этические нормы отношения к животным, экологическую этику, этику взаимоотношения

человека со всей биосферой. Американский ученый-биохимик, онколог В.Р. Поттер, который ввел термин «биоэтика», назвал её «мостом в будущее». Действительно, биоэтика все более становится поиском реальных путей к созданию глобальной этики человеческого будущего.

«Человечество, – писал Поттер, – нуждается в соединении биологии и гуманитарного знания, из которого предстоит выковать науку выживания и с её помощью установить систему приоритетов» [7, с. 34].

В биоэтике можно выделить ряд аспектов. Во-первых, это система научных идей, взглядов, теорий. Она формируется как система знаний о границах допустимого манипулирования жизнью и смертью человека. Проблемы биоэтики позволили по-новому взглянуть на многие антропологические представления о человеке, послужили углублению понимания человека в его природно-биологическом и социально-этическом аспектах. В этом смысле биоэтика – отрасль гуманитарного знания.

Концептуальную базу биоэтики представляют все экологические принципы, этические идеалы, правовые требования ко всем тем, кто имеет прямое или косвенное отношение к жизненным процессам на Земле и сохранению здоровья людей [8, с. 175].

Во-вторых, это форма морального сознания, а также система определенных принципов, правил и норм, которые регулируют взаимоотношения медицинских работников и пациентов (в узком смысле), отношение человека к биосфере в целом. Биоэтика является новым этапом в развитии общей теории морали, регулирующей поведение и отношение общества в целом [9, с. 10].

Это не просто новая область знания, формирующаяся на стыке различных наук, а прежде всего область проблем актуальных и острых, требующих не только размышлений, но и достаточно серьезных действий и решений. Проблемы эти общечеловеческого характера, в то же время они и самые личностные, индивидуальные, касаются каждого человека лично и непосредственно. И каждый может столкнуться с ними в любую минуту и оказаться неподготовленным к ним, в плане психологическом, нравственном.

Драматизм биоэтических проблем в том, что в человеческом обществе они возникли впервые, и ни у врачей, ни у общества в целом не было и не могло быть морального опыта в их решении. В повседневной клинической практике врач тоже встречается с труднейшими ситуациями морального выбора (например, решиться ли на операцию с высоким риском), но у него есть выработанный веками алгоритм принятия оптимального решения.

При необходимости он может собрать консилиум. В ситуации биоэтических проблем не просто отдельный врач, но все человечество оказывается перед выбором.

И в-третьих, биоэтика – это формирующийся институт современного гражданского общества. В его русле общество создает социальные механизмы этического контроля развития современной биомедицины. По мнению Н.Н. Седовой, биоэтика представляет аксиологическую основу правового регулирования медицинской деятельности, акцентируя на важную роль этических комитетов в процессе её институализации [10, с. 224]. Во многих странах существуют реально функционирующие этические комитеты (или комиссии) от больничных стационаров до правительственных и президентских структур.

В 1990-е гг. этические комитеты стали организовываться и в Российской Федерации – при научно-медицинских центрах, институтах (например, в Российском научном центре хирургии РАМН, Институте медико-биологических проблем РАН и др.). По мнению исследователей, главными недостатками российских этических комитетов являются отсутствие у них профессиональной независимости, бессистемное появление и исчезновение, отсутствие какой-либо иерархии и т.д. [11, с. 120–127]. При этом они должны быть независимы от административных органов. Кроме того, выработанные специалистами подходы и рекомендации по медико-биологическим технологиям должны получить общественное признание. Поэтому многие проблемы биоэтики становятся предметом широкого общественного обсуждения.

Таким образом, биоэтика – это не просто продолжение медицинской этики и деонтологии, с которыми она связана исторически, ее возникновение обусловлено революционными достижениями в сфере высоких биомедицинских технологий. Биоэтика представляет собой адекватный ответ на острейшие моральные проблемы, поставленные перед человечеством развитием современных технологий, в том числе и в области медицины.

Речь идет о новом образе этики, обретение ею нового гуманистического статуса, её человеческого лица. «И если ещё в начале века, – пишет Л.В. Коновалова, – этика интересовалась социальными и политическими проблемами, то теперь – медицинскими, биологическими, экологическими» [12, с. 28].

Специфика биоэтики относительно медицины состоит в принципиально ином требовании охраны жизни человека: охране его не от непредвиденных

негативных обстоятельств, а от преднамеренного научно-технологического воздействия на него.

Возникает парадокс: именно то, что замышляется и делается с единственной и благой целью – облегчить страдания человека, повысить качество и продолжительность его жизни, оказывается источником неразрешимых проблем. Новые биомедицинские технологии достигают принципиально иного качественного уровня воздействия на человека, обнажая проблемы границ, меры, целей и средств управления человеческой жизнью.

Речь идет не просто о возникновении новых проблем, а о новой научно-мировоззренческой парадигме. Две старые мировоззренческие традиции – религиозно-идеалистическая и материалистически-натуралистическая – при всем их различии равно остановились у порога жизни и смерти. Выход за их предел был ограничен, с одной стороны, «волей Божьей», а с другой – непознаваемыми или еще не познанными законами природы, познавательными возможностями человека. В рамках этих традиций человек не обладал правом произвольного манипулирования своей биологической сущностью.

Новые возможности биомедицинского управления процессами репродукции и смертности обнаруживают несостоятельность классической парадигмы. Человек все чаще отказывается понимать себя как пассивный материал в руках высших сил (Бога или Природы). Он все более укрепляется в оценке себя как самодетерминируемого существа, творца самого себя (небезуспешные попытки клонирования человека подтверждают это).

Для новой парадигмы характерно удовлетворение естественных потребностей и прав человека даже путем выхода из режима самой естественности.

Речь идет об удовлетворении права:

- рожать детей даже тогда, когда эта способность не дана природой (новые репродуктивные технологии);
- продолжать жить даже когда это право забирала природа (клиническая смерть, как обратимый этап смерти);
- умереть безболезненно вопреки природным процессам (эвтаназия);
- изменить свой пол вопреки природе (трансгендеризм);
- уничтожить жизнь, когда она даруется природой (аборт, эвтаназия).

Все это задает совершенно другой уровень ответственности как медицинского работника, так и пациента. В этом смысле биоэтика выступает как форма духовно-практической защиты личности.

Существенно меняются традиционные представления о жизни, смерти, здоровье, милосердии и т.д. Современный прогресс клинической медицины потребовал уточнения (а в некотором смысле и переосмысления) самого принципа гуманизма. Соответствует ли требованиям гуманности искусственное оплодотворение или прекращение жизнеподдерживающего лечения умирающего пациента? Подобных вопросов, без однозначных ответов возникает немало.

Биоэтика имеет и мировоззренческое значение как философская основа научно-технического прогресса в медицине. Специфика биоэтики в отличие от этики науки заключается в преимущественном внимании к тем граням научной и практической деятельности, которые сегодня претендуют на качественное изменение природы человека. Если раньше считалось, что научные результаты, полученные при соблюдении морально-этических норм в медицине, непременно принесут людям пользу, то в наше время стало очевидным, что следование только традиционным этическим нормам научной деятельности в биомедицинской области познания не всегда ведет к желаемой цели.

Биоэтика в этих условиях выступает как рефлексия – в смысле специальной философско-аналитической деятельности исследователей и практических врачей над состоянием собственного сознания, мировоззрения, методологии объяснения феномена жизни в связи с достижением передовых рубежей в области исследований микромира и разработки новых технологий лечения людей. Проблемы нравственного осмысления жизни и смерти человека всегда были в фокусе философской рефлексии. Но когда эти проблемы становятся делом совести медиков, ученых и практиков, они приобретают особый смысл философского осознания ими ценностей человечества, т.е. биоэтического критерия самосознания.

Биоэтика – это ответ на вызовы, связанные с революционными прорывами в науке, технике и технологиях. Она должна будоражить совесть специалиста, который одновременно выступает и творцом и гарантом порядка в мире и жизни человека. Поэтому разум и нравственность могут и должны рассматриваться как целостный социально-культурный феномен. Этические соображения должны быть встроенными в научно-познавательную и предметно-практическую деятельность субъекта, т.е. императивом для современного человека становится жизнь в режиме постоянной морально-этической рефлексии.

Литература

1. . . Записки врача. М., 2010. 640 с.

2. См.: . . Биоэтика в России: ценности и законы. М., 2001. 224 с.

3. Биоэтика в России // Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия. М., 2004.

4. . . Новое постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2004.

5. . . Литература и революция. М., 1991.

6. . . Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М., 2013.

7. . . Биоэтика. Мост в будущее. Киев, 2002.

8. . . Философия сохранения жизни и здоровья нации // Вестн. Рос. филос. общ-ва. 2009. № 2.

9. . . Биоэтика как культурный комплекс : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2011.

10. . . Правовые основы биоэтики. М., 2004.

11. . . О статусе этических комитетов // Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия. М., 2004.

12. . . Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1. Биоэтика и экоэтика. М., 1988.

References

1. Veresaev V.V. *Zapiski vracha* [Notes of a Doctor]. М., 2010, 640 p.

2. Siluyanova I.V. *Bioetika v Rossii: tsennosti i zakony* [Bioethics in Russia: Values and Laws]. М., 2001, 224 p.

3. [Bioethics in Russia]. *Filosofiya biomeditsinskikh issledovaniy: etos nauki nachala tret'ego tysyacheletiy* [Philosophy of Biomedical Research: the Ethos of Science at the Beginning of the Third Millennium]. М., 2004.

4. Fukuyama F. *Novoe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii* [New Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. М., 2004.

5. Trotskii L.D. *Literatura i revolyutsiya* [Literature and Revolution]. М., 1991.

6. Yudin B.G. *Transgumanizm: sverkhgumanizm ili antigumanizm?* [Transhumanism: Superhumanism or Anti-humanism?]. *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza*, vol. 7, М., 2013.

7. Potter V.R. *Bioetika. Most v budushchee* [Bioethics. Bridge to the Future]. Kiev, 2002.

8. Khrustalev Yu.M. *Filosofiya sokhraneniya zhizni i zdorov'ya natsii* [Philosophy of Life and Health Preservation of the Nation]. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, 2009, no 2.

9. Sergeeva N.V. *Bioetika kak kul'turnyi kompleks: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Bioethics as a Cultural Complex]. Volgograd, 2011.

10. Sedova N.N. *Pravovye osnovy bioetiki* [Legal Basis of Bioethics]. M., 2004.

11. Sedova N.N., Negoda S.V. [On the Status of Ethics Committees]. *Filosofiya biomeditsinskikh issledovaniy: etos nauki nachala tret'ego tysyacheletiya* [Philosophy of Biomedical Research: the Ethos of Science of the Beginning of the Third Millennium]. M., 2004.

12. Konovalova L.V. *Prikladnaya etika (po materialam zapadnoi literatury)*. Vyp. 1. *Bioetika i ekoetika* [Applied Ethics (Based on Western Literature). Vol. 1. Bioethics and Ecoethics]. M., 1988.

Поступила в редакцию

10 ноября 2014 г.

УДК 330.001.92+33.06.0941 (075.8)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК «ФОРМА СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ» ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

© 2015 г. В.К. Королев, О.В. Евграфова

Королев Владимир Константинович –
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, ул. Садовая, 105/42,
344006.
E-mail: vkorolev@sfnu.ru

Korolev Vladimir Konstantinovich –
Doctor of Philosophy Science, Professor,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: vkorolev@sfnu.ru

Евграфова Ольга Владимировна –
кандидат философских наук, доцент,
Российская академия таможенной службы,
Ростовский филиал,
Буденновский переулок, 20, Ростов-на-Дону,
344002.
E-mail: dia7@bk.ru

Evgraphova Olga Vladimirovna –
Candidate of Philosophy Science, Associate Professor,
Russian Customs Academy,
Rostov Branch.
Budenovskiy Lane, 20, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: dia7@bk.ru

Ключевые слова:

The world's entry to the post-industrial stage assumes the increased attention to consideration of the factors that determine the "face" of the economy of the future. In the analysis it is offered to refuse the concept "human capital" as outdated, and to use the concept "human factor" of economy which is more adequate to modern realities. In the article the scientific novelty is represented and justification of the hypothesis of compliance to prospects of economic development of other, "substantial" form of a human factor is given what, according to authors, the concept "economic culture" is. Such form historically succeeds "to a form turned" of this factor – to the human capital.

Keywords: *economy, culture, person, capital, form, contents, concept.*

В современной экономической жизни России становится все более очевидным, что ее проблемы обусловлены не собственно работой рыночных и квазирыночных институтов, а состоянием человеческого фактора, со времен политической экономии капитализма называемого

. При всей важности научно-технических инноваций именно качества (трудящегося и потребляющего) человека все более очевидно становятся определяющими в современной экономической жизни, в развитии постиндустриальной, инновационной экономики XXI в. В «классической» экономической теории человеческий капитал сводят главным образом к качеству рабочей силы и условиям ее воспроизводства [1], поведению человека, его образовательной подготовке [2]. Считаем такую трактовку недостаточной, ибо не «экономический» (пусть и модернизированный таким образом), а социокультурный человек как субъект экономической деятельности призван и может стать главным двигателем (пост)модернизации, столь необходимой нашей стране. Поэтому исследование «человеческой» составляющей экономики, выходящее за традиционные, «индустриальные» рамки, представляется весьма

Напомним, что в классической экономической теории, рожденной в эпоху европейского Модерна, человек как в производстве (соотнесение затрат с прибылью), так и в потреблении (связывание «концов с концами» – доходов и расходов) рационально рассматривается как «*homo economicus*». Это естественно обусловлено сущностью капитализма, хорошо показано известными учеными от апологетики А. Смита до критики С.Н. Булгакова. Другая, более широкая, социогуманитарная традиция понимания «экономического человека» выражена М. Вебером (протестантская этика) и В. Зомбартом («двух капитализма»).

С середины XX в. эта традиция актуализируется: ведущие западные ученые обратили внимание на то, что человеческий капитал играет все более значимую роль в экономике, о чем свидетельствует факт превосходства развитых стран над странами «третьего мира», не объяснимый классическими ресурсными факторами (природные богатства, география, климат и т.п.). После Второй мировой войны в условиях распада колониальных экономик становится все более очевидным, что причиной этого превосходства являются качества «западного» человека: более высокий общий культурный и

специально-профессиональный уровень, знания, личностное развитие. Кроме того, внимание к человеческому капиталу активизируется в ответ на вызовы времени, так как переход развитых стран к инновационной экономике требует новых качеств от ее участников.

В литературе, посвященной человеческому капиталу, при всем ее разнообразии в целом сохраняется традиция классической трактовки человеческого капитала как элемента «механизма» способа производства, в той или иной мере абстрагирующаяся от понимания человека как

. Такой подход имеет объективную историческую необходимость. Но понимание человека как субъекта экономической деятельности подлежит адаптации к условиям и этапам экономического развития капитализма, смены его форм, проектирования будущего экономики. В связи с этим естественно возникает – соответствует ли еще доминирующее в экономической науке классическое понимание человеческого капитала постиндустриальной экономике XXI в.? Тем более, что сейчас она переживает системные кризисные явления, что требует не только практического поиска антикризисных форм экономической жизни, но и теоретического обоснования, «проектирования» ее будущего.

Сейчас экономическую теорию характеризует формализм «*economics*». По нашему мнению, она нуждается в гуманизации, «очеловечивании» традиционно экономического человека. (Примечательно, что в большинстве современных учебников по экономической теории человек не представлен вообще, даже в качестве «капитала»). В этом плане уже сама трактовка человека как «капитала» представляется рецидивом экономической теории индустриального общества (в котором человек лишь в узкой, «смит-марксистской» трактовке может рассматриваться как «капитал»), в своем аутентичном понимании не способствует осмыслению роли человека в глобализированной постиндустриальной экономике.

Это прежде всего обусловлено тем, что в XXI в. «индустриально-капиталистическая» трактовка человеческого капитала как «самовозрастающего» кадрового ресурса получения прибавочной стои-

мости за счет эксплуатации работника уже не соответствует реалиям и потребностям постиндустриальной экономики. Она требует понимания человека не как функционального капитала – «придатка машины», а как разносторонней, креативной личности, обладающей не просто «капиталом» своих рабочих рук и «мозгов», но и системой имеющих экономическую релевантность социокультурных качеств, влияющих на экономическое сознание и поведение. Их состояние может рассматриваться как «капитализация» человека в современной экономике, а формирование – показывать его возможности «самовозрастания» как адекватного ей субъекта-фактора.

С другой стороны, специфика функционирования современного человека в постиндустриальной экономике определяется тем обстоятельством, что он все меньше удовлетворяется ролью получения прибавочного продукта (прибыли), все более позиционирует себя как своей социальной, в том числе и экономической, жизнедеятельности. Но и функция средства меняется. Это связано с качеством экономики [3], которая требует усложнения функций «передовых» участников производства; «переливы» капитала также формируют потребности их творческого развития, профессиональной мобильности, что повышает значение способности человека в творческом труде синтезировать «точечные» правила – микронарративы – для конкретной, изменчивой ситуации (технологического обновления, например). Функции простого производства уходят или к машинам, или к дешевой, низкоквалифицированной рабочей силе, которая и сохраняет жизненность классического человеческого капитала как средства обогащения и в современной высокотехнологичной экономике.

Кроме того, с середины прошлого века на экономическую теорию и практику начинают оказывать влияние мировоззрение и идеология

. Сегодня капиталу противостоит не только труд, а и сам капитал как (симулятивный, виртуальный), который вовлекает в свое производство – самый прибыльный и важный товар, превращает его в свой главный ресурс. Но этот ресурс – достояние не «экономического» человека, а , что и побуждает по-новому оценивать его статус как «капитала». Для культуры постмодерна, его экономики характерны принципы индивидуализации, неопределенности развития, нерационализированная свобода выбора товаров и услуг, «омассовление», стандартизация экономического сознания, его прагматичность и спонтанность, стремление увидеть себя глазами

«другого», потребительство [4]. Понятно, что эти характеристики делают концепты «экономический человек», «человеческий капитал» явно не соответствующими современным реалиям.

В относительно приемлемом контексте, говоря сейчас о человеке как капитале, можно полагать, что это – абстракция, характеризующая человека как необходимую деталь классической капиталистической . Но собственно

не предназначен быть «капиталом», он может создавать его (например, в форме прибавочной стоимости), и не может быть сведен к одному этому качеству; человек – не один из видов «капитала», а , (одновременно) выполняющая разные социальные роли, среди которых одной из важнейших является экономическая. Сведение личности к ее экономической составляющей, особенно в ее классической форме, можно рассматривать как унижение достоинства (ибо предполагает, что он выступает не целью, а прежде всего средством обогащения другого) и даже как нарушение его прав и свобод, прописанных во «Всеобщей декларации прав человека». Современная (гуманитарная) экономическая теория должна признать понятие «человеческий капитал» устаревшим; целесообразно использовать его современную конкретизацию – концепт «человеческий фактор экономики».

Он выступает как экономическая форма реализации движущих производительных сил субъекта хозяйствования, «пропитанная» не только экономическим, но и широким социокультурным содержанием его личностного развития. Поэтому, как уже отмечалось, в разработке методологии обоснования модернизационной трансформации человеческого капитала как системного экономического качества необходимо наряду с собственно трудовыми компетенциями рассматривать и состояние (формирование) более широкого, социокультурного «измерения» человека как важнейшего фактора и субъекта постиндустриальной инновационной экономики. Тем самым

, преодолевающее свою «индустриальность» в социокультурной «содержательности» постиндустриального понимания человека как такого субъекта.

Полагаем, что в описанных условиях для его современного анализа представляется весьма продуктивным и оригинальным использование введенного К.Марксом понятия «форма превращенная» – *Verwandelte Form*, особенности (недостатки) которой показывают направление

, необходимость и возможность его «содержательного» понимания [5]. Данное понятие позволяет исследовать видимые зависимости системы (капиталистической) экономики в качестве форм ее действительного существования. Сложность взаимодействий в системе такой экономики и создает дополнительные, «превращенные» формы. Хотя действительная жизнь определяется в процессах всего многообразия взаимодействий, эти формы становятся важными элементами системы жизни целого (капитализма). Особенность человеческого капитала как превращенной формы состоит в объективной ее отстраненности от богатства содержательных определений; отображение всего человеческого содержания личности в экономике здесь отсутствует. В этом можно усмотреть некую «иррациональность» понятия «человеческий капитал», состоящую в его «превращенности» лишь при определенных условиях – самоотчуждения человека, отрыва общественного богатства личности от его трудовой функции.

Структуру формирования «формы превращенной» можно представить следующим образом: а) выключение всех неэкономических отношений из экономических связей человека; б) восполнение последних собственно капиталистически-производственной предметностью; в) синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием. В системе капитализма реальный экономический человек как бы «оголяется» в качестве самодавляющей экономической функции. Это имеет реальную причину – некоторые характеристики человека могут ничего не значить для его экономического бытия, в частности, связанные с внутренним отношением частей капитала к труду как общественному отношению. Человеческий капитал как «квазисубстанциональное» определение и представляет вместо «несущественных» для экономики характеристик человека, что придает этому концепту символический характер. На место человека как субъекта экономической жизни ставится человеческий капитал, «привязывающий» этого субъекта к субстанции – капиталу. В этом смысле человеческий капитал есть мнимость, но воспринимаемая онтологически, хотя «форма превращенная» является феноменологическим замещением человеческой личности, участвующей в экономической жизнедеятельности. Тем самым человеческий капитал как такая форма другие аспекты человека как личности есть экономическое представление о нем. Но «форма превращенная» при всех своих указанных особенностях позволяет получать

практически пригодные знания и навыки, достаточно эффективно моделировать стороны предмета – человека – вплоть до построения целостной содержательной теории его экономической жизни. Поэтому человеческий капитал как форма превращенная есть восполняющая и замещающая форма понимания личности человека в экономической жизни. Подчеркнем – в этом смысле человеческий капитал есть понятие исторически и теоретически необходимое, что и реализовали классики политической экономии, но и преходящее, развивающееся в свою содержательную форму.

В качестве гипотезы полагаем, что в отличие от описанной К. Марксом превращенной содержательная форма бытия человека в экономике как ее «человеческий фактор» может быть выражена концептом «экономическая культура»; при этом человеческий капитал можно рассматривать как ее исторический «носитель». Преимущество этого концепта состоит во всесторонней личностной трактовке человека, что адекватно современным реалиям постиндустриальной экономики.

Для обоснования данной гипотезы прежде всего обратимся к западным наработкам по проблематике того, что мы называем экономической культурой, ибо Запад «предлагает» нам искомую постиндустриальную экономику. Рассмотрение этой культуры является прежде всего практически ориентированным, осуществляется в многочисленных исследованиях корпоративной культуры, этики делового общения, культуры фирмы и т.п. Очевидно, в них экономическая культура «по умолчанию» понимается как выполнение человеком требований к качеству реализации своих трудовых функций, рассматривается как система формальных и неформальных правил, ценностей деятельности, поведения работников данной экономической структуры (стиль руководства, взаимоотношения в коллективе, отношение к своей функциональной деятельности и т.п.). При таком подходе теоретически задаются и практически реализуются модели профессионального поведения работников различных экономических предприятий, организаций и т.п. – их

[6]. Она выступает как система или набор требований, которые организация предъявляет к своим работникам с целью своего успешного функционирования в конкретных экономических условиях и которые так или иначе сознательно или вынуждено разделяются членами данной организации. В составе этих требований – традиции, характер взаимоотношений в коллективе, руководства и подчиненных, лидерства, разрешения производственных конфликтов, система коммуникаций, ответственность.

Организационную культуру определяют и как совокупность основных побуждений, сформированных самостоятельно или специально, усвоенных или разработанных по мере того, как коллектив учится разрешать проблемы адаптации к задачам своего существования, и которые являются системообразующими для данной организации. Главными функциями организации являются адаптация, достижение целей, интеграция, легитимность (AGIL в аббревиатуре Т. Парсонса). В этом плане заслуживает внимания типология организационной культуры американского экономиста Г. Харрисона. Он выделяет четыре ее типа по критерию доминирующей ориентации: на роль (главное – исполнение статусных ролей); на задачу (достижение результата); на человека (его производственная комфортность); на власть (социальная роль организации) [7]. Так, поступая на работу, человек знакомится с ее модельными требованиями и обязуется выполнять их; в противном случае он может потерять данную работу. Отношение конкретного человека к этим требованиям работодателя не волнует, главное – соответствие им. Естественно, «хозяин» оценивает возможности работника быть лояльным к предъявляемым требованиям. В свою очередь, выбирая работу, и человек оценивает свои возможности в этом, соответствующим образом корректирует свое поведение, причем не только профессиональное: своему работнику фирма может предписывать район проживания, марку автомобиля, места летнего отдыха, стиль одежды и даже прическу. Кроме заданной модельности в конкретных экономических сообществах формируется практика выполнения работниками своих профессиональных обязанностей, «по умолчанию» адаптирующая модельные требования стихийным образом. Эта практика зависит от личностных качеств, всего потенциала работников; она может так или иначе корректировать официальную оргкультуру, взаимодействовать с ней.

Полагаем, что при всей несомненной актуальности и практичности такой трактовки экономической культуры, ее фактического проникновения в российское общество, необходимости использования в работе конкретных экономических сообществ, она является недостаточной. Во-первых, нужно иметь в виду, что подбор работников приходится осуществлять из имеющегося «человеческого материала», никакая фирма не может позволить себе «инкубатор» многолетнего выращивания нужных работников от их рождения. (В лучшем случае дело ограничивается их «входным» отбором с дальнейшей профессиональной подготовкой и переподготовкой). Во-вторых, приведенная

трактовка характеризует экономическую культуру наличной постиндустриальной экономики, тогда как перед Россией стоит задача ее становления.

Поэтому, развивая «прагматичность» западных наработок, в рассмотрении экономической культуры необходимо учитывать и тот социокультурный контекст, который формирует человека как ориентированную на постиндустриальную экономику личность, способную успешно работать в такой экономике; это и придает экономической культуре искомую «содержательность». В теоретическом плане важно подчеркнуть, что экономическая культура не сводится к «границам» культуры, а воспринимается нами как воплощение в экономике целостной характеристики человека как фактора экономической деятельности. Поэтому в условиях постсовременности его модернизация должна рассматриваться не просто как социально-экономическая (повышение качества рабочей силы и т.п.), но как социокультурная задача гуманистического «обновления» человека как субъекта деятельности, формирования его экономической культуры, адекватной постиндустриальной модернизации экономики [8]. Рассмотрение трансформации человеческого капитала в экономическую культуру как в содержательную форму человеческого фактора современной экономики и позволяет обосновать методологию проектирования такой работы.

Литература

1. Человеческий капитал / под ред. В.Т. Смирнова. Москва; Орел, 2005. 513 с.
2. . . Экономический анализ и человеческое поведение // Альманах THESIS. 1993. Т. 1. С. 24–40.
3. . . Роль человеческого капитала на постиндустриальном этапе развития общества. Ростов н/Д., 2005. 164 с.
4. . . Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 118–137.
5. . . Формы и содержание мышления. СПб., 2011. 288 с.
6. . . Организационная культура. Ульяновск, 2007. 127 с.
7. . . Необходимость повышения корпоративной культуры в деловых организациях // Философия хозяйства. 2011. № 3. С. 237–247.
8. . . Экономическая культура. Ростов н/Д., 2010. 233 с.

References

1. *Chelovecheskii kapital* [Human Capital]. Ed. V.T. Smirnov. Moscow; Orel, 2005, 513 p.

2. Bekker G.S. *Ekonomicheskii analiz i chelovecheskoe povedenie* [Economic Analysis and Human Behavior]. *Al'manakh THESIS*, 1993, vol. 1, pp. 24-40.

3. Vasil'ev P.P. *Rol' chelovecheskogo kapitala na postindustrial'nom etape razvitiya obshchestva* [The Role of Human Capital in the Post-Industrial Stage of Society Development]. Rostov-on-Don, 2005, 164 p.

4. Dzheimison F. *Postmodernizm, ili Logika kul'tury pozdnego kapitalizma. Filosofiya epokhi postmoderna* [Postmodernism, or the Logic of Late Capitalism Culture. Postmodern Philosophy]. Minsk, 1996, pp. 118-137.

5. Mamardashvili M.K. *Formy i sodержanie myshleniya* [Form and Content of Thinking]. SPb., 2011. 288 p.

6. Steklova O.E. *Organizatsionnaya kul'tura* [Organizational Culture]. Ulyanovsk, 2007, 127 p.

7. Safarov T.I. *Neobkhodimost' povysheniya korporativnoi kul'tury v delovykh organizatsiyakh* [The Necessity to Improve the Corporate Culture in Business Organizations]. *Filosofiya khozyaistva*, 2011, no 3, pp. 237-247.

8. Evgrafova O.V. *Ekonomicheskaya kul'tura* [Economic Culture]. Rostov-on-Don, 2010, 233 p.

Поступила в редакцию

20 ноября 2014 г.

УДК 177

ЦЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВИЗМА И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

© 2015 г. А.В. Лебский

Lebskiy Alexander Vladimirovich –
Post-Graduate Student, North Caucasus Social Institute,
Goleneva St. 59a, Stavropol, 355012, Russia.
E-mail: Leb-sasha@yandex.ru

Lebskiy Alexander Vladimirovich –
Post-Graduate Student, North Caucasus Social Institute,
Goleneva St. 59a, Stavropol, 355012, Russia.
E-mail: Leb-sasha@yandex.ru

Ключевые слова:

The article considers the underlying reasons of collectivism as psychological attitude, worldview and value system. The results obtained in the course of the research are analyzed and the possibility of social and philosophical interpretation, and methodological reflection on the axiological foundations of collectivism is clarified. The various phenomena of modern social processes and their correlation with historical, ethnic and socio-cultural consciousness era are in the centre of attention.

Keywords: *teamwork, attitudes, values, identity, historical consciousness, ethnic consciousness.*

Политических партий, открыто провозглашающих ценности коллективизма, в современных западных обществах практически нет. В политической теории коллективизм прочно ассоциируется с коллективизацией в СССР и других странах, строивших коммунизм. Его также нередко отождеств-

ляют с тоталитаризмом, понимая как насильственное переустройство общества во имя будущего. Один из главных критиков тоталитаризма и столпов политического либерализма Э. фон Хайек писал: «Различные виды коллективизма, коммунизма, фашизма и пр. расходятся в определении при-

роды той единой цели, на которую должны направляться все усилия общества. Но все они расходятся с либерализмом и индивидуализмом в том, что стремятся организовать общество в целом и все его ресурсы в подчинении одной конечной цели и отказываются признавать какие бы то ни было сферы автономии, в которых индивид и его воля являются конечной целью» [1, с. 28].

Данная позиция скорее принадлежит истории идеологического противостояния двух систем – социализма и капитализма, которые представлялись и противопоставлялись как две альтернативы современного общества, т. е. как два общественно-политических строя или две модели общественного устройства. При этом каждый участник дискуссии и противостояния, которое после Второй мировой войны приобрело поистине глобальный характер, стремился представить своего конкурента в виде, удобном для собственной системы оценок и ценностей. Активные участники дискуссии – группы стран капиталистического и социалистического путей развития – вели ее в жанре идеологической борьбы за умы и сердца граждан всего мира.

Любопытно, что спорщики создали для своей пропагандистской деятельности собственные языки общественного описания. Ими активно применялись различные темпоральные экспликации и основанные на них модели общественно-исторического развития. Так, советские идеологи, философы и политики характеризовали советскую систему как более поздний и, что естественно, более прогрессивный этап общественного развития, относя капитализм к прошлому или предыдущему времени. Для европейских и североамериканских философов либеральной ориентации типичным было представление большевистского проекта как проявления архаики. Знаменитой теории общественно-экономических формаций были противопоставлены концепции, подобные теории стадий экономического роста, согласно которой Советский Союз рассматривался как общество, в котором развитие индустрии основано на доиндустриальных типах управления, внеэкономическом принуждении, мобилизации и т.п.

Западные участники идеологических боев соединяли временные карты с пространственными, представляя социализм не как нечто новое, но как воплощение азиатской ментальности. Индустриально, интеллектуально и культурно обособленная Европа со времен античности противопоставляла себя «варварской» Азии, что нашло свое отражение в идеологии европоцентризма. Это позволило адептам индивидуализма и либерализма без труда

продемонстрировать, как в странах победившего социализма в качестве доминирующего принципа социальной интеграции выступает коллективизм. Более того, именно он оказался под огнем критики со стороны тех, кто был убежден в его генетической связи с тоталитаризмом и авторитаризмом.

Однако трудно себе представить общество, в котором бы отсутствовали любые формы коллективного целеполагания, коллективного действия и коллективности в целом, как и человека вне общества. Да и о торжестве коллективизма как принципа скорее можно говорить в демократических обществах, где только коллективы обладают властью и могут через демократические процедуры осуществлять свои принципы. В тоталитарных, авторитарных и этатистских обществах захватывающие власть индивиды способны навязывать свою волю и проводить в жизнь свои решения, не считаясь с мнением большинства. Так, руководитель Советского государства смог оторвать от одной «независимой» республики полуостров Крым и отдать его другой. Точно так же другой руководитель смог начать перестройку, к чему весь коллектив партии и руководства вовсе не был готов. И хотя советских людей пришлось какое-то время убеждать в необходимости серьезных перемен, слишком многое зависело от воли генерального секретаря. Поэтому само противопоставление коллективизма и индивидуализма как ценностей и принципов социальной организации связано с существовавшими формами социального опыта лишь отчасти. Любая личность в самом индивидуалистическом обществе детерминирована волей большинства, только эта воля воплощена в праве, а в традиционном обществе она регулируется традициями и обычаями.

Сегодня можно с полным основанием утверждать, что ценности коллективизма в столь же существенной степени лежат в основе политических практик, как и ценности индивидуализма. И то и другое рационально. Учение о дифференциации видов рациональности восходит к социально-философской доктрине М. Вебера [2], но понятия инструментального и коммуникативного разума принадлежит нашему современнику Ю. Хабермасу. В своей теории коммуникативного действия немецкий философ разделит ситуацию действия и ситуацию речи и связал коммуникативное действие с понятием совместного истолкования ситуации, когда наряду с целеполаганием присутствуют поиски консенсуса. Из них вырастает потребность во взаимопонимании, что позволяет совместить перспективы говорящего и слушающего, говорящего и другого говорящего, перспективы говоря-

шего с мировыми перспективами. Так становится ясно, как из субъективности исторического знания может быть рождена его интерсубъективность. Вербальные действия говорящего – это не только презентация и репрезентация фактов, не только выражение мнения, но и установление «межличностных отношений, когда говорящий ссылается на что-либо в социальном мире интеракций, регулируемых на основании закона, а также для манифестации переживаний, т. е. для самопредставления, когда говорящий ссылается на что-либо в субъективном мире, к которому у него есть привилегированный доступ» [3, с. 203].

Сама концепция Ю. Хабермаса о коммуникативном разуме как об антипode инструментальной рациональности восходит скорее не к М. Веберу, а к И. Канту, различавшему чистый и практический виды разума и настаивающему на праве последнего формировать цели, т. е. находиться не в каузальном мире необходимости, а в телеологическом Царстве Свободы, регулирующемся категорическим императивом. Если представить себе историческое познание как разновидность морального действия, то можно понять его ценностную детерминированность, вызывающую в свою очередь такую же ценностную детерминированность исторического сознания.

Культурологи, психологи, социологи и антропологи обратили внимание на такие важные элементы коллективизма, как неявные установки. Так, Г. Триандис определил коллективизм как «заинтересованность в других», используя результаты применения метода экспертного опроса [4]. Смысл этой заинтересованности или экзистенциально интерпретированной «заботы» сводился, по его мнению, к подчинению индивидуальных целей групповым. И все его дальнейшие измерения привели к мысли о том, что коллективизм на эмпирическом уровне является синонимом патриархальности, традиционализма, консерватизма. Так, его доводы, что старшие выступают как пример для младших, а дети должны жить вместе с родителями, не имеют той политической нагрузки, которую пытались создать для данного феномена либеральные идеологи. В своих исследованиях Г. Триандис для описания психологических установок даже заменил понятие «индивидуализм» на «идиоцентризм», а концепту «коллективизм» предпочел термин «аллоцентризм».

В результате развития своей исследовательской программы теоретик показал различие между двумя типами установок при помощи понятий «ингруппа» и «аутгруппа». Так социологи традицион-

но обозначают группы или коллективы, в которых индивид ощущает себя своим или не ощущает, чувствуя собственное отчуждение или неприятие его другими членами группы.

Сформулированная таким образом исследовательская программа позволяет сделать выводы о различии культурных образцов индивидуализма и коллективизма на культурном и психологическом уровнях. Как отмечает Г. Триандис, к числу предпосылок индивидуализма, проявившихся в разные эпохи, можно причислить культурную сложность, богатство, охоту, собирательство, урбанизм, миграции, принадлежность к более высоким слоям общества [5]. А предпосылками коллективизма выступают земледелие, ингруппа, семейные и родоплеменные отношения. Не все названные предпосылки относятся к разряду очевидных. Но то, что они различны, позволяет говорить о гетерогенности самого явления – в сложных культурах возникает индивидуализм, а простые культуры не порождают данного феномена. Но тогда как же совместить культурную сложность с самыми архаичными формами выживания и адаптации – охотой и собирательством?

Понятно, что миграция в общем и целом способствует развитию индивидуализма, хотя и с этим можно поспорить, ибо нигде мы не обнаруживаем столь ярко выраженный коллективизм, как в группах, сформированных из эмигрантов соотечественников. Необходимое для выживания в диаспоре единство коллектива основывается на более жестком и последовательном соблюдении культурных и социальных традиций, нежели это можно встретить в исходном для диаспоры обществе. Да и с предпосылками, касающимися экономических или хозяйственных факторов не все так просто. Разве охота и собирательство в первобытном обществе не способствуют развитию коллективизма? Напомним, именно «первобытный коммунизм», по К. Марксу, лежал в основе первобытнообщинного строя.

Современные политические и экономические системы в своем развитии зависят от консолидированных усилий множества людей, не говоря уж о науке, образовании и всех остальных значимых социальных институтов. Г. Триандис различает индивидуалистические и коллективистские атрибуты или существенные признаки. По его мнению, для индивидуализма характерна эмоциональная отчужденность индивида от ингруппы, цели которой менее значимы, чем его собственные. Такая комплементарность ассоциируется с эгоизмом или даже гедонизмом, но в индивидуализирующемся

обществе цели группы, в том числе и ингруппы, могут специально формироваться как цели, не противоречащие целям индивида и изначально подчиненные последним.

Сегодня в философии все более проглядывается стремление уйти от метафизического обоснования этики и понять дух коллективизма, как, впрочем, и индивидуализма из способности индивидов понимать, воображать, сопереживать. «Почему Набоков настаивает на существовании некой несравнимости, некоего антитетического отношения между хаусмановской дрожью и разновидностью того эмоционального участия, которое вдохновляло либеральных государственных деятелей, таких как его отец, бороться за изменение несправедливых законов?» – задается вопросом Р. Рорти. И тут же отвечает: «Но она представляется вполне совместимой с утверждением, что способность дрожать от стыда и негодования при бессмысленной смерти ребенка является высшей формой эмоций, которой человечество достигло с тех пор, как избрало современные социальные и политические институты» [6, с. 188].

Коллективизм Г. Триандис связывает с определением личности через ингруппу, и это очень точно. Не случайно в традиционных обществах за именем индивида следует информация о его происхождении (чей сын, внук, какого рода-племени, из какого города). Тень славы предков не просто падает на их потомков, но служит точным определением качеств индивида, ибо, по представлению окружающих, дает информацию о том, чему научили в семье, какие качества привили и как воспитали. Вторым коллективистским атрибутом является положение внутри иерархии ингруппы. В идеале первый и второй атрибуты должны находиться в гармонии друг с другом – индивид должен занять место в иерархии согласно своему происхождению, а если речь идет о социуме, то там принадлежность к ингруппе может выступать эквивалентом происхождения. Третья важная черта коллективистских обществ в этой концепции – стремление ингрупп к однородности. Это требование усиливается при совмещении с аутгруппой, которая, напротив, должна быть (или восприниматься) максимально инородной. Вспомним утопии Т. Мора и других, где одним из важнейших элементов общественного порядка было соблюдение принципа одинаковости в одежде.

Эта ответственность и автономия, неожиданно ставшие не только возможностью, но и действительностью, привели в действие социальные, культурные и психологические механизмы, застав-

ляющие индивидов искать и находить свой статус в обществе, не апеллируя к традиции, родовым, клановым и этническим данностям. Необходимость конкурировать в пространстве образования, бизнеса и государственной службы придает совершенно особое значение самому феномену этничности. Принадлежность к роду или клану, вхождение в этническое сообщество в условиях капитализма может становиться для его участников конкурентным преимуществом, которое в определенных условиях способно привести к успеху в борьбе за ограниченные ресурсы. В еще большей степени принадлежность к этническому сообществу становится важной в распределении ресурсов административными средствами и методами, что и приводит к росту роли этнического фактора в социальной жизни модернизирующегося общества, а также порождает тревогу и тех, кто не принадлежит к сплоченным и мотивированным группам, возникшим по этническому принципу.

Эффективное противодействие этнизации общества, его разделению на этнические группы и сообщества может быть достигнуто путем реализации комплекса мер организационного плана, таких как эффективная борьба с коррупцией, максимальная открытость и прозрачность кадровой политики, создание условий для честной конкуренции в бизнесе, противодействие клановости и землячеству. Все эти меры относятся к системному уровню социальной жизни, но для воздействия на внутренний мир индивида, на жизненный мир всего общества нужны усилия, направленные на сферу духовного производства. Здесь без осознания общности, без апелляции к ценностям коллективизма обойтись решительно невозможно.

Ценностное и историческое сознание россиян подверглось в последние десятилетия значительным испытаниям – огромное количество исторической, псевдоисторической и заведомо ложной информации обрушилось на тех, кто получал образование в Советском Союзе, и тех, кто изучает историю в посткоммунистической России. Как объемы, так и содержание того, что пишется и говорится о прошлом, способны вызвать смятение даже среди тех, кто относит себя к профессиональному сообществу гуманитариев. Этому способствует обстановка, сложившаяся вокруг некогда четких и определенных стандартов научного знания: сегодня постмодернисты и методологические анархисты активно критикуют идеалы объективности, доказательности и строгости научного знания. В таких условиях воспитание толерантности как средства преодоления межэтнических про-

тиворечий становится все более трудной задачей, для решения которой необходим анализ особенностей функционирования исторического сознания в современном информационном обществе.

Чаще трудности возникают в связи с утратой устойчивости в представлении людей о собственной идентичности. Как отмечает В.И. Пржиленский, «жить с множеством идентичностей человек не может, но и без идентичности еще не научился. А выбор идентичности оказался крайне затруднительным: история предлагает одни выборы, а внутренний опыт их не принимает. Человек оказался встроенным в множество историй, а тем самым и вовлеченным в разные проекты» [7, с. 33]. Ситуация неопределенности приводит к тому, что для коллективистских убеждений не остается ни мировоззренческих, ни психологических оснований. Единство в пространстве (принадлежность к общности) должно находить основания в единстве во времени (принадлежность к череде поколений). Порядок природы всегда закрепляется порядком истории, что придает восприятию мира и человека в нем необходимую целостность и гармоничность. Пережив крушение истории, индивид теряет такую важную компоненту, как общность обязательств перед ушедшими поколениями.

Именно эту проблему были призваны решить общечеловеческие ценности, потому что единственный выход из создавшейся ситуации – научить индивида воспринимать все человечество как своих предков и всю всемирную историю как историю собственной общности людей. Этому в значительной степени способствовали успехи естествознания, в частности палеонтологии, палеоантропологии, генетического анализа и т.п. Недавно популяционными генетиками была найдена общая мать всех людей (митохондриальная Ева), жившая в Африке между 140 и 280 тысяч лет назад [8]. Когда учеными был просчитан ее генокод, стало возможным вернуться к тому важнейшему смыслу, который тысячелетиями сопровождал человека в виде мифов о предках и придавал значимость ценностям коллективизма.

Изменение в представлении о прошлом немедленно порождает новое восприятие настоящего и, что особенно важно, иное представление о будущем. Даже если индивиды не склонны задумываться о будущем, их вынуждают мыслить в категориях выбора попутчиков исходя из этнической, религиозной или культурной солидарности. Здесь же чувство исторической ответственности и представление об общей судьбе, что позволяет форми-

ровать или реформировать отношение к представителям других этносов, культур, цивилизаций и форм социального опыта. Таким образом, историческое сознание способно существенно обострить межэтнические отношения, чему мы становимся свидетелями вот уже три десятилетия. Но оно же выступает и средством их гармонизации в том случае, когда процессы его формирования находятся под контролем и не оказываются результатом манипуляции или дезинформации тех, кто объективно заинтересован в усилении кризисных явлений в российском обществе [9].

Влиять на формирование исторического сознания можно на двух основных уровнях знания: фактологическом и интерпретационном. Но наряду с собственно историческим знанием, которое мы относим к научному, в историческом сознании присутствует знание мифологическое и оценочное, отделение от которого превратилось для историков в неразрешимую методологическую проблему. Таким образом, субъективная оценка – неотъемлемый элемент исторического сознания, исторического знания, как впрочем и любого другого гуманитарного знания. Эту точку зрения в отечественной философии последовательно отстаивает Л.А. Микешина, разделяющая мнение, что «истинными источниками, элементами исторического синтеза являются не только документы и критика, но жизнь и мысль, они заложены внутри истории, внутри синтеза, как ими созданные и их созидающие. Хроника событий остается “мертвым” подготовительным материалом, а наукой становится только знание как интерпретация, осуществленная на основе системы ценностей историка» [10, с. 194]. С ней, в частности, солидаризируется И.Т. Касавин [11]. Субъективность при этом рассматривается не как недостаток, а как естественное свойство гуманитарного знания, обеспечивающее единство наблюдателя и наблюдаемого, где наблюдатель – не классический познающий субъект, отвлеченный от всего кроме истины, а живой человек, включенный в некий социокультурный контекст со всеми своими интересами, ценностями и даже предрассудками. Его знания всегда фрагментарны, выборочны и детерминированы потребностями практики, что обусловлено ростом числа теорий и их конкуренцией в условиях приоритета практики даже в точных и естественных науках.

Как же в этих условиях надеяться на историческую науку в вопросе о роли исторического знания в межэтнических отношениях? Очень просто – необходимо формировать историческое сознание

совместными усилиями, понимая механизмы его формирования и препятствуя влиянию на него средств идеологии и пропаганды. Для этого важно различать фактологическую и интерпретативную составляющие и актуализировать их потенциал в соответствии с канонами коммуникативного, а не инструментального разума. Сделать это можно в условиях открытости как целей, так и средств данной деятельности. При этом главной целью является рост соединяющей силы исторического сознания и убывание его разъединяющего влияния. Другими словами, направление формирования исторического сознания должно обеспечивать рост толерантности в современном российском обществе. Это и является современной интерпретацией ценностей коллективизма. И пусть он базируется на совершенно иных основаниях, от этого суть дела не меняется.

Таким образом, подводя итог рассмотрению эмоциональных и рациональных оснований коллективизма в современном обществе, находящемся в процессе индивидуализации, можно отметить, что эти основания являются естественными и порождаются жизненно важными потребностями социальной жизни. Современная философия, подвергая рефлексии феномен коллективизма во всех его аспектах и модусах, все более отходит от избыточной идеологизации и неоправданной привязке его к политическим режимам и стилям управления, выявляя существенные и смысловые моменты последнего. Становится очевидным, что коллективизм и на уровне социальных практик, и на уровне ценностей заложен в самой природе человека. И в условиях процесса социальной индивидуализации ценности коллективизма оказываются не менее, если не более востребованы. Однако их концептуализация и даже дискурсивное сопровождение качественно меняются. А связь ценностей коллективизма с тоталитарными, авторитарными и просто антидемократическими режимами очевидно является мнимой.

Литература

1. . . . Дорога к рабству. М., 2005. С. 28.
2. . . . История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. 367 с.
3. . . . Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 203.

4. Triandis H. C. A theoretical framework for the more efficient construction of culture assimilators // *International Journal of Intercultural Relations*. 1984. № 8. P. 301–330.

5. Triandis H. C., McCusker C., Hui H. C. Multithethod Probes of Individualism and Collectivism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol 59(5). P. 1006–1020.

6. . . . Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

7. . . . Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // *Философские науки*. 2009. № 10.

8. . . . О митохондриальной Еве и генетическом разнообразии современного человечества. URL: <http://antropogenez.ru/article/76/> (дата обращения: 13.10.2014).

9. . . . Частная жизнь как культурная ценность в общественном сознании россиян // *Вестн. Ставроп. гос. ун-та*. 2010. № 4. С. 46–51.

10. . . . Философия познания. Полемические главы. М., 2002.

11. . . . Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. 544 с.

References

1. Khaieik F.A. *fon Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. М., 2005, p. 28.

2. Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. *Istoriya i ratsionalnost': Sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskii renessans* [History and Rationality: Sociology of Max Weber and Weber Renaissance]. М., 1991, 367 p.

3. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg, 2001, p. 203.

4. Triandis H.C. A theoretical framework for the more efficient construction of culture assimilators. *International Journal of Intercultural Relations*, 1984, no 8, pp. 301-330.

5. Triandis H.C., McCusker C., Hui H.C. Multithethod Probes of Individualism and Collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, vol 59(5), pp. 1006-1020.

6. Rorti R. *Sluchainost, ironiya, solidarnost* [Contingency, Irony and Solidarity]. М., 1996.

7. Przhilenskii V.I. Identichnost: obretat, vibirat ili konstruirovat? [Identity: Find, Select or Contacted?]. *Filosofskie nauki*, 2009, no 10.

8. Bodrinskaya S.A. *O mitokhondrial'noi Eve i geneticheskom raznoobrazii sovremennogo chelovechest-*

va [About Mitochondrial Eve and the Genetic Diversity of Modern Mankind]. Available at: [http:// antropogenez.ru/article/76/](http://antropogenez.ru/article/76/) (accessed 13.10.2014).

9. Przhilenskii I.V. Chastnaya zhizn' kak kul'turnaya tsennost' v obshchestvennom soznanii rossiyan [Private Life as a Cultural Value in Public Opinions of Russians]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no 4, pp. 46-51.

10. Mikeskina L.A. *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [Philosophy of Knowledge. Polemical Chapter]. Moscow, 2002.

11. Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to Social Epistemology of Language]. Moscow, 2008, 544 p.

Поступила в редакцию

10 ноября 2014 г.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 631.158:658.3

ОЦЕНКА И ДИАГНОСТИКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ (ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ) – ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ

© 2015 г. И.М. Зейналов, Р.Р. Мазина

И.М. Зейналов – кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой
общего права и внешней политики, Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет, Петербургское шоссе, 2, Пушкин, 196601.
E-mail: sadovaya14@gmail.com

*Zeinalov Isa Musaevich –
Candidate of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Common Law
and Foreign Policy,
Saint-Petersburg State Agrarian University,
Petersburgskoe Highway, 2, Pushkin,
196601, Russia.
E-mail: sadovaya14@gmail.com*

Р.Р. Мазина – кандидат философских наук, доцент кафедры
общего права и внешней политики, Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет, Петербургское шоссе, 2, Пушкин, 196601.
E-mail: sadovaya14@gmail.com

*Mazina Rita Rashitovna –
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Common Law
and Foreign Policy,
Saint-Petersburg State
Agrarian University,
Petersburgskoe Highway, 2, Pushkin,
196601, Russia.
E-mail: sadovaya14@gmail.com*

Ключевые слова:

The article analyses the conditions and feasibility of the diagnostic personnel centers formation at the territorial and sectoral level of the economic entities, which allow activating systematically the personnel policy of the economic entities at all levels. The article also reveals the existing international experience of assessment centers (G. A. Murray) as well as the experience of territorial and sectoral assessment centers, the principles of the assessment of personal characteristics and abilities. The article presents the typical methods of personnel assessment, defines the place and role of business play in the assessment process.

Keywords: *assessment center, methods of diagnostics, data bank, attestation, professiogramma.*

Формирование конкурентного состава руководящих кадров – приоритетная задача социально-экономической политики каждого территориально-отраслевого комплекса субъектов Российской Федерации. В механизме данного процесса значительная роль принадлежит деятельности оценочно-диагностических центров. В кадровых службах отраслей и сфер экономики страны наработки по созданию оценочных центров уже имеются, но большинство из них все еще находится в поиске (судя по фактическому состоянию кадров и по научным публикациям). За рубежом такие центры созданы давно и имеют достаточно широкое применение [1, 2].

Интересен опыт оценочного центра Управления стратегических служб США, где проводится отбор как военных, так и гражданских кандидатов на руководящие посты в различные организации. Кандидаты подвергаются проверке не только с целью выявления их умственных способностей и причин, побуждающих посвятить себя конкретному виду деятельности, но и физической выносливости, эмоциональной устойчивости, сопротивления стрессу. Упражнения, которые выполняют участники в течение срока подготовки, рассчитаны на то, чтобы выявить все положительные качества и слабые стороны кандидата. Оценочный центр укомплектовывается группой хорошо подготовленных экспертов (психологов и психиатров) из числа выпускников ведущих американских университетов [3].

Первые оценочные центры в различных секторах экономики США начали функционировать уже с 1958 г. Они были предназначены для помощи кадровым службам в отборе администраторов, вновь поступивших на фирму на первые управленческие должности. Результаты оценок давали материал, доказывающий стабильность и надежность этого метода для подбора и расстановки кадров.

Период широкого тиражирования метода оценочных центров начался в конце 1960-х гг. XX в. Он стал использоваться в практике кадровой работы с крупными и средними компаниями. Дальнейшая успешная апробация методов отбора кандидатов во многих отраслях и правительственных учреждениях говорит о признании и эффективности данного метода.

В современных зарубежных и отечественных оценочных центрах достаточно успешно используются различные технологические приемы, помогающие экспертам выявить и оценить качество будущего руководителя, необходимые ему для

работы. Цель оценок – комплексный подход, объединяющий различные методы, включая разнообразные формы деловых игр, интервьюирование и психологические тесты. Многие из частных методов известны и давно применяются как самостоятельные, другие появились сравнительно недавно, но уже успели себя положительно зарекомендовать.

Приступая к формированию оценочных программ, их составители подбирают упражнения таким образом, чтобы выявить способности участников к управлению, а также их сильные и слабые стороны в соответствии с определенными качествами – критериями, которые считаются необходимыми руководителям для успешной работы на тех предполагаемых должностях, на которые претендуют участники оценки.

Анализ источников [2–4] позволяет определить ряд типовых приемов оценки управленческого персонала. Типовая 2–3-дневная программа обычно включает в себя:

- упражнение по решению производственной задачи в виде деловой игры;
- групповое обсуждение ситуации как заранее заданной, так и разыгрываемой спонтанно;
- упражнение по решению проблем без посторонней помощи («Баскет-метод»);
- тесты по выявлению индивидуальных черт;
- интервьюирование участников;
- психологические тесты;
- другие упражнения.

Одним из основных методов, применяемых в оценочных центрах и наиболее полно представленных в программах, является деловая игра, под которой подразумевается упражнение по решению конкретной производственной задачи. Отличительная особенность деловой или управленческой игры состоит в том, что, позволяя участникам проявить способности к быстроте и точности анализа информации и активизации творческих знаний, в ней делается упор на принятие решения и его последующую проверку с помощью модели реальной хозяйственной ситуации.

Существует ли необходимость в оценочных центрах в аграрном секторе России и есть ли возможность их развития?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. В условиях постоянного снижения уровня производительности труда в сельскохозяйственном производстве, слабой «закрепляемости» молодых специалистов на селе, низкой материальной заинтересованности работников в результатах труда происходит интенсивный отток квалифицированных кадров. Сложив-

шаяся ситуация определяет необходимость существенной корректировки подходов к системе воспроизводства квалифицированной рабочей силы в отрасли, которая, с одной стороны, должна быть более восприимчивой к инновациям, с другой – синтезировать в себе инновационный опыт оценки, подготовки и переподготовки квалифицированных кадров.

Одним из базовых направлений перспективных подходов к системе воспроизводства состава управленцев, по нашему мнению, является сеть оценочных центров, формируемая по территориальному принципу, т.е. в каждом субъекте (области) страны.

В связи со вступлением России в ВТО острота проблемы кадрового обеспечения аграрного сектора экономики существенно возрастает, поскольку управленческие кадры являются одним из ведущих факторов повышения конкурентоспособности аграрных структур в целом. Главной задачей подобных центров должна быть высококвалифицированная оценка и выводы для подготовки предложений по формированию резерва руководящих кадров, дефицитным специальностям, обработка и накопление кадровой информации.

Так, например, в 2012 г. резерв руководителей сельскохозяйственных предприятий страны превышал 12,5 тыс. чел., из них прошли обучение и оценку не более 12 % [1]. Центры на территориально-отраслевом уровне призваны проводить специализированную и квалифицированную проверку, обеспечивать кадровые организации необходимыми данными по отдельным категориям сотрудников. Они должны комплектоваться педагогами, профессионалами-тренерами, способными не только преподавать, но и разрабатывать методические и практические рекомендации. Структура центров будет зависеть от количества обслуживаемого учебного контингента, возможности организации, создающей данную структуру. В любом случае в нём необходимо иметь кроме руководителя тренеров-методистов, психодиагностиков, исследователей и операторов-обработчиков данных. Целесообразно работать со штатными преподавателями и экспертами, но в их роли вполне смогут выступать подготовленные специалисты аграрной сферы экономики. Будет нежелательным, и это отразится на работе, если центр попадёт в многоуровневое подчинение. В таком случае трудно ожидать реализации единого замысла, единой линии и координации усилий. Оценочные центры способны плодотворно работать при условии ориентации на конкретные кадровые задачи,

объекты исследования и возможность получения необходимой (даже закрытой) профессиональной информации.

В центре должен быть создан банк данных, в котором формируется и пополняется вся кадровая картотека. Пополнение кадровой информации и ее анализ входят в основную обязанность центра. Здесь же разрабатывают единые формы стандартизированных документов и рекомендации по работе с ними для аграрного сектора, работают с личными делами. В центрах также должны разрабатываться и обрабатываться профессиограммы, формулироваться соответствующие предложения. Центры ведут плановые и контрольные «замеры» сравнительных оценок по контингенту, накапливают данные.

В итоге оценочные центры позволяют не только «складировать» информацию о кадрах, но и сортировать ее по соответствующим направлениям и выдавать по мере запросов. В картотеке можно дифференцировать кандидатов для любых должностей: с четко выраженными управленческими качествами, склонных к конкретным видам управленческой деятельности. По запросу руководства или кадрового органа Центр всегда может дать аргументированное заключение с предложениями и рекомендациями для назначения на конкретную должность.

Работа в данной сфере всегда проводилась и проводится непосредственно специалистами кадровых служб конкретных предприятий. Специфика же предлагаемого подхода состоит в том, что из разрозненных источников кадровая информация будет собираться в центральный, единый Банк данных. При этом сокращается переписка, количество документов, исключается местнический подход, появляется больше шансов для независимой экспертизы и оценки качества работника, снижается зависимость от какого-либо чиновничьего вмешательства.

Оценочные центры могут выполнять многоцелевые функции. Здесь можно организовать учебу кадров и проводить методологические семинары. На центр можно возложить более сложные задачи, например разработку методик, проведение исследований по отдельным проблемам, оказание методической помощи руководителям в проведении аттестаций личного состава и т.д.

Сложившаяся практика работы центров оценки персонала совмещается с проведением мероприятий по аттестации, конкурсным замещением должностей, приёмом на работу на основе контрактного трудового договора, формированием

кадрового резерва. Аттестация работников – основное, систематически проводимое мероприятие в управлении персоналом. Задачами аттестации являются установление соответствия работника занимаемой должности, его тарификация и дальнейшие карьерные перспективы.

Некоторые специалисты, исследующие проблему, отмечают, что опыт проведения аттестации обнаруживает в ряде случаев ее низкую эффективность [4]. Среди причин – формальный, кампанийский подход к проведению, отсутствие системы квалификационных должностных требований и др. При этом подчеркивается, что сложившаяся система работы в этой сфере выражает, как правило, интересы руководителей и начальников. Явно недостаточно учитываются интересы аттестуемого сотрудника, не фиксируется его мнение об удовлетворенности своей работой.

Аттестация относится к функциональным обязанностям каждого начальника (руководителя) в системе государственной службы и предпринимательских структур. Поэтому отношение к этой процедуре должно быть соответствующим. Ее сильными сторонами считаются:

- относительная простота и доступность для любого руководителя, имеющего права на аттестацию;
- использование метода личного наблюдения как одного из эффективных приемов оценки;
- участие в процедуре оценки двух заинтересованных сторон: аттестующего и аттестуемого, находящихся в непосредственном должностном контакте и взаимодействии.

Слабых позиций имеется значительно больше и по своему негативному воздействию на содержание документа они действуют значительно сильнее. Этот ряд составляют:

- возможность аттестующего переложить свои функции оценки на третью сторону (как правило, кадровых работников);
- размытость и неопределенность документов, характеризующих работника;
- незащищенность от должностного произвола и предвзятости;
- неполнота и односторонность подхода к оценке (например, отмечаются только слабые качества);
- недоказуемость отдельных претензий;
- трудность в защите своих позиций одной из сторон;
- возможность аттестующему уйти от ответственности за данную оценку ввиду ее размытости (неконкретности).

Эффективность аттестационной работы значительно повысится, если удастся пересмотреть права и обязанности аттестационных комиссий и наделить их большими полномочиями. В частности, ввести в практику правило, при котором аттестационным комиссиям было бы предоставлено право аттестовать непосредственных начальников. Хорошим руководителям это не грозит снижением авторитета. Целесообразно, на наш взгляд, ввести поименное голосование членов аттестационных комиссий с документальной фиксацией мнения, т. е. подтверждать свою оценку на профессиограмме личной подписью. Индивидуальные оценочные профессиограммы членов аттестационной комиссии могут объединяться в сводную таблицу. Из суммы индивидуальных оценок нетрудно вывести средний балл.

Аттестация с применением профессиограмм во многом устранил негативные моменты данной процедуры. После утверждения выводов по аттестации центр аналитической и технической работы смещается в кадровые органы предприятия, где формируется база данных, оформляется соответствующая документация, регулирующая движение кадров.

Правовой основой кадровой деятельности являются соответствующие для каждой должности утверждающие решения и формализованные документы, к которым относятся и аттестационные листы. Именно поэтому статус этих документов должен иметь государственное признание. Тем не менее единого подхода, единого государственного образца аттестационного листа пока не существует. Каждое ведомство и отрасль работают по своим меркам. Многообразие формализованных и неформализованных приемов и методов стимулирует поиск наиболее удобных решений этой проблемы.

В условиях обострения конкуренции на всех уровнях и практически во всех отраслях аграрного сектора экономики организационно-технические изменения (формирование интегрированных систем оценки и аттестации кадров) позволяют своевременно адаптировать систему воспроизводства квалифицированных кадров, поддерживающую их конкурентоспособность и в связи с этим открывающиеся возможности скорейшего освоения ресурсосберегающих технологий, решения новых производственных и управленческих решений по снижению социальной напряженности в целом.

Литература

1. . . Тенденции и перспективы воспроизводства трудовых ресурсов в сельском хо-

Common positions in the views of sociologists and economists the problem of the definition of key indicators and levels adaptedness of the population are highlighted. The concept of "adaptedness" is specified and the main indicators of adaptedness - health and material well-being based on the leading role of socio-economic adaptation in the conditions of transforming Russian society, the importance of demographic and material resources of adaptation for this process are justified.

Keywords: *adaptedness, social and economic adaptation, adaptation resources, health, material security.*

Для основной части населения трансформация современного российского общества связана с изменениями условий жизнедеятельности. Большинство россиян она воспринимается и оценивается с позиции необходимости преобразования своих ценностных ориентаций и устоявшихся моделей поведения, апробации новых установок и поведенческих паттернов. При этом успешность адаптации во многом определяется наличием в распоряжении субъекта достаточных для достижения желаемого результата ресурсов и оценивается посредством соотнесения целей адаптации и ее результатов. В условиях перманентности социальных изменений и адаптации к ним необходимо выявление и обоснование ключевых показателей, позволяющих оценить результативность адаптационных процессов в конкретный период времени и определить проблемы, которые затрудняют продуктивную реализацию адаптационного потенциала населения.

Социальная адаптация рассматривается нами как процесс или результат достижения определенного соответствия между социальной системой (личностью, социальной группой, общностью, обществом) и внутренними и внешними изменениями. Она осуществляется двумя способами: посредством преобразования внешней для субъекта адаптации (адаптанта) среды и его внутренней среды. В социально-гуманитарном знании сформировалась традиция выделять два вида адаптации на основе специфики характера взаимодействия адаптанга и среды: приспособление и приспособлявание. В первом случае позиция адаптанга пассивна, в процессе взаимодействия с социальной средой он занимает место объекта ее воздействия, принимая сложившиеся условия жизнедеятельности как данность и приспособляясь к ним. Во втором случае позиция адаптанга активна, он выполняет роль субъекта воздействия на социальную среду, стремится изменить и при возможности преобразует социальные условия [1, с. 42].

В ряде исследований социальной адаптации населения для оценки потенциальных возможностей и результата(-ов) успешности адаптации ученые применяют понятия адаптированности и адаптив-

ности, не всегда четко и однозначно разграничивая их. На наш взгляд, эти термины нуждаются в концептуализации, теоретической и эмпирической интерпретации, поскольку их содержание отличается существенным образом и требует определения как сущностных характеристик, так и эмпирических показателей и индикаторов, необходимых для социологического измерения специфики адаптационных процессов в условиях социальной трансформации и их результативности.

Полагаем, что сложность разграничения данных понятий связана с двойственным характером самой социальной адаптации, когда она выступает и как процесс, и как состояние (результат этого процесса). Использование в целях адаптации определенных потенциальных возможностей субъекта может приводить к достижению им некоторого результата (уровня адаптированности), когда состояние того или иного качества адаптанга становится ресурсом его адаптации. С нашей позиции, ресурс адаптации – это качества субъекта, позволяющие ему достигать желаемых результатов посредством актуализации своих потенциальных возможностей. Совокупность ресурсов составляет адаптационный потенциал, носителями которого могут выступать отдельные индивиды и социальные общности как субъекты социальной адаптации, социальных действий и взаимодействий [2]. При этом также нужно учитывать непрерывный характер социальной адаптации, обусловленный необходимостью в приспособлении к постоянным частичным и кардинальным социальным изменениям, сопровождающим современный этап общественного развития. Именно обоснование понятий адаптированности и адаптивности позволит разграничить и соответственно оценить потенциальные возможности адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности и результаты адаптационного процесса.

В нашем представлении адаптивность выступает как способность субъекта осуществлять адаптацию, как функциональный признак социальной системы. Адаптированность понимается как результат адаптационного поведения субъекта и характери-

зуется соответствием цели (целей) адаптации и достигнутых результатов. Она определяется целями субъекта, обусловленными, с одной стороны, его потребностями, с другой – осознанием происходящих изменений и необходимости адаптации к ним. Учитывая непрерывность адаптационного процесса, можно сказать, что адаптированность будет представлять собой результат адаптации к происходящим изменениям на текущий момент.

Говоря о результативности процесса адаптации, мере достижения поставленных целей, представляется значимым обратить внимание на проблему определения и измерения уровней адаптированности, когда альтернативного подхода (либо субъект адаптирован к среде, либо нет) оказывается недостаточно для оценки степени успешности адаптационного процесса, особенно это значимо при исследовании адаптации в трансформирующемся обществе. Как отмечает Е.П. Яковлева, в работах исследователей данной проблематики зачастую используются два критерия адаптированности в рамках дихотомии «адаптация – дезадаптация», на основании которых выделяется два ее уровня: полная адаптированность и дезадаптированность. При этом оценка реальной ситуации становится затруднительной из-за такой категоричности измерения адаптированности, поскольку не учитывает промежуточные состояния этого явления [1, с. 45].

В этом плане важно рассмотреть ряд концепций ведущих российских социологов и экономистов, в рамках которых авторы предлагают свое решение вопроса об определении ключевых показателей адаптированности и ее уровней.

Е.М. Аврамова обращает внимание на научную и практическую востребованность анализа результатов процесса адаптации в трансформирующемся российском обществе и построения типологии населения по критерию адаптированности [3, с. 40]. Выстраивая свой авторский подход к исследованию данной проблематики, в качестве одного из показателей адаптированности она вводит субъективную оценку респондентом результата своей адаптации к изменениям, произошедшим за годы реформ («Удалось ли Вам приспособиться к новым условиям?»). Е.М. Аврамова отмечает, что данные ее исследований социально-экономической адаптации населения в российском обществе в период структурной трансформации позволяют говорить о наличии в обществе ряда социальных общностей, различающихся по степени адаптированности. Среди этих категорий выделяются три вида социальной общности: 1) небольшая по объему, хорошо адаптирован-

ная, практически не расширяющаяся; 2) имеющая средний уровень адаптированности и представляющая собой основу для формирующегося среднего класса; 3) характеризующаяся низким уровнем адаптированности [3, с. 68–73].

В дальнейшем, исследуя проблему социальной мобильности в российском обществе, Е.М. Аврамова вместе с коллективом авторов [4] ставит вопрос о критериях успешности адаптации, необходимых для оценки результативности и характера вертикальной мобильности населения. В качестве таких критериев выступают результаты продвижения адаптанта по социальной лестнице (социальное выражение адаптации) и повышение уровня его материальной обеспеченности (материальное выражение адаптации). Значения этих показателей адаптированности варьируются по трем уровням: высокий, средний, низкий. Для статусного компонента успешности социально-экономической адаптации, связанного с отражением положения адаптанта в социальной структуре общества, высокий его уровень соответствует оценкам «высокое» и «выше среднего»; средний – оценке «среднее»; низкий – оценкам «ниже среднего» и «низкое». Для материальной составляющей адаптированности высокий уровень определяется такими ответами респондента, как «не отказываю себе ни в чем» или «с избытком хватает на текущие нужды, но нет возможности совершать крупные покупки (недвижимость, автомобиль)»; средний – «вынужден экономить на некоторых вещах и продуктах»; низкий – если респондент «с трудом сводит концы с концами», или для него «наступили нужда и голод».

Для измерения уровня социально-экономической адаптации населения предлагается использовать комбинацию названных показателей:

– при оценке респондентом одного из критериев (статусного или материального) на высоком уровне, а другого – на высоком или среднем уровне адаптации (адаптированности) определяется как высокий;

– при оценке двух показателей средними значениями уровень адаптации считается средним;

– если один из критериев получает низкую оценку (при этом другой критерий может иметь и более высокие значения), то уровень адаптации оценивается как низкий;

– при определении респондентом двух показателей низкими значениями для него характерна дезадаптация [4, с. 9].

Л.А. Беляева характеризует адаптацию населения в современной России во взаимосвязи с особенностями социальной структуры общества и

социальной стратификации. Последняя оказывается результатом приспособления индивида к экономическим и организационным изменениям, обусловленным рыночными преобразованиями. В этом плане положение определенного социального слоя отражает уровень адаптации (адаптированности) к современным российским условиям. Эмпирическая верификация состояния адаптации осуществляется посредством оценки материального положения, социального самочувствия, степени свободы и уверенности в будущем и др.

Для комплексной оценки адаптированности населения в условиях социальной трансформации Л.А. Беляева использует два показателя, в которых проявляется оценка респондентом своего социального положения. Первый показатель учитывает мнение респондента о результатах воздействия на его жизнь проводимых в России реформ («выиграл» или «проиграл» от таких преобразований); второй – оценку респондента своего материального положения относительно других людей. Как показывают результаты эмпирических исследований, такие показатели адаптированности тесно коррелируют друг с другом [5, с. 109–110]. Пособством их соотнесения Л.А. Беляева выделяет три идеально-типические группы адаптантов: «преуспевающие» – те, кто выиграл от проводимых реформ и оценил свое материальное положение как лучшее, чем у других; «адаптированные» – кто не выиграл и не проиграл от реформ, при этом оценил свой материальный статус как такой же, как у других людей; «выживающие» – кто проиграл от реформ, и чье материальное положение, по их мнению, хуже, чем у других [5, с. 110].

Рассматривая содержание социальной адаптации как приведение индивидуального и группового сознания в соответствие с доминирующей в обществе системой норм и ценностей, П.М. Козырева представляет адаптированность как результат процесса адаптации, степень адаптированности – как главный итог определенного этапа адаптации [6, с. 16]. Она отмечает, что при оценке результатов адаптации используются объективные и субъективные критерии.

Первые фиксируют степень освоения индивидом новых поведенческих стандартов и реализации им в своем поведении норм, принятых в данной социальной общности или в обществе в целом, и др. Эти критерии образованы двумя группами показателей: процессуальных (как достигнут результат) и результирующих (какой результат достигнут). Сопоставление указанных критериев с целью (как ожидаемым результатом) и конкрет-

ными задачами адаптационного процесса позволяет определить и оценить оптимальность и степень эффективности адаптации. Исходя из связи объективных критериев с социальным поведением адаптанта, данный тип показателей адаптированности автор иначе называет поведенческими критериями. Субъективные критерии оценки результатов адаптации отражают внутреннее состояние адаптанта. В данном случае таким обобщенным показателем адаптированности является социальное самочувствие, которое понимается П.М. Козыревой как общее внутреннее состояние человека, формирующееся в повседневной жизни и включающее его отношение к окружающей действительности, оценку условий жизни и жизненных перспектив, своего положения в обществе, степень удовлетворенности жизнью. По мнению автора, социальное самочувствие включает в себя как характеристики, раскрывающие внутренний мир адаптанта, так и объективные показатели: состояние здоровья, уровень преступности, самоубийств, продолжительность жизни и др. Различия в социальном самочувствии адаптантов связаны с направленностью их оценок своей жизни и ее отдельных аспектов (от позитивного полюса к негативному) [7, с. 26].

Для измерения социального самочувствия П.М. Козырева предлагает использовать разработанный ею обобщающий индекс, состоящий из трех субиндексов: удовлетворенности и стабильности существования; статусно-престижной идентичности (самооценки); самооценки состояния здоровья. Первый предполагает идентификацию респондентов по их представлениям об актуальных для них условиях выживания. К индикаторам данного субиндекса автор относит оценки респондентом удовлетворенности собственной жизнью на момент опроса, изменения положения своей семьи в ближайшие 12 месяцев, уверенности в возможности обеспечения себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев. Второй субиндекс основан на идентификации респондентов по их субъективным представлениям о собственном положении в экономической и политической организации российского общества. Во внимание принимаются оценки индивидами своего положения в континуумах: «нищих» и «богатых»; «бесправных» и «тех, у кого много власти»; «тех, кого совсем не уважают» и «тех, кого очень уважают» [7, с. 27]. Связывая ряд индикаторов первых двух субиндексов с идентификацией индивида, П.М. Козырева выделяет такую важную особенность социальной адаптации в условиях переходного периода, как отсутствие устоявшегося механизма

социальной идентификации, когда у адаптанта возникают трудности в идентификации себя с определенной социальной общностью или группой [7, с. 34].

При исследовании социально-экономической адаптации населения Самарской области А.С. Готлиб, О.Н. Запорожец, А.В. Кингарова выделяют в качестве ее основной интегральной характеристики субъективное качество жизни, отражающее степень благополучия человека, и предлагают использовать три индикатора: удовлетворенность жизнью в целом («Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом?»); ощущение счастья или несчастья («Насколько Вы счастливы?»); удовлетворенность частными сферами жизни, значимыми для индивида. При этом оговаривается, что измерять удовлетворенность отдельными сферами жизни целесообразно в том случае, если эти сферы важны для адаптанта. Авторы выделяют 17 частных сфер жизнедеятельности: здоровье; семья; дети; жилищные условия; материальное положение; любовь; стабильность, уверенность в завтрашнем дне; безопасность; уважение со стороны других людей; друзья; работа; отдых и свободное время; забота о человеке со стороны государства; соблюдение законов; экологическая обстановка; образование; политические свободы. Оценка этих сфер осуществляется респондентом по критериям важности (интервал измерения: от 1 («очень важно») до 0 («совсем не важно»)) и удовлетворенности (интервал измерения: от 1 («очень доволен») до –1 («совсем не доволен»)). В итоге рассчитывается интегральный индекс субъективного качества жизни, имеющий три уровня: низкий, средний и высокий [8, с. 6–15]. Таким образом, авторы выделяют три уровня социально-экономической адаптированности индивида в субъективном измерении.

Ориентируясь и на измерение объективных компонентов уровня жизни населения, для их оценки авторы используют ряд показателей и индикаторов, сгруппированных по блокам:

– первый блок отражает степень удовлетворенности насущных физиологических и социальных потребностей и включает оценку собственных возможностей питаться, одеваться и восприятие свободы;

– второй блок образован имущественными показателями и предполагает оценку наличия / отсутствия массово распространенных предметов длительного пользования (холодильника, цветного телевизора, стиральной машины, пылесоса) и дополнительных имущественных атрибутов (мобильного телефона, посудомоечной машины и др.);

– третий блок направлен на установление наличия недвижимости (земельного участка, гаража, второй квартиры (дома) и др.) и коммерческих практик ее использования (сдача в аренду собственности);

– четвертый блок связан с оценкой качества жилищных условий (количество жилой площади на одного члена семьи (в квадратных метрах), факт владения жильем, наличие / отсутствие отдельного жилья для проживания), возможности оплаты жилья, проведения ремонта и его качества;

– пятый блок фиксирует наличие сбережений, возможность прожить на них определенное время;

– шестой блок включает показатели, отражающие факт пользования платными социальными услугами: образовательными, медицинскими, в сфере отдыха, а также в качестве дополнительных условий используется форма отдыха за последние два года;

– седьмой блок предполагает измерение характера проведения досуга на основе определения частоты посещения разных досуговых учреждений (кафе, бары, рестораны; кино; спортивные соревнования и др.).

При этом выделяются значения этих показателей и индикаторов, характеризующие депривацию населения (и соответственно его дезадаптацию) [8, с. 65–71].

Рассмотрев ряд подходов к выделению показателей адаптированности и обоснованию ее уровней, можно выделить ряд общих позиций во взглядах ученых: при определении содержания и соответственно для измерения адаптированности используют как оценки и мнения об отдельных компонентах адаптации, так и обобщенную (комплексную) субъективную оценку результата адаптации; среди показателей адаптированности выделяют материальное положение (материальную обеспеченность); несмотря на сложности социального измерения, выделяют и обосновывают уровни адаптированности населения.

Полагаем, что для измерения адаптированности следует использовать как объективные, так и субъективные показатели. В данном случае в качестве показателя будет выступать какое-либо свойство, характеристика субъекта адаптации. При этом каждое качество адаптанта всегда имеет определенное реальное значение, которое можно зафиксировать или подтвердить объективными средствами (например, уровень образования подтверждается соответствующим дипломом, свидетельством, удостоверением и т.д.). В то же время субъект адаптации может оценивать удовлетво-

ренность своими качествами и свойства своего адаптационного потенциала, формируя тем самым значения субъективных показателей адаптированности. Иначе говоря, для каждой объективной характеристики может быть определена субъективная, связанная с самооценкой респондентом того или иного объективного параметра. При этом в субъективном измерении удовлетворенность имеющимся состоянием конкретной объективной характеристики может быть выше, чем на самом деле. В этом случае необходимо ставить вопрос о вероятном снижении уровня притязаний адаптанта и выявлении тех факторов, которые повлияли на это состояние, что, по-видимому, связано с принятием пассивных способов и стратегий адаптации.

Учитывая получение информации о значениях данных показателей от самих респондентов в результате проведения социологического опроса, когда нет возможности подтвердить документально или проверить полученные данные, такое разделение показателей адаптированности на объективные и субъективные становится достаточно условным. Вместе с тем принять такое методологическое решение необходимо в силу различной природы этих категорий показателей: объективные – характеризуют достигнутые реальные результаты адаптации, а субъективные – степень удовлетворения этими результатами, выраженную в индивидуальных оценках и мнениях человека. Значимыми оказываются субъективно переживаемые оценки себя и своей жизни.

На наш взгляд, при определении ключевых показателей адаптированности следует учитывать ее связь с ресурсами адаптации и адаптационным потенциалом в целом. В структуре адаптационного потенциала социального субъекта (индивида, социальной общности) можно выделить несколько значимых ресурсов:

– личностно-культурный ресурс, индикаторами которого выступают ценности, установки, идеалы, качества личности и другие составляющие духовного мира, а также модели поведения, востребованные в определенных социальных условиях;

– образовательно-профессиональный ресурс, представленный такими индикаторами, как уровень образования и профессиональной квалификации, подтвержденный формально, владение и использование в профессиональной деятельности значимых общекультурных умений, получение дополнительного образования, социально-профессиональный статус;

– материальный ресурс, включающий источники и уровень доходов, объем собственности, использование собственности для получения допол-

нительных доходов, сфера занятости, возможность получения достаточно высокого уровня доходов без применения неформальных и нелегальных способов, жилищные условия и др.;

– социальный ресурс, характеризующийся рядом индикаторов: включенность в социальные сети разного типа, получение в рамках этих сетей различных видов социальной помощи, характер и объем этой помощи, обладание властью, что для большинства населения выступает как наличие подчиненных по основному месту работы и др.;

– демографический ресурс, представленный такими группами индикаторов, как физические характеристики (пол, возраст, состояние здоровья, уровень трудоспособности и др.), место проживания (регион, тип поселения) и др. [2, с. 133–134].

Разделяя точку зрения Е.М. Авраамовой, Л.А. Беляевой, П.М. Козыревой, А.С. Готлиб на ведущую роль социально-экономической адаптации населения в условиях трансформирующегося российского общества (по отношению к другим видам адаптации), считаем целесообразным уделять внимание тем основным показателям, которые связаны с демографическим и материальным ресурсами адаптации. При этом можно установить соответствие значений этих показателей определенным уровням адаптированности: высокому, среднему и низкому. Также следует особо отметить, что при измерении уровня адаптированности представляется важным выделять уровень депривации как состояние лишения индивида возможности удовлетворять необходимые жизненные потребности, когда некорректно говорить о степени его адаптированности.

В демографическом аспекте ключевым критерием адаптированности выступает состояние здоровья, поскольку на нем во многом сказываются неблагоприятные последствия физической и психологической нагрузки от тяжелой работы, некачественного питания и других факторов низкого уровня жизни. Неудовлетворительное состояние здоровья или наличие хронического заболевания, инвалидности существенно ограничивает или не позволяет приобрести другие значимые для адаптации ресурсы: образовательно-профессиональные, экономические, социальные и др. Эти обстоятельства придают особую, ключевую значимость здоровью как адаптационному ресурсу населения и показателю адаптированности к изменениям.

По определению Всемирной организации здравоохранения, здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и

cial Actors and their Typology]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2013, no 6, pp. 125-134.

3. Avraamova E.M. *Vremya peremen: sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya naseleniya* [Time of changes: the population's social and economic adaptation]. Moscow, 1998.

4. *Vertikal'naya mobil'nost' rossiiskogo obshchestva: 2000-e gody* [Vertical Mobility of Russian Society: 2000th years]. Ed. E.M. Avraamova. Moscow, 2008.

5. Belyaeva L.A. *Sotsial'naya stratifikatsiya i srednii klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitiya* [Social Stratification and Middle Class in Russia: 10 years of Post-Soviet Development]. Moscow, 2001.

6. Kozyreva P.M. *Protsessy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov* [Adaptation Processes and Evolution of

Social Well-being of Russians at a Turn of the XX–XXI Centuries]. Moscow, 2004.

7. Kozyreva P.M. *Adaptatsiya naseleniya k usloviyam transformiruyushchegosya obshchestva v postsovetskoi Rossii* [Population's Adaptation to the Conditions of the Transforming Society in Post-Soviet Russia]. Moscow, 2011.

8. Gotlib A.S., Zaporozhets O.N., Kingarova A.V. *Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya naseleniya Samarskoi oblasti: uroven' i kachestvo zhizni, rasporiazhenie zhil'em, finansovye praktiki* [Social and Economic Adaptation of the Samara Region Population: Level and Quality of Life, Housing, Financial Practices]. Samara, 2007.

9. *Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya* [World Health Organization]. Available at: <http://www.who.int/ru/> (accessed 03.10.2013).

Поступила в редакцию

20 ноября 2014 г.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 947.1/9

ОБРАЗ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

© 2015 г. А.С. Ищенко

Ищенко Александр Сергеевич –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и социальных технологий,
Новочеркасский институт инженерного строительства,
земельного рекультивирования и агрономии,
Донецкий национальный аграрный университет,
г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111,
346428.
E-mail: ischenko-2010@mail.ru

*Ishchenko Aleksandr Sergeevich –
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of History and Social Technologies,
Novocherkassk Institute of Engineering and Land
Reclamation, Don State
Agrarian University,
Pushkinskaya St., 111, Novocherkassk, 346428, Russia.
E-mail: ischenko-2010@mail.ru*

XVII

Ключевые слова:

The article is devoted to consideration of the image of Vladimir Monomakh in Ukrainian socio-historical consciousness from the beginning of XVIIth century to the present time. The author analyzes development and evolution of the concepts and their impact on the creation of historical and cultural identity of the Ukrainian statehood.

Keywords: *Vladimir Monomakh, socio-historical consciousness, myth, national identity, appropriation.*

Владимир Всеволодович Мономах – одна из наиболее известных и ярких личностей русского средневековья. Летописцы изображали его как самоотверженного борца за Русскую землю, ее защитника от внешних врагов и внутренних межкняжеских распрей. Он, говоря словами древнерусского книжника, «просвети Рускую землю, аky солнце луча пушая, егоже слухъ проидизе по всимъ странамъ, наипаче же бе страшень поганымъ, братолюбець и нищелюбець и добрый страдалецъ за Рускую землю» [1, стб. 289]. Таким могущественным и справедливым правителем Владимир Мономах и вошел в историческую память восточных славян.

Фигура князя по существу превратилась в миф, и начало этому процессу было положено еще современниками Владимира Мономаха, причем самым активным его творцом выступал он сам [2]. Говоря о мифологизации образа князя или мифе о нем, следует изначально отмежеваться от вульгарного противопоставления мифа и реальности, поскольку миф сам – по крайней мере для тех, кто является носителем мифологического сознания, – предстает в виде «полностью объективной реальности» [3, с. 9]. Об этом много и ярко писали такие признанные отечественные и зарубежные специалисты в области исследования мифологии, как А.Ф. Лосев, М.И. Стеблин-Каменский, Ю.М. Лот-

ман, Р. Барт, М. Элиаде и др. Наиболее продуктивным представляется семиотический подход, трактующий миф как вторичную моделирующую систему, своего рода надстройку над языком как первичной знаковой системой, существенно деформирующую его исходную семантику и подменяющую ее новыми смыслами: «Язык, – писал Р. Барт, – предоставляет мифу как бы пористый смысл, легко способный набухнуть просочившимся в него мифом» [4, с. 293]. Такой подход позволяет понять, как за вербальным выражением в историческую мифологию проникали новые смыслы, которые становились на место старых, что имело место в мифологическом образе Владимира Мономаха.

Миф о нем, окончательно сложившись примерно к середине XIII в. [2, с. 88–94], претерпел существенную эволюцию: в эпоху образования Московского царства он превратился из грозы степняков, гаранта справедливости и защитника притесняемых в династический символ и олицетворение единой державы. Во многом в рамках этой же мифологемы знаменитый князь воспринимался и в украинских землях. Изучение Руси, как отмечал В.М. Рычка, осуществлялось здесь в русле «общерусской» исторической схемы, «на основе династического принципа, выработанного московскими книжниками-историографами и принятого официальной российской историографией» [5, с. 145].

В первой половине XVII в. в украинской общественно-политической мысли происходит пробуждение интереса к славному киевскому прошлому. Эти «припоминания Руси» были, по наблюдению того же В.М. Рычки, «обусловлены, прежде всего, интеллектуальными вызовами Унии, что и пробудило интерес просвещенных слоев украинства к поискам старокиевских корней культуры и православной веры» [6, с. 29; 7, с. 179]. Очевидно, поэтому Густынская летопись, созданная, вероятно, Захарией Копыстенским между 1623 – 1627 гг. [8–10], демонстрирует повышенный интерес к такой славной странице далекого прошлого, как походы киевских князей на Византию. В ряду этих походов выделяется отсутствующий в раннем летописании, но известный из памятников московской книжности конца XV – XVI вв. рассказ о походе Владимира Мономаха и получении им от византийского императора знаков царской власти. По свидетельству Густынской летописи, Владимир принимает решение о походе «во Греческую землю», следуя примеру своих предшественников – князей Олега, Игоря, Святослава и Владимира Святославича, чтобы «славу роду нашему добыти»

[11, с. 74]. И далее, когда византийский император прислал князю знаменитые регалии и он был ими венчан, то «отселе Владимирь Мономах царемь Рускимь нарицашеся». Причем, «сим же венцемь Мономаховым, – замечает автор, – и доныне царе Московские венчаны бывають» [11, с. 75]. Особенность рассказа Густынской летописи в сравнении с конструкциями московских книжников состоит лишь в замене имени императора Константина Мономаха именем Алексея Комнина, который кроме даров посылал киевскому князю грамоту.

Значительное влияние на изображение Владимира Мономаха оказала польская традиция и особенно *Kronika Polska, Litewska, Zmodska, i wsystkiej Rusi* Мацея Стрыйковского (1582 г.), к которой едва ли не наиболее охотно обращались украинские книжники, в том числе и для заимствования сведений об истории Киевской Руси [12, с. 57–67; 13]. Ее значительное влияние прослеживается, в частности, в составленной в 1672–1674 гг. «Хронике» игумена Киевского Златоверхого Михайловского монастыря Ф. Софоновича. Если в древнерусских летописях главными позитивными чертами Мономаха считались его «христолюбие», «благоверность», а затем уже борьба против половцев, то Софонович на первый план ставил успехи князя в борьбе с усобицами, укрепление им государства [14, с. 31]. При этом, как и у Стрыйковского, им передана иная версия происхождения царских регалий потомков Мономаха – великих князей московских, нежели та, что известна из памятников московской книжности и Густынской летописи. Так, согласно Софоновичу, венец и бармы Владимир Мономах приобрел не в результате похода на Византию, а одолев во время такого же легендарного [15, с. 119–121] взятия им Кафы в единоборстве «гетмана ихъ, старосту кафского», чем, между прочим, объяснялось и прозвание его Мономахом [14, с. 85]. Подобная версия происхождения московских регалий, как показал А.И. Рогов, приносила их значение: лишала их роли символа преемственности Византии – второго Рима [13, с. 94].

Взгляд на Владимира Мономаха как «первовенчанного царя Киевского», который «междоусобие всякое в российских князех усмири и в самодержавие приведе», был закреплен в созданном в Киеве в середине 70-х гг. XVII в. (через 20 лет после перехода Левобережной Украины под власть московского царя) первом печатном произведении по восточно-славянской истории – Синописе.

Этот труд, приписываемый проф. Киево-Могилянской академии, позднее архимандриту

Печерского монастыря Иннокентию Гизелю, приобрел широкую популярность не только в украинских землях, но и в России. Весь арсенал теорий про славное киевское прошлое был использован здесь в интересах российского самодержца – нового правителя Киева [16–19]. При этом в нем были соединены обе версии приобретения Владимиром Мономахом царских регалий. Рассказ о его победе во время похода на Кафу над генуэзским военачальником делал акцент на происхождении прозвища князя, толковавшегося как «самоборец, или изрядный на середине воинской победоносец», а рассказ о его походе к Царьграду и присылке ему византийским императором царского венца должен был показать «откуда российский самодержец венеч царский на себе носить начаше» [20, с. 268]. Руководствуясь концепцией об исконности самодержавия в России и его преемственности от времен Киевской Руси до Московского царства, усиливая ее по сравнению с московскими летописными сводами и Стрыйковским, Синописис доказывал мысль об исторической обусловленности воссоединения России и Украины.

Этот «промосковский» образ Владимира Мономаха как самодержца и первого русского царя, несмотря на ставшую уже очевидной свою анахроничность, продолжал бытовать и воспроизводиться в украинской общественно-исторической мысли и в дальнейшем. Даже для автора такого знакового текста современной украинской истории, как «История Русов», опубликованного в 1840-х гг., а до этого десятилетиями тиражировавшегося в многочисленных рукописных копиях, Владимир Мономах примечателен прежде всего тем, что был «признан от Греческой Империи Царем Руским и получил на то дедовскую (императора Константина Мономаха. – . .) корону со всеми другими царскими регалиями» [21, с. 4]. И все же в свете основополагающего тезиса этого нарратива – «Ибо известно, что прежде мы были то, что теперь москвичи: правление, первенство и самое название Руси перешли к ним от нас» [22, с. 195], Владимир Мономах предстает в нем выдающимся героем не российской, а украинской истории. Впрочем, следует заметить, что Киевская Русь и ее князья занимали, по словам А.П. Толочко, «далекие маргиналы на карте исторического сознания» автора «Истории Русов» [23, с. 148], поэтому говорить об украинизации им Владимира Мономаха было бы преждевременно.

Таким образом, с пробуждением интереса к киевскому прошлому в начале XVII в. сколь-нибудь серьезных апелляций к образу Владимира Моно-

маха в украинских исторических трудах мы не встречаем. Будучи монополизирована московскими книжниками, фигура Владимира Мономаха для украинского национального самосознания оказалась практически не востребованной. Неслучайно у того же Софоновича Владимир Мономах ассоциируется с образом московского царя Ивана Васильевича, которого он называет монархом «наипаче по Владимире Мономахе» [14, с. 185], а в главных казацких летописях – Летописи Самовидца, трудах Грабянки и Самойла Величка упоминания о Владимире Мономахе отсутствуют вовсе.

Причины такого «равнодушия» украинских книжников к Владимиру Мономаху и его неиспользования ими в поисках истоков национальных традиций и корней идентичности связаны, очевидно, не только с монополизацией его фигуры московскими книжниками, но и с особенностями развития собственно украинского историописания, которое неразрывно связывало свое прошлое с историей казачества [23, с. 137, 144–147]. По наблюдению современных исследователей, украинское духовенство не создало для казацкой старшины мифологической родословной, которая бы связывала ее с Рюриковичами. Поэтому новая элита не могла представлять свое господство как прямое наследственное продолжение владычества киевских князей. Проводники украинского казацкого государства поверхностно унаследовали веру в харизму потомков киевской династии князей-воинов [6, с. 39; 24, с. 120; 25, с. 150–151].

Начало изменению отношения к фигуре Владимира Мономаха в украинском общественно-историческом сознании было положено во второй половине XIX в., после вторичного «открытия» «Киевской Руси» (Малороссии) [23]. В этом столетии в Украине, как и по всей Европе, происходит «национальное пробуждение», одним из результатов которого становится формирование национальной историографии, призванной показать, что Украина «имеет собственную историю с древними корнями и что эта история является отдельной и непрерывной» [22, с. 187]. Доказать же древность корней означало связать украинскую историю с Киевской Русью. Одна из первых попыток украинизации князя в этой связи была предпринята известным историком, представителем «федералистской школы» Н.И. Костомаровым, бывшим наряду с Т.Г. Шевченко одним из видных представителей украинского национального движения [26, 27]. По мнению Костомарова, озвученному им в статье «Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмель-

ницкий» (1863 г.), этот древнерусский князь – «человек-борец федеративного начала в протекшей нашей истории», был идеальным историческим примером для народа. Эпоха, которую он «собою создал, оставила нравственное впечатление, способствовавшее сохранению связи и гражданственности посреди внутренних и внешних бурь, потрясавших землю русскую». Богдан Хмельницкий, как утверждал историк, подхватил из его рук «знамя древнего федеративного начала, уже не только подновленного единовластием, но готового исчезнуть в воспоминании народном. Богдан Хмельницкий напомнил о нем и указал, что оно еще может ожить в народе...» [28, с. 386–387]. Знаменитый гетман Малороссии признавался прямым наследником Владимира Мономаха, выдвигавшегося в качестве героя украинского (а не русского) народа, одним из символов его консолидации. В самом деле как правитель в трудное время внутренних неурядиц и внешней агрессии, сумевший сплотить древнерусские земли, Владимир Мономах как нельзя лучше подходил на эту роль. Украинский миф о нем формировался таким образом в значении, близком к первоначальному, т. е. тому, как себя позиционировал сам Мономах. При этом следует отметить, что Костомаров вовсе не был его апологетом. В своем эссе о князе, опубликованном в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» он наряду с заслугами Мономаха отмечал и его неблагоприятные поступки [29].

Далек от апологетики Владимира Мономаха был и такой видный украинский историк, как М.С. Грушевский, рассматривавший историю Руси с националистических позиций как историческую основу только украинского народа. Отсутствие апологетики, однако, еще не означает, что Грушевский создал реалистичный образ князя. Для него Владимир Мономах – это прежде всего политик. Так, признавая его заслуги в деле укрепления государства, Грушевский настаивал, что Владимир Мономах был «не столько братолюбом и добрым страдальцем за русскую землю, сколько политиком, осторожным, благоразумным, лавирующим среди современных политических отношений и уступающим там, где чуял серьезные препятствия, серьезную борьбу» [30, с. 270–271; 31–33]. В такой оценке деятельности Мономаха на первый взгляд заметно стремление историка отойти от мифологизации князя. Однако это не так. Смысл этих слов становится яснее, если взглянуть на биографию самого Грушевского. Будучи не только историком, но и политиком, вершиной карьеры которого стал пост председателя Центральной Рады – главы независи-

мого Украинского государства (1917–1918 гг.), он по существу описывал черты политического лидера, который нужен современной ему Украине. Мономах с этой точки зрения для него – историческое зеркало. Если Костомаровым была предпринята лишь попытка его украинизации, то Грушевским, разрабатывавшим концепцию «Украины-Руси», он уже однозначно понимается как выдающийся деятель национальной украинской истории. И тем не менее воплощением «национального типа» для украинцев Владимир Мономах не стал. Эта роль, как известно, была отведена казачеству [5, с. 156; 25, с. 195–200].

Но, даже не попав в первый ряд исторических фигур идентификации, Владимир Мономах занял в когорте выдающихся героев украинской истории далеко не последнее место. После работ Грушевского, который, однако, заметим, «украинцем» князя прямо все же не называл, такое присвоение древнерусского прошлого с заменой термина «Русь» на «Украину» стало весьма обычным. Владимир Мономах при этом подавался, как правило, в качестве все того же идеала правителя, защитника целостности украинского государства [34–36].

Заслуги Владимира Мономаха в деле объединения Украины и борьбе с угрожавшими ей полками привлекали при этом внимание не только историков, но и поэтов и писателей. В стихотворении Александра Олеся (А.И. Кандыбы), впервые опубликованном в его книге стихов «Княжа Україна! Минуле України в піснях» (1920 г.), Владимир Мономах предстает идеалом деятельного правителя. Он «простий, сміливий, ласкавий і бувалий у боях. Змалку ще до праці зник він, До походів, до негод, Знав він голод, знав він лихо, Знав державу і народ. Турбувався за убогих, Заступався за селян і карав того, хто навіть Тільки пройде через лан». И далее: «Закликав усіх до себе, Хто стрівався на шляху: “Гості ширять добру славу, Але ширять і лиху”. Рано вдосвіта устав він, Все оглянув, обійшов, Допоміг в саду копати, Трошки дрова поколов». Князь сам отправлял судебные функции, а в свободное время любил охотиться. Наконец, воспевал Олеся и воинские качества Владимира: «І вояк він був хоробрий: Сам він військо вів на бій, Завжди слав з мечем при боці І в одежі бойовій» [37]. Такая характеристика, как нетрудно заметить, во многом восходит к «Поучению» Владимира Мономаха, т. е. опять-таки к его собственному мифу.

Не менее выразительный и яркий образ Владимира Мономаха запечатлел в своей «песне» Ю. Шкрумеляк: «По незгодах між братами Ти за-

блис, як зірка ясна: Бо за тебе Україна Процвітала горда, щасна. Добрий, чесний ти й розумний, Справедливо став судити – Ти сильнішим не дозволив Слабших кривдити й гнобити. Міцно владою держав ти Пребагату Україну – І на ворога водив ти Свою сміливу дружину...». И далее, отмечая большую популярность Владимира Мономаха в народе за его ратные заслуги в борьбе с половцами, поэт восклицал: «Ти князів до згоди кликав, Як дітей та рідна мати: – Знайте всі, що тільки згода Може тривко будувати! Ти на смертному вже ложі Дітям дав свої науки, – Довго тим наш край держався, Що створили твої руки!...» [38, с. 46]. Тем самым Шкрумеляк акцентировал внимание на роли Владимира Мономаха в прекращении междоусобиц, подчеркивал его значительные заслуги в развитии украинского государства и сохранении его целостности. Как и Олесь, он не только идеализировал Мономаха, но и внёс свой вклад в формирование украинского национального мифа, одним из олицетворений которого и предстает Владимир Мономах.

Стал Владимир Мономах и героем ряда исторических романов, вышедших из-под пера украинских авторов. Написанный в советские годы роман П. Загребельного «Первомост», построенный вокруг сообщения летописи под 1115 г. о строительстве Владимиром Мономахом моста через Днепр, во многом несет на себе отпечаток эпохи. Так, в центре внимания оказывается не сам князь, «муж многоумный, с малых лет обученный языкам и премудростям», заботившийся о памяти дел великих предков и своих собственных [39, с. 354–355, 358], а неизвестные строители моста и их потомки его охранявшие – «мостищане». Совсем другое дело вышедший уже в независимой Украине посвященный Владимиру Мономаху роман В.М. Кулаковского. Композиционно он построен на воспоминаниях Мономаха о своей жизни, когда на склоне лет он пишет «Поучение детям». Воссозданный здесь образ князя – это образ мужественного воина, справедливого, сильного и мудрого правителя, который во все вникает, все делает сам. В отличие от других князей «он не про себя думает, а про Русь, а Русь – это и боярин, и смерд, и холоп» [40, с. 81]. Примечательно, что самое большое внимание Кулаковский уделил княжению Владимира Мономаха в Киеве. Этот период его жизни показан им как наиболее значительный: «И Русь сумел снова на ноги поставить, всему зарубежью напомнить, что она и сегодня могущественная и сильная, всех князей заставил слушаться, половцев прочь от рубежей отогнал, таким обра-

зом – дал родному люду возможность спокойно хозяйствовать» [40, с. 293].

Молодым годам князя посвятил один из своих исторических романов А.Г. Чувардинский. В его изображении Владимир – философ и богослов, «юный рыцарь» и защитник интересов трудового люда [41, с. 101–102, 110–113, 181]. Уже в первых своих походах он проявил себя талантливым и храбрым полководцем, выдающимся дипломатом, приобретшим авторитет и заслужившим уважение во многих европейских странах. «Его, – писал Чувардинский, – любили за простую и скромную одежду, щедрость к убогим, суровость к пройдохам и лодырям» [41, с. 215]. Среди современников «ему не было равных в миролюбии, смиренности, собранности, пылком желании благочестивых намерений к Богу, к людям». Мономах, продолжал писатель, «ни с кем не хотел иметь конфликтов, а тем более междоусобных войн. И своих соседей сделал своими друзьями не мечом, а дарованною Богом мудростью и разумом» [41, с. 216]. На последних страницах романа Владимир предстает защитником западных рубежей Руси от посягательств Польши и Чехии, борцом за целостность и независимость Русского государства от этих западных соседей. В таком изображении юного князя можно разглядеть представление автора об идеале современного ему украинского лидера и наряду с произведениями других украинских авторов, посвятивших Владимиру Мономаху свои произведения, очередную попытку «присвоения» образа знаменитого древнерусского князя, его украинизацию – превращение в фигуру коллективной самоидентификации.

Стремление утвердить Владимира Мономаха в качестве таковой можно проследить и на примере монументального искусства – памятников князю, установленных в г. Прилуки и с. Любеч (оба – Черниговская обл.). Первый из них – это четырехметровый монумент князю, как основателю города (с Владимиром Мономахом связано первое упоминание о Прилуках). Он установлен в центральном парке, на территории которого сохранились остатки валов старинной Прилукской крепости. Характерно, что Владимир здесь представлен не в образе полководца или государственного деятеля, как, например, на знаменитом памятнике «Тысячелетию России», а в качестве писателя, деятеля культуры. Он изображен сидящим, со своим «Поучением» на коленях и с пером в руке, поднятой вверх. Он без головного убора, одет в простое длинное платье и скорей походит на монаха-летописца, нежели князя. Что же касается любеч-

ского монумента, то следует заметить, что он посвящен не самому Владимиру Мономаху, а 900-летию съезда князей 1097 г. в Любече, организатором которого он считается. Памятник представляет собой, по словам его авторов, скульптурно-архитектурную композицию, «в основу которой положена фигура летописца на мраморном постаменте.... Шесть горельефных бронзовых княжих портретов, рядом друг с другом, объединяют композицию по периметру, подчеркивая тем самым цель собрания. За основу взяты жизнеописания князей: происхождение, возраст, поступки Давида и Олега Святославичей, Василька Ростиславича и Давида Игоревича; а также портретные описания Владимира Мономаха и Святополка Изяславича, которые приводит В.Н. Татищев» [42, с. 215; 43]. Установленный на Замковой горе, где находился замок Черниговских князей XI – XII вв. и в котором, по предположению исследователей в 1097 г. проходил княжеский съезд, монумент вполне может быть отнесен к местам национальной памяти.

Современная мемориальная культура Владимира Мономаха нашла выражение и в ряде других форм. Его мозаичное изображение среди киевских князей до XIII в. украшает один из сводов к платформе станции киевского метро «Золотые ворота». На выполненном в византийском стиле пояском портрете Владимир Мономах представлен мужчиной средних лет с небольшой русой бородой и короткими вьющимися русыми волосами, с непокрытой головой и «шапкой Мономаха» в руках. В 2002 г. Национальным банком Украины была выпущена в оборот памятная серебряная монета с портретом князя, а в 2003 и 2013 гг. – посвященные Владимиру Мономаху и 900-летию его «Устава», почтовые блоки. Более того, в честь 900-летия его восхождения на киевский великокняжеский стол ежедневная всеукраинская газета «День» объявила 2013-й – Годом Мономаха. Объясняя, почему выбор пал именно на него, автор «Дня», историк и политолог А. Палий привел около полтора десятков аргументов, выдающих все то же стремление присвоения образа древнерусского князя, его встраивание в украинскую историческую мифологию [44].

Значение памяти Владимира Мономаха в современной Украине, однако, не следует преувеличивать. Вспомним хотя бы проводившийся несколько лет назад телевизионный конкурс «Великие украинцы», в котором он вошел только в список из 100 деятелей, заняв в нем 58 место (что, заметим, все же выше, чем в аналогичном конкурсе, реализованном в России, где Владимир Моно-

мах упоминается лишь в исходном перечне из 500 имен, подготовленном Институтом российской истории РАН). В этой же связи можно упомянуть и отсутствие Владимиру Всеволодовичу до сих пор памятника в Киеве, который знает только одного Владимира – равноапостольного [45]. Владимир Мономах тем самым оказывается лишь элементом в многогранной мозаике украинской исторической памяти, рядом с которым существует множество других фигур, служащих точками кристаллизации коллективной памяти.

Таким образом, можно говорить лишь о попытке возрождения в Украине мифа о Владимире Мономахе, мифа, близкого по своему содержанию к его первоначальной конструкции, основы которой были заложены еще самим Мономахом. Образ князя, эволюционировавший от общерусского героя к национальному украинскому герою, предстает одним из средств историко-культурной идентичности украинской государственности.

Литература и примечания

1. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
2. . . Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д., 2014.
3. - . . Миф. Л., 1976.
4. . Мифологии: пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М., 2010.
5. . . Києво-руська спадщина в російській та українській історіографії XIX ст. // Український історичний журнал. 2011. № 2.
6. . . Пригадування Русі (осмислення спадщини св. Володимира в українській суспільно-політичній думці XVII ст.) // Український історичний журнал. 2012. № 1.
7. . . «...И просвѣти ю крещеньем святым» (Християнізація Київської Русі). Київ, 2013.
8. . . Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Київ, 1959. С. 35.
9. . . Писемні джерела з історії України: курс лекцій. Львів, 1999. С. 131.
10. . . Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (до питання про реконструкцію архетипу) // Український археографічний щорічник. 1999. Вип. 3–4. С. 161 – 163.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

12. Borek P. Rus w Kronice Macieja Strykowskiego // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. V. Київ, 1992.
13. . . Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыковский и его хроника). М., 1966.
14. . Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992.
15. . Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I – V. СПб., 1895.
16. . Багатоликий світ Петра Могили // Його ж. Україна між Сходом і Заходом: Нариси з історії культури до початку XVIII ст.: пер. з англ. Львів, 2001. С. 195.
17. . . К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 212 – 222.
18. . . «Синопис» как историческое произведение // Там же. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 284 – 298.
19. . «Русское» настоящее и прошлое в творчестве Иннокентия Гизеля // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 1. Київ, 1992. С. 92 – 103.
20. Синопис, или Сокращенная история, собранная от разных авторов. СПб., 1718. Цит. по: Великий князь Владимир Мономах / изд. подгот. А.Ю. Карпов. М., 2006.
21. История Русов или Малой России // Сочинение Г. Конискаго, архиепископа Белоруссаго. М., 1846.
22. . Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004.
23. . . Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012.
24. . Володарі і козаки: замітки до проблеми історичної легітимності і тягlosti в українській історіографії XVII–XVIII ст. // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 1. Київ, 1992.
25. . . Володимир Святий в історичній пам'яті. Київ, 2012.
26. . Мала історія України / пер. з німецької. Київ, 2007. С. 99 – 105, 113.
27. История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В.А. Смолия. М., 2008. С. 370 – 372, 386 – 393.
28. . . Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмельницкий // Казаки. М., 1995.
29. . . Князь Владимир Мономах // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1995. С. 45 – 75.
30. . . Волынский вопрос 1097 – 1102 г. (окончание) // Киевская старина. 1891. № 5. С. 270 – 271.
31. . . Очерк истории украинского народа. СПб., 1906. С. 87 – 88.
32. . . Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 130 – 134.
33. . . Історія України-Руси. Том II. XI – XIII віки. Львів, 1905. С. 81 – 120.
34. . . Історія України. Т. 1 (княжа доба). Прага, 1941. С. 36 – 37.
35. . Історія України. Краків; Львів, 1942; Нью-Йорк, 1957. С. 44 – 45.
36. Велика історія України: у 2 т. Т. 1. Київ, 1993. С. 162 – 165.
37. . Володимир Мономах. URL: <http://poetry.uazone.net/des/kniazha/index.html> (дата обращения: 19.10.2014).
38. Історія України для дітей. Часть 1. Київське князівство. Нью-Йорк, 1962.
39. . . Первомост // Евпраксия. Первомост. Романы. М., 1981.
40. . . Володимир Мономах: іст. роман. Київ, 1992.
41. . . Великий князь Київський – Володимир Мономах: роман. Ніжин, 2006.
42. . . . . Проект пам'ятника 900-літтю з'їзду руських князів у м. Любечі // Любецький з'їзд князів в 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997.
43. Согласно В.Н. Татищеву, Владимир Мономах «лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не велми велик, но крепкий телом и силен». См.: . . История Российская: в 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 137.
44. . . Почему Мономах? URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/pochemu-monomah> (дата обращения: 30.12.2013).
45. . Два Владимира. URL: http://www.unicyb.kiev.ua/~petruk/dva_Volobimyry.htm (дата обращения: 21.09.2014).

References

1. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 2. Ipat'evskaya letopis'* [Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Hupation Chronicle]. Moscow, 1962.

2. Ishchenko A.S. *Vladimir Monomakh v russkom obshchestvenno-istoricheskom soznanii: mifologicheskii obraz i istoricheskaya real'nost'* [Vladimir Monomakh in Russian Socio-Historical Consciousness: Mythological Image and Historical Reality]. Rostov-on-Don, 2014.
3. Steblin-Kamenskii M.I. *Mif* [Myth]. Leningrad, 1976.
4. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. Translation from French and comment S. Zenkin. Moscow, 2010.
5. Rychka V.M. Kyevo-ruskaspadschyna v rosiyskiy i ukrainskiy istoriografii XIX st. [Kiev-Russian Legacy in Russian and Ukrainian Historiography of the Nineteenth Century]. *Ukrainskiy istorychniy zhurn.*, 2011, no 2.
6. Rychka V.M. Prygaduvannia Rusi (osmyslenyaspadschynysv. Volodymyra v ukrainskiy suspilnopolitychniydumtsi XVII st.) [Understanding of St. Vladimir's Heritage in Ukrainian Social and Political Thought of XVII Century]. *Ukrainskiy istorychniy zhurn.*, 2012, no 1.
7. Rychka V.M. «...I prosvetiyyu krescheniem sviatym» (*Khrystianizatsia Kyivskoi Rusi*) [«...And enlightened it with the holy baptism» (Christianization of Kievan Rus)]. Kiev, 2013.
8. Marchenko M.I. *Ukrainska istoriografiya (zdavnikhchasyv do seredyny XIX st.)* [Ukrainian Historiography (from ancient times to the mid-19thcentury)]. Kiev, 1959, p. 35.
9. Makarchuk S. *Pysemni dzherelaz istorii Ukrainy. Kursleksiy* [Written Sources on the History of Ukraine. Course of Lectures]. Lvov, 1999, p. 131.
10. Tolochko O.P. *Tekstologichni sposterezhenny anadzbirny kamy, schomistiat Gustynskiy litopys (dopytannia prekonstruktsiyu arkhetypu)* [Textual Observations of Collections Containing Gustynsky Chronicle (the question of archetype reconstruction)]. *Ukrainskiy arkhheografichniy schorichnyk*, 1999, vol. 3-4, pp. 161-163.
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 40. Gustynskaya letopis* [Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 40. Gustynsky Chronicle]. Saint Petersburg, 2003.
12. Borek P. *Rus w Kronice Macieja Strykowskiego* [Rus in Chronicles of Matsiy Strikovskiy]. *Mediaevalia Ucrainica: Mental'n st' ta stor ya dei*. Vol. 5, Kiev, 1992, pp. 57-67.
13. Rogov A.I. *Russko-pol'skie kul'turnye svyazi v epokhu Vozrozhdeniya (Strykovskii i ego khronika)* [Russian-Polish Cultural Relations in the Renaissance (Strykovsky and his Chronicle)]. Moscow, 1966.
14. Sofonovich F. *Khronika z litopystsi v starodavnikh* [Chronicle of Ancient Chroniclers]. Kiev, 1992.
15. Zhdanov I. *Russkii bylevoi epos. Issledovaniya i materialy. I – V* [Russian Bylina Epos. Research and Materials. 1 - 5]. Saint Petersburg, 1895.
16. Shevchenko I. *Bagato lykiysvit Petra Mogyla* [Petro Mogyla's diverse world]. *Yogozh. Ukraina mizh Skhodomu Zakhodom: Narysy z istoriikultury do pochatku XVIII st.*: translation from English. Lvov, 2001, p. 195.
17. Eremin I.P. *K istorii obshchestvennoi mysli na Ukraine vtoroi poloviny XVII v.* [On the History of Social Thought in Ukraine in the Second Half of XVII]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 10. Moscow; Leningrad, 1954, p. 212-222.
18. Peshtich S.L. "Sinopsis" kak istoricheskoe proizvedenie ["Synopsis" as a Historical Work]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 15. Moscow; Leningrad, 1958, pp. 284-298.
19. Dzhirauda D. "Russkoe" nastoyashchee i proshedshee v tvorchestve Innokentiya Gizelya ["Russian" Present and Past in Innokentiy Gizel's Works]. *Mediaevalia Ucrainica: Mental'n st' ta stor ya dei*. Vol. 1. Kiev, 1992, pp. 92-103.
20. *Sinopsis, ili Sokrashchennaya istoriya, sobrannaya ot raznykh avtorov* [Synopsis, or Condensed History, Gathered from Different Authors]. Saint Petersburg, 1718. Tsit. po: *Velikii knyaz' Vladimir Monomakh*. Ed. A.Yu. Karpov. Moscow, 2006.
21. *Istoriya Rusov ili Maloi Rossii* [History of Ruses or Malaya Russia]. *Sochinenie G. Koniskago, arkhiepiskopa Beloruskago*. Moscow, 1846.
22. Kogut Z. *Korinnya identychnosti. Studii zranny o modernoi istorii i Ukrainy* [The Roots of Identity. Studies on the Early Modern and Modern History of Ukraine]. Kiev, 2004.
23. Tolochko A.P. *Kievskaya Rus i Malorossiya v XIX veke* [Kievan Rus and Malaya Russia in 19 cent.]. Kiev, 2012.
24. Velychenko S. *Volodarikozaky: zamitky do problem istorychnoi legitymnosti i tyaglosti v ukrainskiy istoriografii XVII-XVIII st.* [Owners and Cossacks: Remarks on the Problem of Historical Legitimacy and Continuity in Ukrainian Historiography of 17-18 cent.]. *Mediaevalia Ucrainica: Mental'n st' ta stor ya dei*. Vol. 1. Kiev, 1992.
25. Rychka V.M. *Volodymyr Svyatii v istorychniy pamiaty* [Saint Vladimir in Historical Memory]. Kiev, 2012.
26. Kappeler A. *Mala istoriya Ukrainy* [Short History of Ukraine]. Translate from German. Kiev, 2007, pp. 99-105, 113.
27. *Istoriya Ukrainy: nauchno-populyarnye ocherki* [History of Ukraine: Popular-Science Essays]. Ed. V.A. Smolii. Moscow, 2008, pp. 370-372, 386-393.
28. Kostomarov N.I. *Knyaz' Vladimir Monomakh i kozak Bogdan Khmel'nitskii* [Prince Vladimir Monomakh and Cossack Bogdan Khmel'nitskii].

makh and Cossack Bogdan Khmelnytsky]. *Kazaki*. Moscow, 1995.

29. Kostomarov N.I. Knyaz' Vladimir Monomakh [Prince Vladimir Monomakh]. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei*: on 3 vol. Vol. 1. Rostov-on-Don, 1995, pp. 45-75.

30. Grushevskii M.S. Volynskii vopros 1097 – 1102 g. (okonchanie) [Volyn Question 1097 – 1102 yy. (ending)]. *Kievskaya starina*, 1891, no 5, pp. 270-271.

31. Grushevskii M.S. *Ocherk istorii ukrainskogo naroda* [Essay on the History of Ukrainian People]. Saint Petersburg, 1906, pp. 87-88.

32. Grushevskii M.S. *Ocherk istorii Kievskoy zemli ot smerti Yaroslava do kontsa XIV stoletiya* [An Essay on the History of Kiev Land from Yaroslav's Death until the End of 14 Century]. Kiev, 1891, pp. 130-134.

33. Grushevskii M.S. *Istoriya Ukrainy-Rusi. Tom II. XI – XIII viky* [History of Ukraine-Rus. Volume 2. 11 – 13 cent.]. Lvov, 1905, pp. 81-120.

34. Antonovich Dr.M. *Istoriya Ukrainy. T. 1 (knyazha doba)* [History of Ukraine. Vol. 1 (knyaz hadoba)]. Praga, 1941, pp. 36-37.

35. Doroshenko Dm. *Istoriya Ukrainy* [History of Ukraine]. Krakow; Lvov, 1942; New York, 1957, pp. 44-45.

36. *Velyka istoriya Ukrainy* [Great History of Ukraine]: on 2 vol. Vol. 1. Kiev, 1993, pp. 162-165.

37. Oles A. *Volodymyr Monomakh* [Volodymyr Monomakh]. Available at: <http://poetry.uazone.net/des/knyazha/index.html> (accessed 19.10.2013 g.).

38. *Istoriya Ukrainy dlya ditey. Chast 1. Kyivske kniazivstvo* [History of Ukraine for kids. Part 1. Kievan Principality]. New York, 1962.

39. Zagrebel'nyi P.A. *Pervomost* [The First Bridge]. *Eypraksiya. Pervomost. Romany*. Moscow, 1981.

40. Kulakovskii V.M. *Volodimir Monomakh*: ist. roman [Volodymyr Monomakh: hist. novel]. Kiev, 1992.

41. Chuvardins'kii O.G. *Velikii knyaz' Ki vs'kii – Volodimir Monomakh*: roman [Great Kievan Prince – Vladimir Monomakh: novel]. Nizhin, 2006.

42. Yershov G.O., Pavlenko V.V. Proekt pamiatnyka 900-littyuz'izduruskykh kniazivum. Lyubechi [The Monument Project to the 900th Anniversary of the Congress of Russian Princes in Lubech]. *Lyubetskiy'izdkniaziv 1097 roku v istorychniy doli Kyivskoi Rusi*. Chernigiv, 1997, p. 215.

43. Soglasno V.N. Tatischevu, Vladimir Monomakh "litsom byl krasen, ochi veliki, vlasly ryzhevaty i kudryavy, chelo vysoko, boroda shyrokaya, rostom nevelmivelik, no krepkiy telom i silen" [According to V.N. Tatischev, Vladimir Monomakh "had handsome face, big eyes, red and curly hair, high forehead, wide beard, not high growth, but he had sturdy body and was strong"]. Tatischev V.N. *Istoriya Rossiiskaya* [History of Russia]: on 7 vol. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1963, p. 137.

44. Palii A. *Pochemu Monomakh?* [Why Monomakh?]. Available at: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/pochemu-monomah> (accessed 30.12.2013 g.).

45. Petruk V. *Dva Vladimira* [Two Vladimirs]. Available at: <http://www.unicyb.kiev.ua/~petruk/dvaVolobimyry.htm> (accessed 21.09.2013 g.).

Поступила в редакцию

9 декабря 2014 г.

УДК 94(4) «1492/1914»

ВОСТОК УЧЁНЫХ: АНГЛИЙСКОЕ ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

© 2015 г. А.С. Мигаль

, , 33, , 344082.
E-mail: history@sfedu.ru

*Migal Anastasia Sergeevna –
Post-Graduate Student, Institute of History and
International Relations of Southern Federal University.
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: history@sfedu.ru*

XVIII .

Ключевые слова:

The thoughts of English intellectuals of the XVIII century about Islam and Muslim people are considered. The author thinks that it's necessary to analyze and trace the origin and development of English Islam studies in the epoch of Enlightenment in order to form more objective attitude about Muslims' world and culture. There were different even opposite points of view concerning this religion and its prophet. Everything depended on the personality of the researcher and his own point of view.

Keywords: *Islam, Muslims, Muslim East, the Enlightenment, stereotypes, Islamic studies.*

XVIII в. вошёл в историю человечества как период бурного развития интеллектуальной мысли и изменения научной картины мира, что было обусловлено расширением культурных, торговых и экономических связей Европы с другими частями света, в особенности со странами мусульманского Востока. Для укрепления связей требовались знания этноконфессиональных и культурных особенностей этих государств. Так как именно ислам был главным фактором, определяющим развитие трех ведущих восточных империй — Могольской, Оманской и Персидской, перед западноевропейскими востоковедами XVIII в. стояла задача изучить эту религию.

Англия по праву считается центром зарождения просветительских идей и проектов, а также развития научных знаний. Кроме того, в этот период именно Великобритания была ведущим центром европейского исламоведения и востоковедения. Тому способствовали успешное экономическое развитие страны, её торговое присутствие на мусульманских землях, а также начало колониальной экспансии на этих территориях и желание заниматься там миссионерской деятельностью. Ост-Индская и Левантская компании стремились укрепиться и добиться как можно большего числа привилегий в Индии и Порте.

Благодаря деятельности этих компаний европейцы не только получили доступ к экзотическим восточным товарам, но и к новым источникам о мире ислама на языках оригиналов, который в эпоху Просвещения был ограничен. Так как книгопечатание в мусульманских странах тогда еще не получило распространения, тексты источников были рукописными и стоили недешево. Самих документов было немного, хранились они в основном у путешественников и коллекционеров

либо в библиотеках при университетах. В Англии самые большие коллекции манускриптов на арабском, персидском и турецком языках были собраны в Бодлианской и Кембриджской библиотеках.

Бодлианская библиотека была открыта в 1602 г. Её книжные полки пополнялись в основном благодаря частным коллекционерам. Так, Уильям Лод (1573–1645 гг.), архиепископ Кентерберийский, за период с 1635 по 1640 г. передал в дар библиотеке 147 арабских, 74 персидских и турецких рукописей, её коллекция существенно пополнилась. В 1659 г. по завещанию сэра Кенелма Дигби библиотеке перешло около 150 манускриптов на арабском, фарси и турецком языках. В 1692 г. Бодлианская библиотека приобрела коллекцию восточных рукописей, принадлежавших Эдварду Пококу (1601–1691 гг.). В ней насчитывалось около 400 томов на арабском и турецком языках, а также на иврите и фарси. Более 600 манускриптов достались библиотеке от Томаса Хайда (1636 – 1703 гг.) и Роберта Хантингтона (1637–1701 гг.). К 1720 г. в её коллекциях насчитывалось уже более 1 500 арабских, персидских и турецких манускриптов [1]. Учёные-исламоведы высоко оценивали собрание восточных манускриптов Бодлианской библиотеки, считая его самым лучшим во всей Европе [2, р. Viii].

Что касается Кембриджской библиотеки, то первый мусульманский манускрипт был подарен ей в 1631 г. викарием церкви Всех Святых в Тоттенхэме Уильямом Бедвеллом (1561–1632 гг.). Этой книгой был Коран. Необходимо отметить, что У. Бедвелл считается одним из основоположников английской арабистики. Он перевел Евангелие от Иоанна на арабский язык, а также предпринял первую попытку создать арабско-английский словарь, но работа так и не была завершена. После

его смерти все труды были отданы Кембриджской библиотеке. Кроме того, У. Бедвелл обучал арабскому языку представителей следующего поколения востоковедов.

Специалистов-востоковедов в данный период было немного, практически все они были теологами или людьми, в той или иной степени близкими к церкви. Цель их работ в большей степени сводилась к опровержению ислама, а не его изучению. Тем не менее их труды способствовали постепенному развитию научного востоковедения и исламоведения в Западной Европе.

К началу XVII в. существовало несколько кафедр арабского языка: во Французском колледже, в Лейденском, Оксфордском и Кембриджском университетах. Кафедра арабского языка в Оксфордском университете была создана в 1636 г. Её основателями считаются Уильям Лод (в его честь именная профессура университета и получила своё название) и ученик Уильяма Бедвелла Эдвард Поккок, который стал первым лодовским профессором и заведующим кафедрой. Его перевод Библии на различные языки создавался для распространения христианства на Востоке.

Схожая цель была и у работ Джозефа Уайта (1745 – 1814 гг.), который стал лодовским профессором в 1774 г. В 1784 г. он выступил на ежегодных Бамптонских лекциях в церкви Девы Марии в Оксфорде. Дж. Уайт в своих лекциях сравнивал христианство и ислам и пытался доказать, что религия мусульман – ложное учение, «магометанская ересь», а её основатель – мошенник и еретик. Также он высказал идею о том, что присутствие европейцев на территории восточных государств несёт местным народам исключительно благо, помогая им освободиться от власти суеверий и мрака, в котором они, по убеждению Дж. Уайта, пребывали.

В его лекциях мысль о разделении наций на цивилизованные и варварские проходит красной нитью. По вполне понятным причинам, цивилизованными нациями в его понимании являлись те, которых объединяли христианство и греко-римское наследие. Успех распространения ислама он объяснял расколом внутри христианского мира и слабостью христианской церкви, а также невежеством племён и народов, проживавших на территории Аравии [3, с. 78].

Коран, с точки зрения исследователя, был написан элегантно стилием, но Бог не имел никого отношения к его созданию, так же как и к миссии Мухаммеда, так как мусульманский пророк в от-

личие от Иисуса Христа вообще не совершал никаких чудес и был обычным человеком.

Однако он, по мнению Дж. Уайта, всё же сыграл важную роль в истории, так как вывел арабов из состояния варварства и привёл к относительной цивилизации. С одной стороны, он был «великим законодателем», целеустремлённым, стремящимся к познанию, и красноречивым, но с другой – «господином войны, разрушителем человечества», властолюбивым, корыстным и жестоким человеком, причём исследователь считал, что после прихода пророка к власти и завоевания Мекки эти последние качества только усилились [3, с. 154, 189]. Истинным примером благочестия, согласно Уайту, был именно Иисус Христос, который в отличие от основателя ислама не стремился к власти и богатству, распространял своё учение не «с мечом в одной руке и Кораном в другой», а путём убеждения и многочисленных проповедей. Именно эти методы Дж. Уайт считал необходимым применять для пропаганды протестантизма в странах Востока (и особенно в Индии), с которыми у англичан развивались торговые отношения.

Что касается Кембриджского университета, то там также существовало две профессуры, но появились они позже, чем в Оксфордском университете: в 1645 г. – на средства сэра Томаса Адамса, лорд-мэра Лондона, и в 1724 г., благодаря финансовой поддержке Церкви Англии. Саймон Оккли (1678 – 1720 гг.), ставший Адамсовским профессором арабского языка в 1711 г., опубликовал первый том «Историю Сарацин» в 1708 г., а второй – в 1718. В процессе создания монографии С. Оккли использовал как работы своих европейских коллег, так и мусульманских учёных и богословов, в частности Абу-ль-Фиды и аль-Бухари. Причём основной источниковой базой для «Истории Сарацин» послужили именно работы мусульманских теологов и историков. Некоторые труды европейских учёных он подверг критике за недостоверность представленной информации. Так, например, он писал, что французский исследователь Анри де Буленвилье в книге «Жизнь Магомета» домыслил некоторые эпизоды из жизни пророка для того, чтобы биография лучше вписывалась в его политическую теорию.

Тем не менее образ Мухаммеда, созданный С. Оккли, мало отличался от версий его западноевропейских коллег. Учёный считал Мухаммеда «великим еретиком и основателем Сарацинской империи» и критиковал его вероучение за апелляцию исключительно к чувствам верующих [2, с. 79].

Принципиально новое отношение к исламу продемонстрировал английский адвокат и востоковед Джордж Сейл (1697–1736 г.), который впервые осуществил перевод Корана с арабского языка на английский. Дж. Сейл получил образование в Иннер-Темпле, одной из четырех юридических корпораций, или палат Англии и Уэльса. Полноправным адвокатом (барристером) он так и не стал, но практиковал в качестве солиситора, т. е. вел подготовку судебных материалов для барристеров. То, что Дж. Сейл был по образованию юристом, а не теологом, как Дж. Уайт и С. Окли, несомненно, отразилось на его отношении к чужой религии и культуре, которое не было однозначно враждебным.

Перевод Корана, изданный в Лондоне в ноябре 1734 г., принес известность и славу Дж. Сейлу. Раньше его соотечественникам и коллегам Коран был доступен либо на латыни, либо в переводе с французского Александра Росса (1590–1654 г.), изданного в 1649 г. По словам самого Дж. Сейла, французский переводчик Андрэ дю Риэ (1580–1660 г.) интерпретировал некоторые непонятные ему места в арабском тексте, а Александр Росс, «не великий знаток французского», уже добавил к переводу с французского свои новые интерпретации [4, р. viii]. В результате получалась настоящая игра в «испорченный телефон».

В предисловии Дж. Сейл признался, что в процессе перевода Корана на английский использовал латинский перевод Людовико Мараччи (1612–1700 г.), появившийся в Падуе в 1698 г. Именно эту версию из числа других латинских он выбрал, высоко оценив пояснения к тексту Корана и сочтя сам текст достаточно точным, несмотря на то, что нашел в нем ряд погрешностей.

Также он использовал тафсир выдающегося мусульманского богослова Абуллах ибн Умар аль-Байдави, известный как «Тафсир аль-Байдави». Хотя за свою жизнь Сейл собрал собственную библиотеку различных книг и манускриптов на восточных языках (после его смерти она была передана в дар Бодлианской библиотеке, где и хранится в настоящее время), этого источника он не имел и был вынужден обратиться к служителю Голландской церкви в Остин Фрайерс в Лондоне. Толкование аль-Байвади легло в основу его примечаний к Корану.

Дж. Сейла отличало не только стремление работать с первоисточниками по исламу, но и само отношение к главной для мусульман книге. Он считал, что Коран написан «самым элегантным и чистым языком, на диалекте племени курайшитов,

самым изысканном и благородном из прочих арабских», а «сама композиция восхищала даже самых строгих судей» [5, р. 47]. Можно с уверенностью сказать, что такая восторженная оценка не была характерна ни для его предшественников, ни для современников, обычно характеризовавших арабский как тарабарщину, а саму священную для мусульман книгу как бессмысленный и плохо структурированный текст.

Так, например, А. Росс в послесловии к своему переводу дал крайне негативную оценку исламу и Корану: «Любезный читатель, сегодня Великий Арабский Мошенник через тысячу лет через Францию прибыл в Англию, и его Алькоран, или мешанина заблуждений (плохо воспитанный ребенок, также испорченный, как и его родитель, и столь же избилующий ересями, как его ошпаренная голова, покрытая струпами), теперь научилась говорить по-английски» [6, р. Ее3]. А. Росс был уверен, что перевод и издание Корана опасны, особенно для необразованных людей, так как могли способствовать появлению у читателей ложных представлений. С другой же стороны, по его мнению, от прочтения такого произведения была и польза, так как образованный читатель мог увидеть в его тексте «тщеславие, нечестивость и глупость», что в свою очередь помогло бы ему избежать собственных ошибок и убедить в истинности и красоте христианства [6, р. Ее3]. То есть главной целью перевода было опровержение ислама, что в совокупности с крайне негативным эмоциональным подходом и незнанием языка первоисточника сильно отразилось как на самом тексте, так и на пояснениях к Корану.

Интерес к изучению арабского, мусульманскому Востоку и стремление разобраться в природе существовавших об исламе представлений способствовали не только тому, что Дж. Сейл перевел Коран, но и подтолкнули его к идее сопроводить издание подробным «Предварительным рассуждением» об истории арабов, их религии и пророке. В издании перевода Корана 1649 г. также было два предисловия, адресованных читателю. Оба они были скорее личными мнениями Анрэ дю Риэ и А. Росса относительно мусульманской религии, так как основывались на стереотипах предыдущих поколений европейских востоковедов и философов.

Что касается книги А. Росса, то в ней кроме предисловий было и «Краткое описание религии турок» работы дю Риэ, переведенное на английский. Несмотря на то что оно было небольшим, в нем все же содержалась фактическая информация об исламе. На четырех страницах автор, проводя

параллели с христианством, кратко описал (или правильное сказать перечислил) то, во что мусульмане верят, их праздники и посты, священные для них города, и, конечно же, не забыл про обычай многоженства. Однако «Краткое описание» нельзя сравнить с «Предварительным рассуждением» Дж. Сейла ни по объему информации, ни по ее качеству, ни по подходу к изучению мусульманской религии. Оно состоит из восьми глав и содержит сведения о ситуации в Аравии до и во время жизни Мухаммеда, об истории составления, особенностях и содержании Корана, о религиозных институтах в исламском мире и существовавших у мусульман сектах.

При составлении своего очерка, так же как в процессе комментирования смысла коранического текста, Дж. Сейл использовал мусульманские первоисточники, т. е. труды мусульманских богословов, такие как хадисы аль-Бухари и труды Абу-ль-Фиды, которые хранились в его собственной библиотеке. Он часто прибегал к транслитерации арабских терминов, имен и географических названий, что позволило ему точнее передать их грамматическую форму и смысл, а также ввести в научный оборот новые слова. На страницах «Предварительного рассуждения» он скрупулезно объяснял происхождение арабских слов: «Слово Коран, произошедшее от глагола “кара’а”, “читать” (أَرَى – мое прим.), по сути означает “чтение” или точнее “то, что следует прочесть”...» [5, р. 44].

Дж. Сейл критически подошел к источникам и дополнил те знания, которые он почерпнул у европейских исследователей. Из их работ он выбрал самые, по его мнению, достоверные. В их числе «Опыт истории арабов» (1639 г.) английского теолога и ориенталиста Эдварда Покока, знавшего арабский язык и мемуары французского путешественника Жана де ля Рока «Путешествие в Счастливую Аравию» (1722 г.), который описал то, что увидел сам. Еще одним источником информации о мусульманском мире для Дж. Сейла послужило «Евангелие от Варнавы», которое ему предоставил служитель церковного прихода Хедли в Хэмпшире. Так как в «Евангелии от Варнавы» некоторые библейские события изложены с мусульманской позиции, а Иисус возвещает о скором приходе пророка Мухаммеда, Сейл посчитал это Евангелие именно мусульманским источником.

Использование текстов, чьи авторы принадлежали к разным культурам и традициям, позволило английскому востоковеду показать своему читателю противоположные точки зрения касательно мусульманской религии и ее основателя. Благодаря

его пояснениям и комментариям европейцы познакомились с представлениями самих мусульман о Мухаммеде и исламе. Работа с трудами мусульманских ученых в свою очередь не могла не отложить отпечаток на собственные представления исследователя.

Дж. Сейл считал, что Мухаммед не был таким монстром, каким его представляли раньше, и первым из английских исследователей XVIII в. выделил законодательную деятельность пророка, показав его мудрым и предусмотрительным государственным деятелем, объединившим арабов единой верой и формой правления и благодаря военным успехам основавшим империю, которая по размерам территории превзошла Римскую. «Законы Мухаммеда положили конец жестоким традициям, которые были распространены среди арабов-язычников» [5, р. 102], – писал Дж. Сейл. Но в то же время, как и его предшественники, он считал, что пророк был недостаточно образован. Кроме того, исследователь продолжил старую традицию изображения Мухаммеда с мечом в руках для обращения в свою веру: «Это, без сомнений, одно из самых убедительных доказательств того, то магометанство представляет собой не более чем плод человеческого воображения, что своему прогрессу и учреждению оно почти всецело обязано силе оружия» [5, р. 38]. Интересно отметить, что исследователь ни разу не сравнил христианство и ислам, а провел многочисленные параллели с древними законами евреев, таким образом не подвергнув христианство критике.

Родина ислама Аравия, с одной стороны, представлялась Дж. Сейлу страной поэтов, ученых и мудрецов, а ее обитатели – гостеприимными и выполняющими свои обещания. С другой же стороны, он считал, что по своей природе арабы предрасположены к насилию, гневу и кровопролитию [7, р. 23–24]. Мусульманин в его представлениях был своеобразным «благородным дикарем», подверженным сильным и часто противоречивым эмоциям и страстям. На Дж. Сейла, как и на любого человека, оказывал влияние социокультурный фактор: окружающее его общество, знания, которые он получил, а возможно, и мода на сентиментальную литературу. Поэтому такой образ приверженцев ислама можно назвать традиционным, возникшим в результате противопоставления со «своей» европейской культурой, которая виделась ему более гуманной и совершенной.

«Предварительные рассуждения» оказали влияние на трактовку ислама английского историка Эдварда Гиббона (1737–1794 гг.). В «Истории

упадка и разрушения Римской империи», одна из глав которой посвящена исламу, Э. Гиббон неоднократно ссылался как на перевод Корана, так и на сам очерк Дж. Сейла.

Э. Гиббон, как и Дж. Сейл, не был представителем какой бы то ни было христианской организации, но восточных языков не знал, поэтому использовал только работы европейских теологов, написанные на латинском, английском и французском языках. Среди них «История арабов» Покока, «Жизнь Магомета» Ганьера и «Восточная библиотека» Д'Эрбелло.

Несмотря на это, оценки, данные Э. Гиббоном исламу, не были однозначно негативными, а образ арабов получился в большей степени в духе романтизма: «При менее сложных арабских порядках вся нация свободна, потому что каждый из ее членов считает за унижение подчиняться воле повелителя. Его душа закалена теми суровыми добродетелями, которые называются мужеством, терпением и воздержанностью; любовь к независимости заставляет его приучаться к самообладанию, а страх бесчестия охраняет его от более малодушного страха физических страданий, опасности и смерти. В его манере себя держать сказывается его душевная сила и бодрость...» [8, с. 495–496].

Всё тот же дух романтизма был и в образе Мухаммеда: «Его память была обширна и верна, его ум был находчив и общителен, его воображение было возвышенно, его суждения были ясны, скоры и решительны. Он обладал мужеством и в мнениях, и в делах, и хотя его замыслы, быть может, разрастались с успехом его предприятий, его первоначальная мысль о возложенной на него божественной миссии носить на себе печать самобытной и высокой гениальности... При этом даре красноречия Мухаммед был безграмотным варваром; и в своей молодости он не учился ни читать, ни писать...» [8, с. 507].

Примечательно, что, как и Дж. Уайт, Э. Гиббон разделил биографию пророка на два этапа: до Хиджры и после. По его мнению, на втором этапе своей жизни пророк изменился и стал более жестоким, воинственным и властолюбивым. С этого момента Мухаммед-законодатель уступил место Мухаммеду-воину, распространявшему свою веру с мечом в одной руке и Кораном в другой.

Таким образом, среди британских исследователей ислама существовали различные, противоположные друг другу точки зрения касательно этой религии и её пророка. Всё зависело от личности исследователя и его собственной точки зрения. Зачастую чем ближе он был к христианской Церкви, тем более негативно относился к религии «дру-

гих», и тем чаще прибегал к авторитету своих предшественников, цитируя их работы в своих собственных. Это в свою очередь приводило к сохранению и дальнейшей передаче стереотипов и предубеждений.

Изменение же представлений – процесс не одномоментный. Он требует развития именно научных знаний с преобладанием фактов, а не эмоций. Именно критический подход к трудам более раннего поколения востоковедов, а также открывшийся доступ к источникам на языках оригиналов, способствовали зарождению и развитию научного исламоведения и созданию более объективных представлений о мусульманском мире и культуре.

Литература

1. Middle Eastern Manuscripts & Rare Books. URL: <http://www.bodleian.ox.ac.uk/bodley/finding-resources/special/guides/middleeast> (дата обращения: 12.10.2014).
2. *Ockley S.* The history of the Saracens: comprising the Lives of Mohammed and His Successors, to the death of Abdalmelik, the Eleventh Caliph, with an Account of Their Most Remarkable Battles, Sieges, Revolts, &c // Author's preface. L., 1890. 512 p.
3. *White J.* A Comparison of Mahometism and Christianity in their History, their Evidence, and their Effects : sermons preached before the University of Oxford, in the year 1784, at the lecture founded by the Rev. John Bampton. L., 1811. 468 p.
4. *Sale G.* To the reader // The Koran: commonly called the Alcoran of Mohammed. L.; N.Y., 1888. P. V–X.
5. *Sale G.* The Preliminary Discourse // The Koran... P. 1–145.
6. *Ross A.* A needful Caveat or Admonition for them who desire to know what use may be made of, or if there be danger in reading the Alcoran // The Alcoran of Mahomet translated out of Arabique into French by Sieur du Ryer, Lord of Malezire, and resident for the king of France, at Alexandria; and newly Englished, for the satisfaction of all that desire to look into the Turkish vanities. L., 1649. P. Ee–Ef3.
7. *Ross A.* The life and death of Mahomet, the prophet of the Turks, and author of the Alcoran // The Alcoran of Mahomet... P. 395–407.
8. . Истории упадка и разрушения Великой Римской империи: закат и падение Римской империи. М., 2008. Т. 5. 592 с.

References

1. *Middle Eastern Manuscripts & Rare Books*. Available at: <http://www.bodleian.ox.ac.uk/bodley/findingresources/special/guides/middleeast> (accessed 12.10.2014).
2. Ockley S. *The history of the Saracens: comprising the Lives of Mohammed and His Successors, to the death of Abdalmelik, the Eleventh Caliph, with an Account of Their Most Remarkable Battles, Sieges, Revolts, &c.* Author's preface. London, 1890, 512 p.
3. White J. *A Comparison of Mahometism and Christianity in their History, their Evidence, and their Effects: sermons preached before the University of Oxford, in the year 1784, at the lecture founded by the Rev. John Bampton*. London, 1811, 468 p.
4. Sale G. To the reader. *The Koran: commonly called the Alcoran of Mohammed*. London; New York, 1888, pp. V-X.
5. Sale G. The Preliminary Discourse. *The Koran: commonly called the Alcoran of Mohammed*. London; New York, 1888, pp. 1-145.
6. Ross A. A needful Caveat or Admonition for them who desire to know what use may be made of, or if there be danger in reading the Alcoran. *The Alcoran of Mahomet translated out of Arabique into French by Sieur du Ryer, Lord of Malezir, and resident for the king of France, at Alexandria; and newly Englished, for the satisfaction of all that desire to look into the Turkish vanities*. London, 1649, pp. Ee-Ef3.
7. Ross A. The life and death of Mahomet, the prophet of the Turks, and author of the Alcoran. *The Alcoran of Mahomet translated out of Arabique into French by Sieur du Ryer, Lord of Malezir, and resident for the king of France, at Alexandria; and newly Englished, for the satisfaction of all that desire to look into the Turkish vanities*. London, 1649, pp. 395-407.
8. Gibbon E. *Istorii upadka i razrusheniya Velikoi Rimskoi imperii: zakat i padenie Rimskoi imperii* [The History of Decline and Fall of the Roman Empire: The Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow, 2008, Vol. 5, 592 p.

Поступила в редакцию

25 ноября 2014 г.

УДК 930.1

Н.П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ О ТЕОРИИ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2015 г. Л.В. Мининкова

Мининкова Людмила Владимировна – доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, ул. Садовая, 33, 344082.
E-mail: rspu@sfedu.ru

Mininkova Lyudmila Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: rspu@sfedu.ru

Ключевые слова:

The views of N.P. Pavlov-Silvansky who has based the idea of Russian feudalism and has pointed out the theory of the baronial State on the Russian historiography are analyzed. He considered the immunity to be the condition for the forming of the baronial State. He admitted the existence of the baronial State in West Europe, but not in Russia. Moreover he, opposite to other historians, didn't consider the issue of negative impact of traditions of baronial state on the Moscow state.

Keywords: *feudalism, baronial State, historiography, the specific period.*

Выдающийся историк конца XIX – начала XX в. Н.П. Павлов-Сильванский внес существенный вклад в пересмотр устойчивой традиции русской историографии, согласно которой странами Западной Европы в историческом развитии была пройдена феодальная стадия, тогда как Русь ее миновала. В этом отношении он не выступал в полной мере новатором, так как в отечественной исторической мысли XVIII в. уже была распространена точка зрения об общности исторического пути стран Западной Европы и Руси, согласно которой феодализм у нас имел место.

Эту мысль высказывала и Екатерина II, упоминая в своей дискуссии с аббатом Шапп д'Отерошом о существовании на Руси такого признака феодализма, как фьефы, и делавшая вывод о принципиальной общности русской истории и западноевропейской [1, с. 299]. Наличие феодализма на Руси признавал И.Н. Болтин [2, с. 300]. А.Л. Шлецер видел на Руси «род феодального правления», в конечном счете уничтоженного деспотической монархией [3, с. 357]. На близость установленных на Руси варягами порядков к характерным для западной традиции отношениям вассальной вольности указывал Н.М. Карамзин [4, с. 143]. Общность между феодальными отношениями в западных странах и практикой «передачи» великими князьями «областей сыновьям» русских уделов отмечал Н.А. Полевой [5, с. 87]. По мнению Б.Д. Грекова, феодализм «этапом в истории России» называл А.С. Пушкин [6, с. 580]. Положение о существовании русского феодализма было важнейшим в системе доказательства общности процессов в русском и западноевропейском историческом развитии.

Однако уже современник Полевого М.П. Погодин делал вывод о принципиальном отличии исторического развития Руси и стран Западной Европы. В последних он определял феодализм, а затем усиление королевской власти, на Руси – удельную систему и монгольское завоевание [7]. После Погодина идея коренного различия утвердилась среди русских историков довольно прочно. К.Д. Кавелин подчеркивал, что одно и то же явление, которым был приход варягов-скандинавов на Русь и в страны Западной Европы, привело в конечном счете к разным результатам [8, с. 18]. С.М. Соловьев считал, что существовала очень глубокая разница между западным феодализмом и отношениями на Руси, где между князьями имели место «связи родственные ... о государственной связи

нет помину» [9, с. 334]. Историк права М.Ф. Владимирский-Буданов видел в отрицании феодализма на Руси историографическую традицию, но сам не стремился выйти за ее пределы. По его мнению, на Руси отношения строились «на территориальном подчинении», а в Западной Европе – «на личном подчинении, т.е. вассалитете» [10, с. 284, 285]. Из представления об отсутствии на Руси феодализма, характерного для западноевропейских стран, исходил В.О. Ключевский. Однако отмечал, что на Руси возникли отношения, «напоминавшие феодальные порядки Западной Европы» [11, с. 360]. Таким образом, на протяжении XIX – начала XX в. в русской исторической мысли прочно утвердился взгляд на особый исторический путь России, который принимали историки как консервативного, так и либерально-западнического направления.

Появление трудов Павлова-Сильванского, сохранивших положение о русском феодализме и, следовательно, об общности исторического развития на Руси и в западноевропейских странах, было не только антитезой устоявшейся отечественной историографической традиции и не просто, по словам С.В. Чиркова, набором «первоначальных попыток “перенесения” черт западного феодализма» [12, с. 620] на русские условия. Новым был предложенный историком историко-социологический метод изучения русского феодализма, позволивший выйти за рамки традиционного понимания феодализма как комплекса политических и юридических отношений, что содержалось в историографии предшествовавшего времени. Не только юридической и политической стороне феодализма уделял внимание Павлов-Сильванский, но и общественным отношениям на основе вотчинного землевладения, княжеской и боярской вотчины-сеньерии, возникавшим на почве личной зависимости между крестьянином и землевладельцем, и на почве службы вотчиннику-сюзерену, которые историк оценивал в терминах западноевропейского феодализма как вассалитет и подвассалитет. Вместе с тем Н.И. Кареев, который обстоятельно проанализировал творчество Павлова-Сильванского и в целом положительно отнесся к «теории» русского феодализма, подчеркивал, что она в трудах историка «стоит на прочной почве сравнительно-исторического изучения» [13, с. 143].

Особенностью труда Н.П. Павлова-Сильванского о феодализме в Древней Руси С.О. Шмидт считал подробный и заостренно полемичный историогра-

фический очерк в начале исследования. В нем затронуты и дана оценка разным сторонам проблематики феодальных отношений на русской почве не только в Древней Руси, но и в новой России. Это была значимая часть еще большей проблемы общего и особенного в историческом развитии Руси и стран Западной Европы. Помимо того Павлов-Сильванский обращал внимание на ту сторону взаимоотношений, которые возникали в условиях феодального властвования и в частности на путях перехода от родовых связей к государственным. Но он не мог не остановиться на вопросе о вотчине и государстве и теории вотчинного государства, которая к тому времени занимала весьма прочные позиции при объяснении особенностей политической истории страны в период объединения русских земель вокруг Москвы, а также в ходе становления и развития Московского государства.

Эту теорию Павлов-Сильванский рассматривал в контексте дискуссий между славянофилами и западниками по вопросу об историческом месте России в мире и историческом развитии страны и его особенностях. Он обращал внимание на то, что славянофильское положение о коренном различии между «развитием русским и западным» было полностью признано западником К.Д. Кавелиным, утверждавшим, что «в основе органического развития, русского и германского, лежат различные противоположные начала», «германцам “предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую; нам – создать личность”» [14, с. 7]. Развитие русского исторического процесса шло по пути от родовых отношений, господствовавших на Руси в киевский период, к государственным. Как отметил Павлов-Сильванский, эту концепцию, сформулированную С.М. Соловьевым, Кавелин дополнил предположением, что между родовыми и государственными отношениями имелась органичная связь, которая обеспечивалась благодаря наличию промежуточной стадии между ними, а именно семейными отношениями, имевшими в качестве своей экономической и юридической основы господство «вотчинных отношений». В результате «семья и вотчина (частное владение)» были, на взгляд Кавелина, промежуточной стадией, ранее которой стояли как предшествовавшая стадия – «род и община» и как последующая стадия – «государство и зачатки личности» [14, с. 9]. По мнению Павлова-Сильванского, слабым местом концепции Кавелина было расхождение с теорией органического развития, заключавшееся в том, что имел место «разрыв между Древней и Петровской Русью». Первая

развивалась на самобытной основе, а вторая означала разрыв с самобытностью и постепенное вхождение в европейский мир. Кавелин будто бы признавал недостаток и старался «замаскировать» этот разрыв. Его мысль была направлена на то, что на пути к новой России петровского времени «древняя Русь, прежде чем она “исчерпала себя вполне и прекратилась”, выработала “зачатки личности”» [14, с. 10]. Кроме того, он указывал, что в политической жизни русского общества на вотчинной стадии его развития имелась своеобразная форма перехода к государственности, т. е. по существу Кавелин выступал основоположником теории вотчинного государства в русской историографии. Но эту сторону его воззрений, которая была бы существенной для обоснования вывода о стремлении преодолеть разрыв с теорией органического развития, Павлов-Сильванский никак не характеризовал.

Однако он обратил внимание на то, что «так называемая “вотчинная теория” происхождения Московского государства из княжества-вотчины удельного времени» высказывалась И.Е. Забелиным. «“Политический корень” Московского государства», согласно Забелину, был, как указывал Павлов-Сильванский, «исключительно вотчинный». Самая тесная связь между Москвой как великокняжеской вотчиной и Московским государством была далеко не случайной, но вполне органичной, поскольку представляла собой «проявление “коренного русского начала”» [14, с. 35]. При этом он не указывал, что с точки зрения Забелина вотчинное государство было для русской жизни не только органичным, но и вполне позитивным явлением, а также то, что Забелин не усматривал в вотчинном государстве негативных, темных сторон, которые замечал Кавелин.

«Теория вотчинная», или теория вотчинного происхождения государства, отмечал Павлов-Сильванский, развивалась В.О. Ключевским. «Государственная мантия высшего сюзерена была одного покроя с простым платьем барона-землевладельца», – так характеризовал Ключевский власть удельного князя, которым был наряду с другими великий князь московский. Указывая на «черту преобладания начал частного права ... в строе управления нашего удельного княжества», он тем самым признавал в удельном княжестве «столь характерную для феодализма черту» [14, с. 34]. Что же касается вопроса об общем и различном в положении западноевропейских феодальных владений и удельных княжеств, то Павлов-Сильванский видел ряд противоречий во

взглядах Ключевского. Так, последний признавал, что на Руси имела место «привилегированность (иначе – иммунитет) боярской вотчины, “сохранявшей лишь слабую зависимость” от княжеских властей». Павлов-Сильванский полагал, что это должно было вести Ключевского к выводу о принципиальной общности процессов, развивавшихся в условиях западного феодализма и русского удельно-вотчинного строя. Однако Ключевский писал, что «эти явления “не сходные, а только параллельные”». Но такая оговорка была для Павлова-Сильванского «непонятна», поскольку она не доказывала приведенного Ключевским утверждения [14, с. 37]. Признание им существования в удельной Руси вотчинного государства не служило доводом для отрицания русского феодализма и утверждения идеи принципиального различия в историческом развитии Руси и западноевропейских стран. Также Павлов-Сильванский не обратил внимания на резко негативную характеристику Ключевским вотчинного государства как особой системы властвования, оборотной стороной которой выступало всеобщее бесправие перед лицом вотчинного государя.

Таким образом, Павлов-Сильванский признавал существование в отечественной историографии XIX – начала XX в. теории вотчинного государства. К ее последователям он относил И.Е. Забелина и В.О. Ключевского. В трудах К.Д. Кавелина Павлов-Сильванский видел то, что составило важнейшую предпосылку для появления этой теории: историк выделил семейную и вотчинную стадию в качестве особого этапа в российском историческом развитии. Это обстоятельство позволило появиться теории, согласно которой государство выросло из княжеской вотчины и несло в себе живые следы вотчинного управления и традиции вотчинных отношений. Самого Кавелина Павлов-Сильванский не относил ни к основоположникам, ни к последователям этой теории.

Что касается взглядов самого Н.П. Павлова-Сильванского на теорию существования на Руси вотчинного государства, то в его научном сознании имелись предпосылки для ее признания. Впервые, его вывод о наличии на Руси иммунитетных отношений в том же виде, как в странах Западной Европы. Он доказывал это с опорой на историко-сравнительный метод при сопоставлении дипломов франкских королей и формул из русских жалованных грамот XV в. По этим грамотам княжеские власти отказывались от вступления в дела частновладельческих земель, признавая за вотчинником все права по отношению к населению вотчи-

ны. В результате на Руси складывалось будто бы то же самое положение, что во Франкском государстве. Королевская власть устанавливала, что франкский землевладелец по отношению к населению своей вотчины «занимает то место, которое освободилось с устранением королевских чиновников: в его руки переходят функции судьи и сборщика налогов» [15, с. 359]. Это были государственные функции. То же самое он видел в удельной Руси, причем, как он подчеркивал, не случайно такие жалованные грамоты назывались несудимыми и льготными [15, с. 360].

Другой предпосылкой являлось признание Павловым-Сильванским политического значения в отношениях иммунитета, который «разрывает связь подданства между государем и населением», подданство государю «заменяется подданством частному лицу – льготному вотчиннику» [15, с. 390]. Особенно проявлялось это в том случае, если «иммунитетными правами владел крупный землевладелец». На примере рязанского Ольгова монастыря XII в. он делал вывод, что такой монастырь «благодаря иммунитету действительно становился государством в государстве» [15, с. 391]. Иммунитет придавал вотчиннику политическую значимость, «бояре благодаря своим крупным земельным владениям приобретали такую силу, что становились опасны великим князьям» [15, с. 392]. Ученый приводил примеры противостояния между Юрием Долгоруким и боярином Степаном Ивановичем Кучкой, великим князем московским Симеоном Ивановичем Гордым и московским тысяцким боярином Алексеем Петровичем Хвостом. Также был могуществен воевода Дмитрия Донского боярин Федор Андреевич Свибл, который был подвергнут опале великим князем московским Василием Дмитриевичем.

Таким образом, Н.П. Павлов-Сильванский вплотную подошел к признанию теории вотчинного государства. Он ее фактически признал для западноевропейских условий. По его словам, «на Западе, как известно, произошел захват крупнейшими землевладельцами верховной власти», а «иммунитет послужил опорой для узурпации суверенитета и для образования средневековых княжеств-государств». Но в удельной Руси этого не случилось. В данном случае историк допускал отход от принятой им модели объяснения исторического процесса с позиций строгой закономерности и исторической необходимости. С учетом этого он обосновывал общность процессов развития феодализма на Руси и в странах Западной Европы. Однако при объяснении причин невозможности пе-

рерастания боярской вотчины в княжество-государство на Руси Павлов-Сильванский указывал на воздействие исторической случайности. Ею стали обстоятельства генеалогического характера. Так, если во Франкском государстве род Каролингов «рано угас», то на Руси в результате «быстрого размножения рода владетельных князей Рюриковичей» эти князья «заняли у нас то место, какое на Западе заняли графы-управители и вотчинники, возвысившиеся до положения владетельных государей». Кроме того, уделы были невелики, что позволило русским князьям «упрочить свою власть и предотвратить узурпацию власти со стороны бояр» [15, с. 393]. В этом обосновании кроется явная неточность, так как автор не раскрывает, почему удельные князья не могли превращаться в вотчинных государей.

Впрочем, отрицая превращение на Руси боярских вотчин в княжество-государство, Павлов-Сильванский подчеркивал, что великие князья московские имели своих противников и «вели упорную вооруженную борьбу», но только лишь «с большими “великими княжествами”», причем на всем протяжении истории великого княжества Московского, «с древнейшего времени до Иоанна Грозного». По его словам, «у нас велась, по существу, одинаковая с западной борьба с феодалами» [15, с. 476]. Тем самым он разделял одно из важнейших положений русской историографии о борьбе монархии с удельно-княжеским сопротивлением. Но в качестве особенности этой борьбы историк указывал, что в западноевропейских странах «была борьба более или менее равных сил», а «у нас была видная борьба сильнейшего со слабейшим» [15, с. 477]. Таким образом он по существу поставил удельные княжества в один ряд с вотчинными государствами. Кроме того, Н.П. Павлов-Сильванский в отличие от В.О. Ключевского, а несколько позже от Г.В. Плеханова не рассматривал вопрос о крайне негативном воздействии традиций вотчинного государства на Московское государство.

Вотчинного государства как особой формы перехода от вотчинных отношений к торжеству государственности Павлов-Сильванский в удельной Руси не выделял. У него стадии в развитии страны, называвшиеся им «боярщина» (XIII – до середины XVI в.) и «государство» (с XVI в.) [14, с. 149] разделялись между собой очень четко. Но при этом он выделил существование теории вотчинного государства в отечественной историографии и указал на роль имунитетных отношений как предпосылку для совмещения в рамках вотчины-удела признаков вотчины и государства. Поэтому важнейшие труды

Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» и «Феодализм в удельной Руси» могут рассматриваться как этап в развитии этой теории в русской исторической мысли в начале XX в.

Литература

1. Государыня Императрица Екатерина II. Антidot // Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. Невиданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О. Павловской. М., 2005.
2. . . . Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болтинным : в 2 т. СПб., 1788. Т. 2.
3. . . . Нестор: Русские летописи на древнерусском языке / пер. Д. Языкова. СПб., 1809.
4. . . . История государства Российского. М., 1988. Кн. 1, т. 1.
5. . . . История русского народа. М., 2008.
6. . . . Н.П. Павлов-Сильванский о феодализме в России // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 578–586.
7. . . . Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Историко-критические отрывки: в 2 т. М., 1846. Т. 1. С. 55–82.
8. . . . Взгляд на юридический быт Древней Руси // Наш умственный строй : статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 11–67.
9. . . . История России с древнейших времен // Соч.: в 18 т. М., 1988. Кн. 1.
10. - . . . Обзор истории русского права. Петроград; Киев, 1915.
11. . . . Курс русской истории. Ч. 3 // Соч.: в 8 т. М., 1956.
12. . . . Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 600–638.
13. . . . В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? СПб., 1910.
14. - . . . Феодализм в Древней Руси // Феодализм в России. М., 1988. С. 5–149.
15. - . . . Феодализм в удельной Руси // Там же. С. 152–542.

References

1. [The Empress Catherine II. Antidote]. Karrer d'Ankoss E. *Imperatritsa i abbat. Nevidannaya literaturnaya duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha*

[Karrerd 'Encausse E. Empress and the Abbot. Unprecedented Literary Duel of Catherine II and the Abbot Shappad'Oterosha]. Translate from French O. Pavlovskaya. Moscow, 2005.

2. Boltin I.N. *Primechaniya na istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka, sochinennyya general-maiorom Ivanom Boltinym* [Notes on the History of Ancient and Present-day Russia sir Leklerk, told by General Major Ivan Boltin]: on 2 vol. Saint Petersburg, 1788. Vol. 2.

3. Shletser A.L. *Nestor: Russkie letopisi na drevne-russkom yazyke* [Nestor: Russian Chronicles in Ancient Language]. Ed. D. Yazykov. Saint Petersburg, 1809.

4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of Russian State]. Moscow, 1988. Book 1, vol. 1.

5. Polevoi N.A. *Istoriya russkogo naroda* [History of Russian Nation]. Moscow, 2008.

6. Grekov B.D. [N.P. Pavlov-Silvansky about Feudalism in Russia]. *Pavlov-Sil'vanskii N.P. Feodalizm v Rossii*. Moscow, 1988, pp. 578-586.

7. Pogodin M.P. *Parallel' russkoi istorii s istoriei zapadnykh evropeiskikh gosudarstv, otnositel'no nachala* [Parallel of Russian History with the History of Western European States, with Respect to the Beginning]. *Istoriko-kriticheskie otryvki*: on 2 vol. M., 1846, Vol. 1, pp. 55-82.

8. Kavelin K.D. [A Look at the Legal Life of Ancient Russia]. *Nash umstvennyi stroi : stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury*. Moscow, 1989, pp. 11-67.

9. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Soch.: on 18 vol. Moscow, 1988. Book 1.

10. Vladimirskii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the Russian Law History]. Petrograd; Kiev, 1915.

11. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii. Ch. 3* [Course of Russian History]. Soch.: on 8 vol. M., 1956.

12. Chirkov S.V. [N.P. Pavlov-Silvansky and his Books about Feudalism]. *Pavlov-Sil'vanskii N.P. Feodalizm v Rossii*. Moscow, 1988, pp. 600-638.

13. Kareev N.I. *V kakom smysle možno govorit' o sushchestvovanii feodalizma v Rossii?* [In What Sense Can We Speak on the Existence of Feudalism in Russia?]. Saint Petersburg, 1910.

14. Pavlov-Sil'vanskii N.P. [Feudalism in Ancient Russia]. *Feodalizm v Rossii*. Moscow, 1988, pp. 5-149.

15. Pavlov-Sil'vanskii N.P. [Feudalism in Principality Russia]. *Feodalizm v Rossii*. Moscow, 1988, pp. 152-542.

Поступила в редакцию

15 января 2015 г.

УДК 902.7С(чеч) Н-33

ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРУКТУРЫ ЧЕЧЕНСКОГО ТАЙПА В КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2015 г. С.А. Натаев

г. Грозный, ул. Кирова, д. 47, кв. 364049.
E-mail: nataev.s@yandex.ru

Nataev Saipudi Al'vievich –
Ph.D., Associate Professor
of History of Chechnya Nation,
Chechen State University,
Kirova Ave., 47, Grozny, 364049, Russia.
E-mail: nataev.s@yandex.ru

Ключевые слова:

The article discusses the historiography of the structure of the Chechen Taip in the national historical and ethnographic research on the Chechen Taip. Analysis of different interpretations about the structure of the Chechen Taip in the historical literature. The paper presents the author's model of the structure of the Chechen Taip. It is concluded that the type and its structural subdivisions at different stages of the historical development of the Chechen people had different social functions that were lost or transformed with the socio-economic changes in society. Examines the social content and the semantics of the term "tukhum" in the social structure of traditional Chechen society.

Keywords: *Taip, Gara, brotherhood, structure of Taip, tukhum.*

Структура чеченского тайпа впервые была рассмотрена У. Лаудаевым: «В отношении фамильного родства все члены называются братьями – “вежерей” или “воша”, а целая связь – “ваьр”, с умножением фамильных членов они, нося общее название, разделяются еще на “гары” или “некъи”, т. е. “ветви” или “линии» [1, с. 15]. Родственные группы – “гары”, – потомство, а также “некъи”, – братья по тайпу, “ваьр”, – тайповое братство – это и есть структурные звенья тайповой системы.

Данной проблемы касался и М. Мамакаев (естественно, в избранном им теоретическом ключе, в соответствии с которым тайп – это род): «Известны четыре термина, служившие для обозначения боковых ветвей, сегментировавшихся от тайпа, и употребляющиеся у чеченцев с незапамятных времен для обозначения крупных родственных групп, которые представляют собой определенное, общественное, территориальное и, прежде всего, кровнородственное единство: “ваьр”, “гар”, “некъий” и “ца”. Только первый из них – ваьр – многозначен и наряду с остальными терминами обозначает кровнородственную группу людей, причем более точно определяет понятие род – тайп» [2, с. 22].

Однако система родства чеченцев изучена слабо и нет ясности в определениях различных групп родственников [3, с. 123].

Круг родственников, входящих в тайп, определяется степенью родства – внутреннее родство, а круг людей, выходящих за пределы этой группы, обозначается

термином “ваьр” – внешнее родство. Этим термином объединяются родственники с 5-й по 8-ю степени родства, которые входят в родственную группу [4, с. 30].

М. Мамакаев писал: «Поскольку каждая семья, входившая в состав тайпа, могла дать начало новому тайпу, в процессе сегментации семей возникла сложная структура с множеством различных радиусов, но с единым центром. Следовательно, чеченский тайп в XVII в. состоял из нескольких сыновних групп, которые в свою очередь делились на более мелкие группы. Другими словами, тайп представлял собой уже совокупность родственных групп, происшедших от общего предка и соподчиненных между собой, в соответствии с делением на прямую и боковые линии родства» [2, с. 23].

Такой принцип первородства в наследовании статуса внутри тайпа делал эту организацию похожей на дерево, ствол которого, разрастаясь, непрерывно ветвится. И этот процесс разрастания кровнородственных связей дает в чеченском тайпе линии наследования на протяжении 30 и более поколений. При этом только за старшим сыном сохранялось право наследования. Младшие сыновья, давая каждый свое ответвление, вскоре теряли следы в этом генеалогическом процессе. В противном случае непрерывное ответвление боковых линий должно было бы привести к возникновению все новых и новых групп кровнородственных семей со своими наименованиями [2, с. 24]. Представители прямой линии родства наследуют место своего родоначальника, тогда как младшие сыно-

вья, отделившись, основывают свои собственные линии, вскоре выпадающие из поля зрения. В случае смерти старшего (несемейного сына) эту линию наследует следующий сын по возрасту. Но имя не меняется. В отличие от тайпа, имя предка которого окутано легендами, представители конкретных или всегда могут называть имя своего реального предка. Само слово – ветвь, начало, плод – вызывает вопрос: от кого, из какого? И в абсолютном большинстве случаев люди называют имя своего отдаленного предка, которое могли бы взять себе в качестве наследственного наименования представители того или иного гара. Например, Акх-Темаркьин гара, Акх-Темаркья был отцом Астемира, а Астемир – 17-й предок Мутуша Сулейманова из селения Алхазурово Урус-Мартановского района [2, с. 25].

М. Мамакаев пишет: «Кровнородственные группы некий и гара ничем, как возрастом, не отличаются от тайпа как по структуре, так и в функциональном отношении, и представляют собой организацию патронимического типа» [2, с. 26].

Как известно, для патронимии характерны коллективная собственность и коллективное потребление, этих признаков не было ни в гарае, ни в некий; гара не был экзогамен, тогда как некий – экзогамен. Некий – это родственная группа, состоящая из 7–8 поколений по отцовской линии. Она насчитывает 8 степеней родства, которые имеют свои термины обозначения кровного родства, а 9-я степень уже не имеет. С нее в чеченском традиционном обществе по восходящей линии начинается гара.

М. Мамакаев писал: «Только в гарае и некий, как мы уже отмечали, линия отсчета ведется не от мифического предка, как в тайпе, а от реального – отца этой большой патронимической семьи. Чеченский гара, так же как и некий, – группа семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации патриархально-тайповой общины, сохраняющая в той или иной форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящее общее наименование, образованное от собственного имени главы разделившейся семьи» [2, с. 26].

Тайп перестает быть патриархальной общиной с увеличением численности его членов и с разделением его на гараы и некий. С началом переселения чеченцев на равнину в XVI в., когда нарушается территориальное единство, разрываются хозяйственные связи тайпа и наблюдается переход и реальная значимость сравнительно небольших кровнородственных групп I и малых семей

М. Мамакаев отмечал, что по мере усиления данного процесса тайп распадался на две или более части – гараы, и каждый гара с течением времени составлял самостоятельный тайп [2, с. 26]. Но это не было общим правилом, в частности тайп Цонтарой разделился на 3 гара – Тези гара, Эжи гара, Яаьлбиг гара – и его представители живут компактными группами в 69 селах Чечни.

Чтобы подтвердить свою принадлежность к абorigенам Чечни, каждый человек должен был помнить имена не менее двенадцати лиц из числа своих прямых предков. Но, назвав мифическое имя своего первого предка (родоначальника тайпа) Чинхо или Терло, он невольно пропускал неизвестное множество имен следующих за ним лиц и называл своего ближайшего, реального предка, который в лучшем случае являлся главой некий. Это обстоятельство свидетельствует еще и о том, что чеченский тайп, возникший первоначально как кровнородственная организация, в процессе своей эволюции прошел несколько различных этапов. И все же многое в понимании исторической эволюции чеченского тайпа и его соотношения с другими формами социальной организации продолжает оставаться спорным [2, с. 25].

В научной литературе имеются разные мнения о структуре тайпа, роли его структурных подразделений, об их соотношении друг с другом. У У. Лаудаева структура тайпа представлена в следующем виде: тайп – гара – некий [1, с. 15]. У М. Мамакаева: тукхум (фратрия) делится на тайпы, тайпы – на гараы, гараы – на некий, некий – на ца, ца – на доьзал. Это деление представляет из себя примерно такую нисходящую лестницу:

Къам – нация
Тукхум – фратрия
Тайп – род
Гар – ветвь рода
Некий – ветвь гара
Ца – фамилия
Дотьзал – семья [2, с. 25].

По мнению С.-М.А. Хасиева, сегодня мы имеем весьма искаженные и расплывчатые представления о сущности, функциях структурных подразделений тайпа, правах и обязанностях их членов. Он считает, что в чеченском традиционном обществе активную роль в обыденной жизни играли не тайп, не гара, не некий, а кровнородственная группа «цхъана цийна нах» (люди одного дома, люди одной крови): «Знаменательно, что патронимия обязывалась наказывать всех и вся, противоречащее общественному благу, и только тогда защищать интересы своего члена, когда его права

ущемляются в интересах другой личности» [5]. Патронимия (*I*), связывающая личность через семью – , основополагающего звена тайпа, который, в свою очередь, был опорой и фундаментом общества во всех его (социальных, хозяйственных, политических и пр.) проявлениях. Подобная налаженная вполне демократическая система взаимоотношений индивида и общества в свое время ломалась не только царизмом, большевиками, но и имамом Шамилем, как полярное противостояние узурпации [5].

С.-М.А. Хасиев считает, что экзогамность патронимии налицо. Что касается остальных подразделений тайпа, то вопрос этот остается открытым, так как только мелкие тайпы придерживаются этого правила, что представляется весьма поздним нововведением и демонстрируется при внимательном изучении фамильных связей этих тайпов. По сути дела тайповая экзогамность – нонсенс, так как весьма деструктивна в своей основе, когда рассматривается народ в целом [5]. Э.А. Борчашвили предлагает следующую структуру тайпа: *цӀа* (семья) – *доьзал* (жена и дети главы семьи) – *некъи* (потомки разделившихся после смерти главы семьи детей) – *гара* (объединение нескольких *некъи*) – *тайп* [6, с. 81–82]. По мнению этого исследователя, термин «*цӀа*» обозначает семью – основу патронимии, а в прошлом он служил и для обозначения большой семьи. Термин «*доьзал*» соответствует грузинскому *цолшвили* (жена и дети), но употребление этого термина для обозначения семьи у чеченцев считаем неправомерным. Входившие в *цӀа* (семью) *доьзал* (жена и дети) после разрастания и раздела имущества, следовавшего после смерти главы семьи, становятся *некъи*. Через десять-одиннадцать поколений *некъи* перерастает в *гару*. Тот делится на несколько *цӀа*, которые М. Мамакаев называет фамилиями; *цӀа* объединяло несколько семейств – *доьзал* [6, с. 113–114].

В литературе есть точка зрения, что родственные группы *некъи* и *гара* ничем от тайпа кроме возраста не отличаются. На наш взгляд, *гара* уже не является кровнородственной группой, его можно отнести к родственной группе, как и тайп. В горных районах Чечни *гара* не был экзогамным, тогда как в горах и на равнине *некъий* – экзогамны.

По мнению Л.Ю. Маргошвили, в структуре родства панкисских(грузинских) чеченцев вообще нет звена *тукхум* [7].

Как считает С. Дауев, «чеченское общество имеет свою специфическую социальную структуру». Ее исследователи представляют в следующем виде:

Къам (нация) – **тукхум** (племя) – **тайп** (род) – **цӀа** (союз родовых общин) – **некъи** (родовая община) – **доьзал** (моногамная семья) [8, с. 204].

Мы не можем согласиться с таким изложением социальной структуры современного чеченского общества. Вызывают сомнение семантика дефиниций *I* (союз родовых общин), (родовая община). Ими не пользовались даже сторонники общинно-родового строя у чеченцев. Согласно терминологии родства чеченцев, *цӀа* (*цӀхана цӀийна нах*) – это кровнородственная группа, состоящая из 4–5 поколений, а *некъи* – родственная группа, объединяющая родственников 8 поколений по отцовской линии и состоящая из нескольких *цӀа*.

По мнению С. Дауева, тайп у чеченцев имел такую структуру: «Тайп (род), *цӀа* (союз кровнородственных семей), *некъи* (большая патриархальная кровнородственная семья) и, наконец, *доьзал* (моногамная семья) – вот перечень кровнородственных общностей...» [8, с. 205].

Нами подчеркивалось, что по системе родства чеченцев ни тайп, ни *гара*, ни *некъи* не являются кровнородственными группами, а группами родственников иного порядка.

С. Дауев пишет: «В данном случае настораживает тот факт, что в этой структуре, в общем, правильно отражающей специфику чеченского общества, появилось звено “*тукхум*” (племя). Дело в том, что практически у всех народов Дагестана: кумыков, аварцев, даргинцев, горских евреев, андийцев и т. д. понятие “*тукхум*” (тюрк. “семя”) соответствует чеченскому кровнородственному союзу “*цӀа*”, куда входят большие патриархальные семьи, включающие “*доьзал*” (моногамную семью)» [8, с. 215].

Мы солидарны с точкой зрения С. Дауева о необоснованности использования термина «*тукхум*» как синоним «племени» для обозначения структурного звена чеченского общества.

У многих авторов *тукхум/тукхам* используется для обозначения территориальных объединений в Чечне и определяется как племя, хотя ни в фольклоре чеченцев, ни в терминах родства, ни в социальной терминологии чеченцев нет упоминания племени. Этнограф С.-М.А. Хасиев считает, что слово «*тукхам*» имело огласовку как «*тукхам*», «*ту/сту*» – женщина, супруга, а «*къам*» имел семантику родни и служил для обозначения родственников жены или материнского рода в архаичные времена [5].

В литературе принято считать, что *тукхум* – это племя (союзы тайпов). В Чечне было 9 *тукхумов*: Нохчамаххой, Аькхий, ТӀерлой, Чебарлой, Шарой, Маьлхий, Шуотой, Чантий и Эрштхой. На

наш взгляд, тукхум – это не союз тайпов по признаку родства, а территориальные объединения по ландшафтно-географическому признаку, которые имели общие военно-политические, хозяйственные интересы. Объединения такого рода были и у горцев Восточной Грузии и назывались «хеви». У чеченцев для обозначения регионов Чечни использовался термин «мохк» – земля; например, Нохч-мохк – Чеченская земля.

По мнению Л. Ильясова, социальную структуру чеченского общества периода тайпово-тукхумной организации можно представить следующим образом: – страна (ассоциация тукхумов), – союз тайпов, – территориальная община, – группа нехьи, объединенная идеей легендарного родства, – объединение родственных групп (цйийн нах), ведущих свою линию от общего предка, *i* – группа близкородственных семей (до семи поколений), – семья [9].

В варианте структуры тайпа Л. Ильясова убедительно определено мохк – страна как ассоциация тукхумов. В чеченском языке «мохк» – это «земля». Для обозначения Родины используется термин «Даймохк» – «Земля отцов». Синонимом чеченского этнического географического пространства – страны – является «Нохчийчоь» (Чеченское пространство). А термин «мохк» (земля) служил для обозначения территорий чеченских горных обществ и тайпов, например: Дишни-мохк (дишнейская земля) – этнотерриториальное объединение, включавшее семь тайпов; Пешхой-мохк (пешхойская земля): пешхой – это тайп на западе Горной Чечни.

Чечня не могла быть ассоциацией тукхумов даже в виде, до сих пор понимаемом под тукхумом. На наш взгляд, Чечня до середины XIX в. это конфедерация чеченских земель – Нохчийчоь. Вызывает вопрос определение «тайп» – территориальная община, поселение чеченцев с XVI–XVII вв. С миграцией значительной части горцев на плоскость и образованием аулов, населенных представителями разных тайпов и обществ, территориальное единство и целостность первого разрушается. В условиях Горной Чечни тайп был территориально разъединен, например, представители тайпа Пхьяьмтой населяли 5 аулов: Пхьяьмта, Ваьрда, Гушкорта, Бекум-кхаьлла, Гуьлса.

На наш взгляд, определение *I* – как группа близкородственных семей (до 7 поколений) – не соответствует чеченским реалиям, нами эта кровнородственная группа определяется как *I* (,) и объединяет не до 7, а 4–5 поколений.

Четвертая степень родства чеченцев обозначается терминами (мужчина) и (женщина), в основе семантики терминов «вовх» и «йовх» – «тепло», подчеркивающих, что сохраняется тепло родства. Пятая – и – (букв. разделяющий середину) является границей между «внутренним родством» 4–5 поколений и «внешним родством» 6–8 поколений.

В период чеченского кризиса 90-х гг. XX в. была предпринята попытка реанимировать социальные институты традиционного общества. Х. Нухаев предлагал следующую общественную иерархию: «довзал», «варис», «тэйп», «тукхам», «къам». Первая степень самоопределения (семья), основанная на узах брачного родства, структурируется в рамках трех-четырёх поколений патриархальной семьи; на такой семейной почве каждый нохчи самоопределяется как сын своего отца, внук своего деда.

Вторая степень самоопределения «вар», основанная на узах кровного родства, структурируется в рамках семикольного круга ближайших родственников, по обычаю равноценного возмездия (кровь за кровь) несущих друг за друга общинную ответственность; на такой кровнородственной почве каждый нохчи самоопределяется как потомок в седьмом колене по отцовской линии своего седьмого отца (вар-ха-да).

Три поколения – отец-сын-внук – это патриархальное триединство, один довзал, один дом; это ядро кровнородственной общинности, три неразрывно взаимосвязанных вара, формирующих один варисс. Каждый вар в рамках варисса по родственной вертикали восходит к своему седьмому общему предку, а по горизонтали ближнего родства объединяет кровных братьев от родного до семиюродного [10, с. 139]. Третья степень самоопределения «тайп» основана на единстве крови всех вариссов, которые составляют один тайп (род) и восходят к единому предку.

Четвертая степень самоопределения «тукхам» основана на единстве диалекта, который объединяет соседние тайпы, составляющие один тукхам (племя).

Пятая ступень самоопределения «къам» (народ) – на единстве языка, который объединяет девять тукхумов, вместе составляющих нохчи къам [10, с. 140].

Х. Нухаевым была смоделирована социальная структура чеченского общества, уже давно потерявшая под собой социальную, экономическую базу, его вариант структуры тайпа игнорирует такие звенья тайпа, как гара, нехьи, цхьана цйийна нах, вместо них вводилось структурное звено вар – варисс, термин «фантом».

Ф.В. Тотоев писал: «Прослеживается и значительное расхождение в понимании авторами как тайпы, так и ее производных родственных групп» [11, с. 254]. По его мнению, если отбросить неверную терминологию, то структуру тайпов чеченцев XVIII в. можно представить в следующем виде: наименьшая общественно-экономическая единица – малая семья, наряду с ней – большая семья. Далее простая патронимия (первого порядка) – некъи, затем патронимия второго порядка – гара, совокупность последних по их происхождению дает нам фратрию – тайпу; союзы последних – тукхумы – следует оценить как племена, наконец, объединение всех племен и фратрий образует чеченскую конфедерацию [11, с. 254].

Надо отметить, что структура тайпа Ф.В. Тотоева – наиболее объективная, несмотря на то, что он должен был придерживаться взглядов на тайп как на род и на тукхум как на племя – общепринятых определений в советской этнографической науке. Ф.В. Тотоев первым в советской науке подчеркнул, что еще в XVIII в. основой, ячейкой социальной организации чеченцев являлась малая семья наряду с большой семьей (цхъана цийна нах). Им тайп сравнивается с фратрией, в переводе с латинского языка означающей братство. Как братства характеризовал родственные группы черкесов «тлеухи» В.К. Гарданов [12, с. 26].

С.-М.А. Хасиев также считает, что чеченские тайпы имели характер братства [13, с. 75]. М. Мамакаев тукхум сравнивает с фратрией [2, с. 42].

Ф.В. Тотоевым первым высказана мысль о союзе тайпов как чеченской конфедерации [11, с. 316].

Нам представляется следующая структура чеченского тайпа; (братство – вошалла) – родственная группа (ветвь тайпа) – родственная группа (генеалогия (потомство эпонима 7 поколений), ветвь от гара) – кровнородственная группа I (люди одной крови, люди одного дома) – (семья).

Относительно термина «вар/ваьр» можно сказать, что это слово архаизм в чеченском языке, не применяется как термин обозначения родственной группы кроме как в научной литературе. В то же время у ингушей он бытует как термин родства.

На наш взгляд, дефиниция тукхам не имеет под собой научной почвы. В вариантах описания структуры тайпа М. Мамакаева, Ф.В. Тотоева, С. Дауева, Л. Ильясова присутствует дефиниция «тукхум» как племя, союз тайпов. У грузинских авторов Э.А. Борчашвили, Л.Ю. Маргошвили вообще нет звена тукхум. Нет его и у У. Лаудаева.

Как мы подчеркивали, в чеченском языке нет термина «тукхум» для обозначения социальной группы или территориальной единицы. Он был введен в научную литературу в 20–30-е гг. XX в. наряду с тайпизмом, псевдотайпизмом, тукхумизмом, когда на Северном Кавказе началась кампания борьбы с институтами родственной («родовой») солидарности как пережитками прошлого. У дагестанских народов для обозначения кровнородственной группы, равнозначной чеченской «цхъана цийна нах», есть термин «тохум/тухум», введенный в этнографическую литературу Константиновым [14].

Сам тайп и его структурные подразделения на разных этапах истории чеченского этноса выполняли разные социальные функции. С началом переселения чеченцев на плоскость с XVI в. менялся характер поселений; в горах люди жили в моногентильных аулах, а на равнине переселенцы создавали хутора, которые со временем объединялись в полигентильные (много тайповые) поселения; роль тайпа как социально-экономической единицы, регулировавшей жизнь однотайповых поселений, падала.

Многие функции тайпа социального, хозяйственного характера берет на себя семья (отцовская семья) и кровнородственная группа цхъана цийна нах, а родственные группы гара и некъи выполняли роль институтов родственной солидарности в случае чрезвычайных, конфликтных ситуаций; были генеалогиями, регулировавшими семейно-брачные отношения у чеченцев.

Литература

1. . Чеченское племя. ССКГ. Тифлис, 1872. С. 3–61.
2. . . Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
3. . . Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Грозный, 1975.
4. . . Термины родства чеченцев // Нана. 2008. № 1. С. 30–41.
5. . - . . О ценностной шкале чеченцев // Латта : информ.-аналит. бюл. 2002. № 5. С. 38–42.
6. . . Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX веках. Тбилиси, 1988.
7. . . Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX–XX вв. (Кисты Панкиси). Тбилиси, 1990.
8. . Чечня: коварные таинства истории. М., 1999.

9. . Чеченский тейп // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. М., 2006.

10. . Чеченцы должны самоопределяться как нохчи // Адат. Традиции и современность. Тбилиси; Москва, 2003.

11. . . Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

12. . . Адыгские «братства» в XVIII и в первой половине XIX в. // Советская этнография. 1964. № 2. С. 20–26.

13. .-М. . О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – начало XX вв.) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX в.). Грозный, 1986. С. 70–75.

14. См.: . . Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. 241 с.

References

1. Laudaev U. *Chechenskoe plemya* [Chechen Community]. SSKG. Tiflis, 1872, pp. 3-61.

2. Mamaev M.A. *Chechenskii taip (rod) v period ego razlozheniya* [Chechen Taip (community) in the period of its decomposition]. Grozny, 1973.

3. Aliroev I.Yu. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov* [Dictionary of Comparatives of Branch Lexicon of Chechen and Ingush Languages and Dialects]. Grozny, 1975.

4. Nataev S.A. Terminy rodstva chechentsev [Kinship Terms of Chechens]. *Nana*, 2008, no 1, pp. 30-41.

5. Khasiev S.-M.A. O tsnennostnoi shkale chechentsev [On the Scale of Values of Chechens]. *Latta* : inform.-analit. byul., 2002, no 5, pp. 38-42.

6. Borchashvili E.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Checheno-Ingushetii v XVIII–XIX vekakh* [Socio-Economic Relations in the Chechen-Ingush Republic in 18-19 Centuries]. Tbilisi, 1988.

7. Margoshvili L.Yu. *Kul'turno-eticheskie vzaimootnosheniya mezhdru Gruziei i Checheno-Ingushetiei v XIX–XX vv. (Kisty Pankisi)* [Cultural and Ethnic Relations between Georgia and the Chechen-Ingushetia in the 19-20 Centuries (Cysts Pankisi)]. Tbilisi, 1990.

8. Dauev S. *Chechnya: kovarnye tainstva istorii* [Chechnya: Insidious Sacraments of History]. Moscow, 1999.

9. Il'yasov L. [Chechen Teip]. *Chechenskaya Respublika i chechentsy. Istoriya i sovremennost'*. [Chechen Republic and Chechens. History and Modernity]. Moscow, 2006.

10. Nukhaev Kh. [Chechens Should Identified Themselves as Nokhches]. *Adat. Traditsii i sovremennost'* [Adat. Tradition and Modernity]. Tbilisi; Moscow, 2003.

11. Totoev F.V. *Obshchestvenno-ekonomicheskii stroi Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gg. XIX v.)* [Socio-Economic Structure of Chechnya (second half of 18 - 40-ies 19 century.)]: diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1966.

12. Gardanov V.K. Адыгские «братства» в XVIII и первой половине XIX в. [Adyghe "Brotherhood" in the 18 Century and First Half of the 19 Century]. *Sovetskaya etnografiya*, 1964, no 2, pp. 20-26.

13. Khasiev S.-M.A. [On the Social Content of the "Taip" Institute of Chechens (19 - Early 20 Centuries)]. *Voprosy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII – nach. XX v.)* [Issues of Political and Economic Development of the Chechen-Ingush Republic (18 - early 20 century.)]. Grozny, 1986, pp. 70-75.

14. Kosven M.O. *Ocherki istorii pervobytnoi kul'tury* [Essays on the History of Primitive Culture.] Moscow, 1957, 241 p.

ЭКОНОМИКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 332

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ УРОВНЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НА РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬХОЗТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

© 2015 г. О.П. Горбанева

33, 344000.
E-mail: gorbaneva@don-agro.ru

Gorbaneva Olga Pavlovna –
Deputy Minister,
Ministry of Agriculture and Food of Rostov Region,
Krasnoarmeiskaya St., 33, Rostov-on-Don,
344000, Russia.
E-mail: gorbaneva@don-agro.ru

1

Ключевые слова:

In the article the author considers the principles and direction of the allocation of subsidies to agricultural producers in Rostov region. The comparative analysis of the average volume of state subsidies per 1 Ha of agricultural land in Russia and abroad is given. The author identifies the deficiencies in the system of subsidies for agricultural producers in Rostov region and proposes possible ways of their elimination.

Keywords: *farmers, subsidies, profitability, free market competition, efficiency, public support.*

Сельское хозяйство – системообразующая отрасль для 95 % территории России, на которой проживает почти одна треть населения. Однако наша страна, имея 10 % мировой пашни, из крупнейшего сельхозтоваропроизводителя превратилась в импортера сельхозпродукции. На сегодняшний день в аграрном секторе экономики занята только одна десятая часть населения. За последние 5 лет произошло значительное снижение доли сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в валовой добавленной стоимости. Сельское население страдает от безработицы и является наиболее бедной прослойкой современного российского общества.

Правительством России провозглашен ряд мер, который по изначальному замыслу должен обеспечить кардинальный перелом в негативных тенденциях, сложившихся в российском сельском

хозяйстве, и привести к качественному росту его экономики. Значительную роль в повышении приоритета аграрной экономики должна сыграть государственная поддержка, уровень которой в последние годы растет, но при этом не соответствует масштабам накопившихся в сельском хозяйстве проблем [1]. Попытаемся определить ее роль в повышении эффективности сельского хозяйства и проанализировать направления её совершенствования.

Многие аналитики считают, что по степени поддержки сельского хозяйства можно судить о развитости и благополучии всего государства. В России с богатейшими нефтегазовыми запасами и соответствующими прибылями в этом секторе экономики уровень господдержки АПК составляет всего около 1 % ВВП. В расчете на каждый гектар сельхозугодий это составляет около 10 дол. США,

в то время как в странах Евросоюза – примерно 800 дол. Объем среднегодовой поддержки аграрного сектора Норвегии, например, составляет 2/3 стоимости валовой продукции сельского хозяйства, на каждого сельского жителя выделяется 30 тыс., а на гектар сельхозугодий – почти 3 тыс. дол. США [2]. Такой уровень поддержки сельхозтоваропроизводителей не случаен, так как позволяет решать одновременно несколько системных задач: повышение уровня занятости населения, рост ВВП страны и обеспечение продовольственной безопасности государства.

Условия свободной рыночной конкуренции и глобализации международных отношений наравне с природными рисками привели к снижению финансовой устойчивости и конкурентоспособности многих российских сельхозтоваропроизводителей. Вследствие сложившейся системы мер государственной поддержки происходит неэффективное расходование бюджетных средств, наблюдается низкая бюджетная и производственная результа-

тивность мер государственного регулирования АПК.

В нашей статье проанализируем современное состояние и эффективность господдержки сельхозтоваропроизводителей одного из крупнейших сельскохозяйственных регионов страны – Ростовской области.

За последние пять лет господдержка оказывалась сельскохозяйственным товаропроизводителям в форме различных субсидий [3]. В целом данный показатель составил всего 5,4 % в выручке от реализации продукции (табл. 1). У крупных сельхозтоваропроизводителей доля господдержки в выручке доходит до 14 %, но не является значимой.

Из табл. 1 видно, что 5,9 % сельхозпредприятий не получают господдержку, а 13,4 % получили незначительное финансирование до 300 тыс. р., что в среднем составило по 161,8 тыс. р. на одно хозяйство. Около 12 % хозяйств получают весомую помощь из регионального бюджета в среднем 4223,2 тыс. р. на одного сельхозтоваропроизводителя [4].

1

Группировка сельхозорганизаций Ростовской области по объему господдержки в расчете на одно хозяйство (2013 г.)

Группа хозяйств по объему господдержки, тыс. р.	Размер господдержки в расчете на одно хозяйство, тыс. р.	Количество хозяйств		Доля групп, %			Господдержка, % к выручке от реализации продукции
		ед.	% к итогу	в выручке от реализации продукции	в площади сельхозугодий, га	в объеме господдержки	
0	0	52	5,9	0,7	2,1	0	0
1-300	161,8	118	13,4	2,1	2,2	0,4	1,8
301-500	396	93	10,6	1,7	2,5	0,8	4,2
501-1000	704	130	14,8	4	5,3	1,9	4,5
1001-3000	1837,9	217	24,7	12,9	18,3	8,2	6
3001-5000	4223,2	103	11,7	14,3	17,5	8,9	5,9
5000-10000	7716,3	66	7,5	13,3	15,3	10,5	7,5
10001-15000	12085,9	42	4,8	11,8	14,7	10,4	8,3
Свыше 15000	49398,5	58	6,6	39,2	22,1	58,9	14,2
Итого		879	100,0	100,0	100,0	100	x

Особо выделяется группа хозяйств с размером помощи от 1 до 3 млн р., в которую вошло большинство (217 хозяйств, или 24,7 %) сельхозорганизаций, при этом средний размер господдержки составляет 1837,9 тыс. р.

Отмечается дифференциация господдержки сельхозорганизаций и по организационно-правовым формам. Как видно из табл. 2, 65,6 % объема господдержки получили субъекты частнопредпринимательской деятельности – общества с ограниченной ответственностью и сельскохозяйственные производст-

венные кооперативы, доля которых в общем числе сельхозпредприятий составляет 56,4 и 20 %, а в выручке от реализации – 49,6 и 12,2 % соответственно.

Можно проследить и негативную тенденцию убыточности (без государственного субсидирования) средних и крупных сельхозтоваропроизводителей. Таким образом, отмечена четко выраженная неравномерность в распределении господдержки сельхозтоваропроизводителям области.

Особый интерес представляет анализ результатов, приведенных в столбцах 9 и 10 табл. 2.

При практически одинаковом повышении уровня рентабельности в акционерных обществах, сельскохозяйственных производственных кооперативах и обществах с ограниченной ответственностью (порядка 10–11 %) доля в выручке господдержки колеблется от 12,2 (сельхозкооперативы)

до 49,6 % (общества с ограниченной ответственностью), что подчеркивает существенное различие в эффективности использования средств господдержки в данной группе предприятий и должно инициировать поиск более рациональных способов ее выделения.

2

Распределение господдержки по организационно-правовым формам сельхозорганизаций Ростовской области в 2013 г.

Предприятия	Количество		Сумма господдержки			Уровень рентабельности, %			Доля в выручке от реализации, %
	число	% к итогу	всего, тыс. р.	%	на 1 хозяйство, тыс. р.	с учетом субсидий	без субсидий	изменение	
Унитарные	8	0,9	17492	0,4	2186	7,9	5,8	2,1	1,8
Акционерные общества	145	16,5	1451439	29,8	10010	4,9	-4,7	9,6	32,6
Сельскохозяйственные производственные кооперативы	176	20,0	639532	13,1	3634	7,9	-2,8	10,7	12,2
Общества с ограниченной ответственностью	496	56,4	2555428	52,5	5152	4,0	-7,2	11,2	49,6
Прочие	54	6,1	199486	4,1	3694	10,8	2,1	8,7	3,8
Итого	879	100	4863377	100					100

В соответствии с действующим порядком господдержка по тем или иным направлениям оказывается только при условии, что потенциальный получатель независимо от своего статуса выполняет определенные требования законодательства, в том числе в части ведения бухгалтерской, налоговой, статистической и иных форм отчетности. При принятии решения об оказании господдержки для органов управления АПК не имеет значения,

крупный это агрохолдинг или фермерское хозяйство, главное, чтобы был эффективно функционирующий сельхозтоваропроизводитель, имеющий возможность осуществления инвестиций (затрат) как за счет собственных, так и за счет привлеченных кредитных ресурсов [5]. То есть господдержка должна оказываться, как правило, экономически жизнеспособным хозяйствам. Слабым должно выделяться значительно меньше поддержки (табл. 3).

3

Концентрация государственной поддержки в группах сельхозтоваропроизводителей в зависимости от рентабельности производства, 2013 г., тыс. руб.

Группа сельхозорганизаций по уровню рентабельности производства, %	Объем государственной поддержки хозяйств	Объем поддержки на 1 хозяйство
До -5	2555428	5152,07
От -5 до 0	2090971	13643,63
От 0 до 5	199486	3694,18
Свыше 5	17492	2186,46

На практике имеет место обратная зависимость между уровнем рентабельности предприятия и

величиной государственной поддержки (чем ниже рентабельность, тем выше величина субсидий). В

группе хозяйств с уровнем рентабельности до –5 % (в основном это небольшие общества с ограниченной ответственностью) размер средств поддержки составляет 5152,07 тыс. р. на каждое хозяйство; в группе, где рентабельность производства выше 5 % (унитарные предприятия), объем поддержки уже равен 2186,2 тыс. р. Основные дотации приходятся на предприятия, балансирующие около нулевой рентабельности. Это, как правило, крупные сельхозтоваропроизводители с большим количеством персонала, чаще всего системообразующие предприятия в сельской местности.

Концентрация средств господдержки в группе более крупных хозяйств не способствует устойчивому функционированию отрасли в целом. Многие небольшие хозяйства при создании соответствующих условий могли бы обеспечить более высокую норму рентабельности, чем крупные предприятия.

Таким образом, действующие меры государственной поддержки сельского хозяйства не обеспечивают хозяйствующим субъектам равного доступа к бюджетным субсидиям, приводят к поляризации сельскохозяйственных организаций по уровню развития и обуславливают необходимость введения в практику дополнительных мер господдержки отрасли.

Что касается форм господдержки товаропроизводителей Ростовской области, то в ходе исследования было установлено, что 87,1% всего объема приходится на прямую поддержку, непосредственно влияющую на конечные результаты хозяйствующих субъектов и предполагающую адресное расходование средств на поддержку сельхозтоваропроизводителей.

Дискуссии о соотношении прямых и косвенных мер поддержки нашли свое отражение в законодательстве ВТО, которая накладывает определенные ограничения на своих членов. Это особенно актуально, поскольку 16 декабря 2011 г. Россия подписала протокол о присоединении к ВТО.

Правила ВТО, ориентированные на либерализацию поддержки аграрного сектора, предполагают не отмену поддержки как таковой, а лишь изменение ее структуры и направлений. В связи с этим рекомендуется сокращение финансирования мер, наносящих серьезный ущерб функционированию рынков, и увеличение расходов на разрешенные меры поддержки, относящиеся к «зеленой корзине» [6].

Важным шагом на пути совершенствования государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей является переориентация поддержки аграрного сектора в пользу мер, разрешенных правилами ВТО, но пока еще не используемых в управле-

нии. Речь идет об оптимизации структуры расходов бюджетов различных уровней.

Изменение концепции субсидирования с учетом расширения мер «зеленой корзины» будет способствовать развитию конкурентоспособного сельхозтоваропроизводителя, создаст условия для получения доходов и укрепления финансовой устойчивости аграрного сектора.

Проведенный анализ показывает, что осуществляемая государственная поддержка сельского хозяйства не является эффективной, какой она, несомненно, должна быть. Считаем, что следует повысить ее научную обоснованность:

1) рассматривать сельское хозяйство как мультипликатор роста для всего хозяйственного комплекса и рассчитывать объем необходимых субсидий исходя из анализа по соответствующим экономико-математическим моделям;

2) изучить степень соответствия балансовой и реальной экономической эффективности инвестирования сельхозхозяйственных товаропроизводителей, поскольку некоторые положения, отражаемые в бухгалтерских отчетах (особенно оплата труда и амортизация основных фондов) не всегда соответствуют реальной действительности;

3) обосновать оптимальные модели различных типов сельскохозяйственных предприятий для разных типов сельских территорий и рассчитать на их основе возможности роста производства, прибыли, оплаты труда и др.

Все задействованные на ресурсное обеспечение средства опосредованно вернутся государству или попадут в основные сектора экономики, определяющие экономическое и технологическое развитие страны.

Необходимо также совершенствовать существующую систему государственного регулирования сельского хозяйства:

1) упростить общие условия субсидирования и правила кредитования и предусмотреть меры, исключающие изменение процентной ставки кредитования в сторону повышения в течение ряда лет;

2) предельно упростить механизм субсидирования процентных ставок по всем видам кредитов и отрегулировать механизм поддержки животноводства;

3) развивать систему сельскохозяйственного страхования как основного элемента снижения рисков в сельском хозяйстве и др.

Литература

1. Государственная поддержка и механизмы ее реализации в АПК (теория, методология, расчеты)

/ под ред. И.Г. Ушачева, А.С. Миндрин, Н.А. Борхунова. М., 2008. 224 с.

2. . . . . Перспективы реформирования аграрной политики России. М., 2004.

3. Агропромышленный комплекс России в 2012 г. / МСХ РФ. М., 2013. 554 с.

4. Интернет-порталы Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Правительства Ростовской области, министерства сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области. URL: <http://www.mcx.ru/>; <http://www.donland.ru/>; <http://www.don-agro.ru/> (дата обращения: 10.10.2014).

5. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173574/ (дата обращения: 09.08.2014).

6. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.08.2014).

References

1. *Gosudarstvennaya podderzhka i mekhanizmy ee realizatsii v APK (teoriya, metodologiya, raschety)* [Government support and mechanisms for its implementation in the agricultural sector (the theory, methodology, calculations)]. Eds. I.G. Ushachev, A.S. Mindrin, N.A. Borkhunov. Moscow, 2008. 224 p.

2. Serova E., Karlova N., Tikhonova T., Khramova I., Shick O. *Perspektivy reformirovaniya agrarnoi politiki Rossii* [Prospects of Reforming of Agrarian Policy of Russia]. Moscow, 2004.

3. *Agropromyshlenniy kompleks Rossii v 2012 g.* [Agro-industrial complex of Russia in 2012]. MSKh RF. Moscow, 2013, 554 p.

4. *Internet-portaly Ministerstva sel'skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii, Pravitel'stva Rostovskoi oblasti, ministerstva sel'skogo khozyaistva i prodovol'stviya Rostovskoi oblasti* [The Internet-portals of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, Government of the Rostov region, the Ministry of Agriculture and Food of the Rostov region]. Available at: <http://www.mcx.ru/>; <http://www.donland.ru/>; <http://www.don-agro.ru/> (accessed 10.10.2014).

5. *O gosudarstvennoi programme razvitiya sel'skogo khozyaistva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaistvennoi produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013-2020 gody* [On the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013-2020]: *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 iyulya 2012 g. № 717*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173574/ (accessed 09.08.2014).

6. *Soglashenie po subsidiyam i kompensatsionnym meram (VTO, Urugvaiskii raund mnogostoronnikh torgovykh peregovorov, 15 aprelya 1994 g.)* [The Agreement on Subsidies and Countervailing Measures (WTO, the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations, April 15, 1994)]. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 09.08.2014).

Поступила в редакцию

25 ноября 2014 г.

УДК 639.2.03:504 (262.54)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО МОЛОДИ ЦЕННЫХ И ТОВАРНО-ПРОМЫСЛОВЫХ ВИДОВ РЫБ – ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЫБНОГО БИЗНЕСА

© 2015 г. М.С. Коржов

—
,
,
,
. 23-
, 43, . - - , 344019.
E-mail: max-krzhv@mail.ru

Korzhov Maksim Sergeevich –
Competitor, Department of Economical Subjects,
Higher School of Business of the Southern
Federal University,
23-ya Liniya St., 43, Rostov-on-Don, 344019, Russia.
E-mail: max-krzhv@mail.ru

Ключевые слова:

Nowadays the extensive way of world fish production development has changed and became more intensive. The interest to the fishing industry has been growing. That's why the article deals with the issues of improving the efficiency of natural reproduction of valuable commercial fish species, the investment attractiveness of the fishing industry in Rostov region with the possibility of application in the territory of the Russian Federation.

Keywords: *water resources, anthropogenic impact, intensive fish reproduction technology, economical planning of feeding.*

Кардинальные изменения в современных условиях естественного размножения молоди товарно-промысловых, ценных, походных и полупроходных рыб и связанное с этим резкое снижение их промысловых запасов обусловлены экологически негативными последствиями водного стока и токсикологического загрязнения р. Дон.

Водам Дона угрожают:

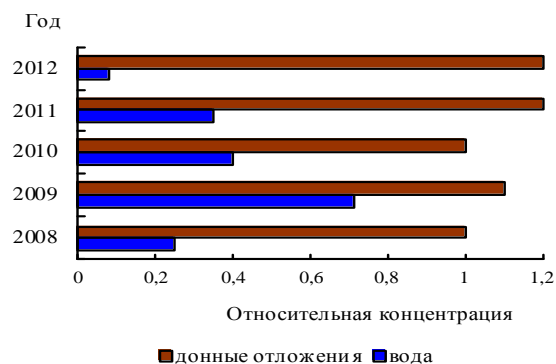
1) необратимые техногенные процессы, т. е. сниженный темп обновления качества вод. В настоящее время период обновления вод в р. Дон увеличился в 10 раз, следовательно, процесс сегментации (замедление переноса ила) увеличился многократно, что привело к заиливанию русла;

2) увеличение количества осадков, содержащих токсичные вещества I – III группы;

3) антропогенный негатив сельскохозяйственного производства: освоение заливных и прибрежных участков, использование удобрений, гербицидов и дальнейший их смыв при паводках и дождевых осадках, а также установка загонов и пастбищ крупного рогатого скота, где навоз смывается в открытые водные источники.

Особая опасность состоит в том, что в донном иле повышается содержание токсичных металлов I группы: бериллия, ртути; II группы: алюминия, бария, кадмия, свинца; III группы: железа, серебра, меди. Это самым негативным образом влияет в процессе питания донных бентосоядных рыб (сазан, карп, лещ) на их организм в целом. Нами рассматривается вопрос о негативном воздействии токсинов на органы репродукции бентосоядных рыб, снижающих живучесть отметанной икры и спермы. Также процесс инкубации оплодотворенной икры отягощается накоплением в воде р. Дон неметаллических элементов: бора, мышьяка; гало-

генов: брома – ион, хлор остаточный; загрязнениями аммиаком, аммонием, органическим углеродом, ПАВ; нефтепродуктами: фенолами, хлороформом, формальдегидом и т.д. [1] (рисунок).

Относительная концентрация тяжелых металлов в воде (кратность ПДК) и донных отложениях (кратность СХК) Нижнего Дона

Складывается двойная негативная ситуация: тяжелые условия инкубации отложенной оплодотворенной икры и сложный период трансформации до стадии предличинки в желтом материнском теле. Предличинка открепляется от места инкубации отложенной икры и может переноситься течением реки, попадая часто в неблагоприятные зоны состояния вод.

Затем идет самый сложный период жизни молоди рыбы от декадного до месячного возраста – переход на самостоятельное кормление (питание планктоном, зоопланктоном) и формирование скелета. Условия выживания весьма неблагоприятные: потери составляют свыше 90 %.

Наша цель заключается в разработке рекомендаций по повышению эффективности естественного воспроизводства ценных и промысловых видов рыб, созданию инвестиционной привлекательности рыбного бизнеса за счет получения диетической рыбной продукции. Предлагается рассмотреть дополнительный вариант разведения товарно-промысловых, быстрорастущих карповых пород рыб в многочисленных овраго-балочных прудах Ростовской области. Рекомендуемая глубина 1500–1700 мм с естественной подпиткой родниками. В изолированных от водной системы акватории Дона водоемах гораздо легче обеспечить качественное санитарное эпидемиологическое состояние [2].

В конце XX – начале XXI в. экстенсивный путь развития мирового рыбного хозяйства изменился в сторону интенсивного. В то время как объем продукции, добываемой рыбным промыслом, остается постоянным, объем водных биоресурсов, произведенный методами аквакультуры, быстро возрастает. Важным преимуществом рыбоводства является большая плодовитость рыб. То есть малое число производителей способно обеспечить крупномасштабное производство товарной продукции. Ведущее место в сельскохозяйственном рыбоводстве занимают карповые виды рыб, годовое производство которых в последние десятилетия составляет более 80 %, до 17 % выращивается форели, до 2 % – осетровых рыб. Наметилась тенденция расширения видового разнообразия как за счет аборигенной ихтиофауны (лещ, щука, сом обыкновенный, карась, судак, окунь), так и использования ранее акклиматизированных видов: канальный сом, пеленгас, веслонос, буффало. По прогнозам, в 2020 г. мировой объем выращивания объектов аквакультуры достигнет 70–80 млн т. В России прогнозируется довести его до 400 тыс. т, при существующем потенциале 500 тыс. т. Интерес, который появляется в последние годы к рыбоводству не только у профессиональных хозяйств, но и у предпринимателей, фермеров, любителей выращивать рыбу, поддержанный грамотной экономической политикой в регионах, позволит достичь намеченных показателей и обеспечить жителей России необходимым ассортиментом и количеством прудовой рыбы [3].

В связи с этим крайне важны интенсивные технологии рыбоводства применительно к природно-климатическим условиям и экономике области, полное использование потенциальных возможностей водных угодий не только специализированных рыбоводных хозяйств, но и большого количества прудов комплексного назначения. Последние зачастую недостаточно приспособлены для выра-

щивания рыбы из-за отсутствия специальных гидротехнических сооружений, режима водопользования, морфометрии водоема и т. д., однако преобладание именно этой категории водоемов в хозяйствах области заключает в себе большие резервные возможности увеличения рыбопроизводства без дополнительных капитальных вложений [4].

Естественная кормовая база – зоопланктон – основное условие для выращивания качественной молоди товарно-промысловых рыб. Одним из главных звеньев в пищевой цепи водоема являются бактерии – дафнии, цериодафнии, мионы, зимоцефалосы, биосмины, хидорусы. Самки этих рачков высокоплодовиты и за жаркий летний период дают потомство более 1 млрд особей. Они служат полноценным кормом для гидробионтов – зоопланктона, зообентоса и в итоге – для личинок рыб. На стадии сформированного месячного малька до стадии сеголетки молодь рыб переходит на питание бентосом, это – личинки хирономид, комарик хирономид, куколка комара, личинка поденки, личинка ручейника, олигохета, водный ослик, личинка бокоплава, двухстворчатый моллюск, брюхоногий моллюск. Качество и количество зоопланктона напрямую зависят от качества водной среды и донного ила. Для снижения негативного влияния загрязняющих веществ, поступающих в водоем, предлагается использовать биоплато. Высаживать по периметру водоема комплекс многолетних травянистых растений (тростник, рогоз, камыш, аир болотный и т.д.). Создавая искусственный растительный щит, получаем очищенную водную среду, условия для нереста рыб, благоприятные условия для жизни и размножения естественной кормовой базы малька [5].

К разработке полноценного кормления рыб приковано самое пристальное внимание ученых многих стран с развивающейся аквакультурой, в том числе и России. Рецептура кормов для рыб разных видов и возраста постоянно обновляется, в их состав вводятся новые компоненты и кормовые добавки, отражающие новейшие данные по изучению физиологии и обмена веществ у гидробионтов [6].

Исследования на каскаде балочных прудов в Красносулинском районе Ростовской области с применением кормов, максимально приготовленных с использованием собственной кормовой базы, показали возможность обходиться без дорогостоящих кормов на начальном этапе выращивания малька. Однако естественной кормовой базы при выращивании промышленного количества малька товарно-промысловых и ценных пород рыб недостаточно, поэтому необходимо производить дополнительное

кормление. Несложная и простая в эксплуатации установка по плющению зерновых отходов позволяет проводить подготовку сырья для приготовления запариваемого корма. Для получения корма с повышенным содержанием белка используются биологические отходы сельского хозяйства. Солома, отходы животноводческого комплекса, опавшая листва идут для производства червей, которые после обработки добавляются в корма. Минеральные и витаминные добавки применяются в сухом плавающем корме. Данная технология позволяет получать корма с повышенной усвояемостью, а комплексные добавки – выращенную товарную рыбную продукцию с высокими диетическими свойствами согласно запатентованной технологии. Корма в комплексе размещаются во множество подвесных кормушек. Кормушка имеет нижний отсек для загрузки мокрого корма и верхний с воздушным пузырем, на который помещается плавающий корм. Рентабельность выращивания в комплексе месячной молоди и откорма товарных особей превышает рекомендованные в отрасли 20 % [7–10].

Предлагается теория экономического планирования естественного кормления воспроизводимой выращиваемой молоди быстро растущих товарно-промысловых и ценных пород рыб: до месячного возраста (для весовой реализации) и до возраста сеголетки (ухода на зимовку под ледостав) и последующего этапа поштучной реализации владельцам многочисленных прудов, обводненных котлованов и других открытых водных объектов из числа экономических хозяйств на территории Ростовской области. За базовый ориентир учета рекомендовано брать численность выращиваемой партии месячных мальков в 1 млн штук таких бы-

стро растущих и неприхотливых к содержанию пород, как сазан, карп и линь, которые достаточно стойко переносят очень жаркие, бездождевые засушливые весенне-летние и осенние теплые периоды года. При хорошем сбалансированном питании легкоусвояемым белковым кормом месячная молодь вышеуказанных пород рыб достигает зачетного веса – двух граммов. Расчет кормления на одну условную голову малька колеблется в пределах 5 корм. ед., т. е. для достижения месячному мальку веса 2 г необходимо съесть 10 г корма. С учетом естественных потерь в промышленный аквариум необходимо поставить 10 искусственных модулей-нерестовиков с общим количеством отметанной икры до 3 млн. На процесс естественной инкубации и трансформации предличинок в желтом материнском теле затрат кормов не требуется. С учетом промышленного коэффициента 0,68 рассчитывается выход предличинок в желтом материнском теле до 2,2 млн штук и с учетом последующей трансформации в предличинку, свободно плавающую и начинающую самостоятельно питаться, – до 1,5 млн штук, чтобы в последующем получить планируемый выход до 1 млн месячных голов малька товарно-промысловых пород рыб.

Затрат искусственных кормов с учетом нагрузки на природный биологический корм озера не требуется до достижения мальками декадного возраста с ориентированной даты запуска в озеро. При наборе 1 кг живого веса требуется 3 кг корма.

Мальков при весе 4 г следует рассаживать по 1200 шт. на га зеркала водоема (680000: 1200 = 500 га площади водоема) (таблица).

Соотношение времени роста карпа к живому весу

Рост рыбы, дн.	Живой вес, г	Цена, шт/р.	Степень живучести, шт.	Выживаемость, %	Общая живая масса, кг
10	1,5мг	1000000/120000	1000000	100	1,5
20	310мг		900000	90	270
30	1,85		800000	80	1300
45	4		680000	68	2700
55	10		650000	65	6500
70	14		600000	60	8000
90	17		550000	55	8250
100	21		500000	50	10000
120	30		450000	45	13500
Уход сеголеток за первую зимовку с выживанием численности стаи 68 %					
366	40		270000	68	11000
510	500		180000		90000
При хорошей подкормке живым кормом и специальными хлебцами					
	800		200000		160000

Экономический расчет кормовых затрат начинается после трансформации предличинки в желтом материнском теле в предличинку, свободно плавающую и самостоятельно питающуюся. На первом этапе до возраста 10 сут предличинки питаются зоопланктоном (дафнии, коловратки и другие мелкие рачки). Личинки рыб могут заглатывать корм в размере, равном размеру глаза личинки. В качестве эксперимента для кормления личинок рыб возрастом более 10 сут использовались подтопленные кормушки из прозрачных 5-литровых бутылей для питьевой воды [8].

С 20-дневного возраста в качестве корма применялась отварная пшенная крупа, закладываемая на дно кормушки, а на воздушную подушку кормушки насыпался плавающий корм из размолотых панировочных сухарей в смеси с хлебцами из муки ряски малой, смешанной с отрубями. Поедаемость корма – до 99 % и при этом дно промышленного аквариума не засорялось несъеденными кормами. В качестве живого биологического корма использовались гибриды красного калифорнийского червя, которые выращиваются в специальной выкопанной канаве шириной 1 м, глубиной 1 м и длиной до 15 м. Емкость канавы осенью заполняется листвой, собранной с окружающей пруд лесополосы, шириной до 100 м и длиной более 1 км. Листва сдобривается конским навозом, смачивается водой из пруда и закрывается на зиму полиэтиленовой пленкой или рубероидом. Запускаются несколько колоний червей, которые к весне размножаются в огромном количестве. Использовать их в качестве корма можно с 45 – 50 дневного возраста малька [9, 10].

Результаты проведенных исследований будут востребованы в деятельности индивидуальных предпринимателей и в качестве учебного пособия.

Литература

1. . . . Дельта Дона: эволюция в условиях антропогенной трансформации стока. Ростов н/Д., 2009. 305 с.
2. . . . Использование водной и прибрежно-водной растительности реки Таналык для создания биологических очистных прудов на горнорудных объектах Зауралья : автореф. дис. ... канд. экол. наук. Уфа, 2009.
3. . . . Обоснование экономической эффективности аквакультуры // Рыбное хозяйство. 2006. № 6.
4. Искусственное воспроизводство промысловых рыб во внутренних водоемах России / Ю.П. Мамонтов, Н.Е. Гепецкий, А.И. Литвиненко [и др.]. СПб., 2000. 288 с.
5. . . . Производство продуктов аквакультуры с высокими диетическими свойствами – путь инвестиционной привлекательности // Инновация, экология и ресурсосберегающие технологии : труды X Междунар. науч.-техн. форума. Ростов н/Д., 2012.
6. . . . Теоретические и методические основы управления экономической эффективностью искусственного воспроизводства рыбных запасов в условиях перехода к инновационной экономике. Инновации. Менеджмент. Туризм. Сочи, 2013.
7. О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2011 году / под общ. ред. А.А. Гребенщикова, А.Г. Куренкова // Экологический вестник Дона. 2012. С. 65–80.
8. . . . Сценарий устойчивого развития Ростовской области // Инженерный вестник Дона. 2012. Т. 22, № 4. С. 159.
9. Экономика природопользования / под ред. К.В. Папенова. М., 2012.
10. . . . Фермерское хозяйство. М., 2008.

References

1. Zhukova S.V., Belyaev A.G., Syrovatka N.I., Shishkin V.M., Kuropatkin A.P., Lutynskaya L.A., Fomenko I.F., Podmareva T.I. *Del'ta Dona: evolyutsiya v usloviyakh antropogennoi transformatsii stoka* [The Delta of the Don: Evolution in Conditions of Anthropogenic Transformation of Runoff]. Rostov-on-Don, 2009, 305 p.
2. Baktybaeva Z.B. *Ispol'zovanie vodnoi i pri-brezhno-vodnoi rastitel'nosti reki Tanalyk dlya sozdaniya biologicheskikh ochistnykh prudov na gornorudnykh ob'ektakh Zaural'ya* [The Use of Water and Coastal Aquatic Vegetation of the River Tanalyk to Create Biological Treatment Ponds at Mine Sites of Zauralye]: avtoref. dis. ... kand. ekol. nauk. Ufa, 2009.
3. Kiselev V.K. *Obosnovanie ekonomicheskoi effektivnosti akvakul'tury* [Justification of the Economic Efficiency of Aquaculture]. *Rybnoe khozyaistvo*, 2006, no 6.
4. *Iskusstvennoe vosproizvodstvo promyslovykh ryb vo vnutrennikh vodoemakh Rossii* [Artificial Reproduction Commercial Fish Species in Inland Waters

of Russia] / Yu.P. Mamontov, N.E. Gepetskii, A.I. Litvinenko et al. Saint Petersburg, 2000, 288 p.

5. Meskhi B.Ch., Kokhanov Yu.B., Tenekov S.I., Korzhov M.S. [Production of Aquaculture Products with High Dietary Properties - the Way of Investment Attractiveness]. *Innovatsiya, ekologiya i resursosbergayushchie tekhnologii* [Innovation, Ecology and Resource-Saving Technologies]: trudy 10 Mezhdunar. nauch.-tekhn. foruma. Rostov-on-Don, 2012.

6. Korzhov M.S. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy upravleniya ekonomicheskoi effektivnost'yu iskusstvennogo vosпроизводства rybnykh zapasov v usloviyakh perekhoda k innovatsionnoi ekonomike. Innovatsii. Menedzhment. Turizm* [Theoretical and Methodological Foundations of Management of the Economic Efficiency of Artificial Reproduction of Fish Stocks in Conditions of Transition to an Innova-

tion Economy. Innovation. Management. Tourism]. Sochi, 2013.

7. O sostoyanii okruzhayushchei sredy i prirodnykh resursov Rostovskoi oblasti v 2011 godu [On the State of the Environment and Natural Resources of Rostov Region in 2011]. Eds. A.A. Grebenshchikov, A.G. Kurenkov. *Ekologicheskii vestnik Dona*, 2012, pp. 65-80.

8. Savon D.Yu., Gassii V.V. Stsenarii ustoichivogo razvitiya Rostovskoi oblasti [Scenario of Sustainable Development of the Rostov Region]. *Inzhenernyi vestnik Dona*, 2012, vol. 22, no 4, p. 159.

9. *Ekonomika prirodoopol'zovaniya* [Economics of Nature Management]. Ed. K.V. Papenov. Moscow, 2012.

10. Ponamareva S.V., Lagutkina L.Yu. *Fermerskoe khozyaistvo* [Farm Enterprise]. Moscow, 2008.

Поступила в редакцию

13 ноября 2014 г.

УДК 336.76

ДЕТЕРМИНАЦИЯ КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

© 2015 г. В.В. Папин

с
,
( )
, 147, . , 346500.
E-mail: vpaper@mail.ru

Papin Vasilii Viktorovich –
Post-Graduate Student, Institute of the Service
Sector and Enterprise, Branch of Don State
Technical University in Shakhty,
Shevchenko St., 147, Shakhty, 346500, Russia.
E-mail: vpaper@mail.ru

Ключевые слова:

The article considers and analyzes the issues related to the formation and development of the securities market in Russia. During its relatively short history the market got several times in a state of "stagnation", due to both external and internal reasons. Nowadays is the period of its stagnation, which leads to decrease in the functionality of market economy, but it creates good conditions for the implementation of urgent systemic changes in the infrastructure. The complex reasons for the provisions of the Russian securities market are presented and considered and the measures to improve the situation are suggested.

Keywords: *stock exchange, shares, bonds.*

Довольно бурное развитие рынка ценных бумаг в России на рубеже 1991–1998 гг. сменилось посткризисным застоєм, связанным с дефолтом страны по своим обязательствам. С 2000 г. начинается новый этап развития, это связано со стабильным ростом цен на нефть и соответственно роста экономики России (рис. 1).

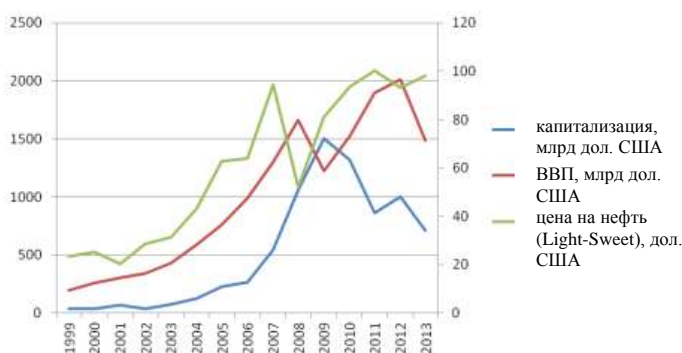

Рис. 1. Динамика основных макроэкономических показателей и цен на нефть за период 1999–2013 гг. [1–3]

Положительная динамика основного экспортного продукта повлияла на рост экономики страны и привлекательность ценных бумаг для внутренних и иностранных инвесторов [4], однако 2012 и 2013 гг. выбились из общей тенденции – стабильные цены на нефть больше не позволяли расти экономике страны и соответственно фондовому рынку, который по настоящее время не может восстановиться к уровням 2008 г., хотя фондовые рынки развитых стран превысили показатели докризисного периода (рис. 2).

Рис. 2. Динамика фондовых индексов США и Японии в период 2008–2014 гг. [5]

При этом американские индексы находятся на максимальных уровнях за всю историю [6].

Негативная динамика стоимости ценных бумаг имеет под собой как внешние – макроэкономические причины, так и внутренние, связанные со структурными проблемами биржевой торговли в России.

Привлекательность рынка ценных бумаг России ограничена для инвесторов по ряду причин.

Капитализация рынка остается крайне низкой – суммарная капитализация двух крупнейших мировых компаний Apple и ExxonMobil сравнима со стоимостью всех торгуемых на бирже российских акций [7]. Это не позволяет решать посредством рынка ценных бумаг масштабных задач по перетоку и инвестированию капиталов.

На рынке представлено весьма небольшое количество эмитентов – из порядка 32 тыс. акционерных обществ на рынке обращаются бумаги не более 270 компаний [8]. При этом основной акцент сделан на представителей нефтегазового сектора, что отражается в отраслевой капитализации рынка – 49,1 % капитализации приходится на представителей указанного сектора экономики [8]. Это служит поводом для тенденции – «инвестируя в Россию – инвестируешь в нефть». С учетом стабилизации цен на нефть на уровне около 100 дол. за баррель (рис. 1) – рост финансовых показателей российских компаний возможен только за счет оптимизации внутренних производственных процессов и налоговой составляющей, а это вызывает сомнения у инвесторов, что выражается в потере интереса к российским компаниям.

Косвенно это подтверждает снижение биржевых оборотов в России – с 426,4 млрд дол. США в 1-м полугодии 2012 г. до 291 млрд дол. США – в аналогичный период 2013 г. [8].

Помимо снижения оборотов наблюдается высокая концентрация торгов по нескольким эмитентам, также в большинстве своем являющихся представителями нефтегазового сектора (табл. 1).

На корпоративном долговом рынке наблюдается аналогичная ситуация (табл. 2).

Частичное совпадение списков подтверждает ранее озвученную проблему – «узости» российского фондового рынка, что не позволяет компаниям в полной мере воспользоваться биржевой инфраструктурой для привлечения и перераспределения капиталов. Есть потенциально интересные компании, но нет возможности в полной мере инвестиро-

вать в них, формируя портфель из акций, облигаций и производных инструментов на интересующие активы – либо компания не имеет полного присутствия на российском фондовом рынке, либо имеет ограниченный круг торгуемых инструментов.

**Список эмитентов с наибольшей долей
в структуре торговых оборотов акциями
на Московской бирже [9]**

Эмитент	Доля в суммарном объеме, %
ОАО «Газпром»	26,5
ОАО «Сбербанк России»	16
ОАО «Уралкалий»	12,7
ОАО «ГМК Норильский никель»	6
ОАО «Банк ВТБ»	5
ОАО «Сургутнефтегаз»	3,6
ОАО «Лукойл»	3,5
ОАО «НК Роснефть»	3,5
ОАО «Ростелеком»	3,4
ОАО «Татнефть»	2,6
Итого	82,8

**Список эмитентов с наибольшей долей
в структуре торговых оборотов
облигациями на Московской бирже [9]**

Эмитент	Доля в совокупном обороте, %
ОАО «РЖД»	7,8
ОАО «ФСК ЕЭС»	7,3
ОАО «АК «Транснефть»	6,8
ОАО «Россельхозбанк»	6,1
Внешэкономбанк	5,5
ОАО «Газпромбанк»	3,7
ОАО «АИЖК»	3,5
ОАО «Газпром нефть»	3
ОАО «ОАК»	2,5
ООО «ЕвразХолдинг Финанс»	2,2
Итого	48,3

Данное положение вещей приводит к трудностям при формировании портфелей институциональных инвесторов с учетом ликвидности бумаг, так как происходит концентрация инвестированных средств в бумаги ломбардного списка Банка для совершения сделок РЕПО, например, за 2013 г. совокупный обо-

рот на фондовой секции Московской биржи составил 24 025 млрд р., объем сделок РЕПО за аналогичный период – 207 741 млрд р. [9].

Если институциональные инвесторы могут позволить себе подобные операции, расширяя при этом возможности для инвестирования на российском фондовом рынке, то частные инвесторы не могут воспользоваться этими инструментами и, как минимум, не расширяют свое присутствие на рынке.

Так в период с середины 2007 по 2009 г. количество открытых клиентских счетов физических лиц выросло с 418 229 шт. до 747 597, фактически удвоившись, а в середине 2001 г. было уже открыто более 938 320, т. е. общее количество открытых на бирже счетов превысило один миллион, достигнув по состоянию на 01.07.2011 г. 1 001 686 шт. [9], то по итогам 2012 г. количество клиентов физических лиц уже сократилось до уровня 780 760 шт., при этом надо помнить, что активные счета (по которым осуществляется хоть одна сделка в месяц) составляют около 10–15 % от представленных цифр.

Таким образом, крайне низкое присутствие физических лиц на фондовом рынке начало уменьшаться в последние годы. Хотя при этом объем депозитов физических лиц в банках не снижался, а постепенно увеличивался с 9,8 трлн р. (01.01.2011 г.) до 16 трлн р. (01.11.2013 г.) [10], т. е. потенциальные ресурсы для инвестирования по крайней мере не уменьшились.

Ключевыми причинами малого интереса к фондовому рынку со стороны частных инвесторов является как невнятная динамика фондовых индексов, проигрывающая даже безрисковым ставкам по депозитам, так и ограниченность инструментов для инвестирования, не позволяющая реализовывать отличные от пассивного инвестирования стратегии.

Помимо этого более агрессивное налогообложение операций физических лиц с ценными бумагами по сравнению с налогообложением доходов от депозитов ставит инвестирование в ценные бумаги в заведомо проигрышное положение. Так, согласно российскому налоговому законодательству (Налоговый кодекс РФ), доход физических лиц от операций с ценными бумагами облагается по ставке 13 %, а налогообложение доходов от депозитов начинается при превышении ставки ЦБ РФ, увеличенной на 5 процентных пунктов.

Внутренние сложности организации и функционирования рынка ценных бумаг являются следствием, в том числе и проблем макроэкономического характера – российская экономика по темпам роста находится на уровне экономически развитых стран,

очень сильно отставая от них и по уровню диверсификации, и по размеру экономики [11, 12].

В период с начала кризиса 2008 г. в России произошел ряд позитивных сдвигов:

- объединение ЗАО «ММВБ» и ОАО «Фондовая биржа «РТС» в единую торговую площадку – ОАО «Московская биржа» и проведение IPO акций вновь созданной биржевой площадки;
- запуск системы торгов Т+2, вместо системы торгов с предварительным депонированием, что более понятно и привычно для большинства иностранных инвесторов;
- запуск системы проведения операций РЕПО с центральным контрагентом;
- создание единого депозитария в лице НКО ЗАО НРД.

Это позволяет создать в стране единую современную биржевую площадку.

Однако помимо обустройства торгового места необходимо провести ряд мероприятий по привлечению эмитентов и инвесторов на биржу.

Среди необходимых мероприятий мы хотели бы выделить следующие шаги:

- предоставление налоговых льгот частным инвесторам в ценные бумаги;
- обеспечение возможности инвестирования в зарубежные активы, используя инструментарий российской биржи, построение при этом системы «единого торгового счета»;
- расширение перечня доступных инструментов для институциональных инвесторов, таких как пенсионные фонды и страховые компании;
- развитие рынка секьюритизации активов.

Данные мероприятия позволят повысить интерес внутренних и внешних инвесторов к российскому фондовому рынку с тем, чтобы превратить его в полноценный механизм по привлечению и перераспределению средств.

Литература

1. Центр ситуационного анализа и прогнозирования ЦЭМИ РАН. URL: <http://data.cemi.rssi.ru/isepweb/cokapfr.asp> (дата обращения: 22.12.2014).
2. Сайт US EIA. URL: http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_pri_fut_s1_d.htm (дата обращения: 22.12.2014).
3. Сайт Всемирного Банка. URL: www.worldbank.org (дата обращения: 22.12.2014).
4. Товарная структура экспорта Российской Федерации со всеми странами, январь-октябрь 2013 г. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=18612&Itemid=1978 (дата обращения: 22.12.2014).
5. Сайт ЗАО «Финам». URL: <http://www.finam.ru> (дата обращения: 22.12.2014).
6. Агентство Прайм: Индексы Dow Jones и S&P 500 вновь обновили исторические максимумы на статистике из США. URL: http://lprime.ru/Financial_market/20131224/773929601.html (дата обращения: 22.12.2014).
7. iPhone дороже нефти. Газета.ру. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/08/02/5537797.shtml> (дата обращения: 22.12.2014).
8. . . . Российский фондовый рынок: первое полугодие 2014 года : отчет НАУФОР. URL: http://www.naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/RFR2014_1.pdf (дата обращения: 22.12.2014).
9. Сайт ОАО «Московская биржа». URL: <http://moex.com/> (дата обращения: 22.12.2014).
10. Сайт Банка России. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 22.12.2014).
11. Мировая экономика. Основные принципы экономического развития. URL: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/wecon.htm> (дата обращения: 22.12.2014).
12. Ведомости. 2013. 15 дек. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/20214101/vsemirnyj-bank-ponizil-prognoz-tempov-ekonomicheskogo-rosta#ixzz2puG8iY4e> (дата обращения: 22.12.2014).

References

1. *Tsentr situatsionnogo analiza i prognozirovaniya TsEMI RAN* [Center of Situation Analysis and Forecasting CEMI]. Available at: <http://data.cemi.rssi.ru/isepweb/cokapfr.asp> (accessed 22.12.2014).
2. *Sait US EIA*. Available at: http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_pri_fut_s1_d.htm (accessed 22.12.2014).
3. *Sait Vsemirnogo Banka*. Available at: www.worldbank.org (accessed 22.12.2014).
4. *Tovarnaya struktura eksporta Rossiiskoi Federatsii so vseimi stranami, yanvar'-oktyabr' 2013 g.* [Commodity Structure of Export of the Russian Federation with all Countries, January-October 2013]. Available at: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=18612&Itemid=1978 (accessed 22.12.2014).
5. *Sait ZAO «Finam»*. Available at: <http://www.finam.ru> (accessed 22.12.2014).
6. *Agentstvo Praim: Indeksy Dow Jones i S&P 500 vnov' obnovili istoricheskie maksimumy na statistike iz SShA* [PRIME: Dow Jones Industrial Average and S & P 500 Newly Renovated Historic Highs on Statistics from the US]. Available at: <http://lprime.ru/>

Financial_market/20131224/773929601.html (accessed 22.12.2014).

7. *iPhone dorozhe nefti* [iPhone is more Expensive than Oil]. *Gazeta.ru*. Available at: <http://www.gazeta.ru/business/2013/08/02/5537797.shtml> (accessed 22.12.2014).

8. Tregub A.Ya., Grabucha I.Yu. *Rossiiskii fondovyi rynek: pervoe polugodie 2014 goda* [Russian Stock Market: First Half of 2014]: otchet NAUFOR. Available at: http://www.naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/RFR2014_1.pdf (accessed 22.12.2014).

9. *Sait OAO «Moskovskaya birzha»*. Available at: <http://moex.com/> (accessed 22.12.2014).

10. *Sait Banka Rossii*. Available at: www.cbr.ru (accessed 22.12.2014).

11. *Mirovaya ekonomika. Osnovnye printsipy ekonomicheskogo razvitiya* [World Economy. The Basic Principles of Economic Development]. Available at: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/wecon.htm> (accessed 22.12.2014).

12. *Vedomosti*, 2013, December, 15. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/20214101/vsemirnyj-bank-ponizil-prognoz-tempov-ekonomicheskogo-rosta#ixzz2puG8iY4e> (accessed 22.12.2014).

Поступила в редакцию

13 ноября 2014 г.

УДК 331.556.4

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ:
РОССИЙСКИЕ УСЛОВИЯ АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА
(НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД)**

© 2015 г. Э.Д. Рубинская, Д.С. Ушаков

Э.Д. Рубинская – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, 70, Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Rubinskaya Eteri Devisovna – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russia Institute (Rostov-on-Don, Russia), Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Д.С. Ушаков – доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник, 70, Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: fintaliano@yandex.ru

Ushakov Denis Sergeevich – Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russia Institute (Rostov-on-Don, Russia), Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: fintaliano@yandex.ru

Ключевые слова:

Having become the biggest center of attraction of labor migrants at the beginning of the 90s, Russia, like most other recipient countries, faced a large-scale illegal migration, which generated a range of social and economic problems. International and domestic experience demonstrated inefficiency of tough punitive measures to prevent illegal migration. The paper attempts to review Thai experience with alternative measures of migration policy aimed at overcoming the problems of illegal migration with a perspective of its possible adaptation to Russian conditions.

Keywords: *illegal migration, liberalizing, amnesty, sectoral discrimination, geographic discrimination, regulation, bilateral agreements, migration policy.*

В условиях углубляющейся интеграции в мировую экономику Российская Федерация превратилась в страну эмиграции, иммиграции, транзитной миграции, аккумулируя масштабные миграционные потоки из стран, входивших ранее в СССР, что определяется исторически обусловленной близостью и разрывом в экономическом развитии. Так, с 2003 по 2013 г. миграционный прирост в России составил 2 112 365 человек [1], во многом, тем самым, компенсируя естественную убыль населения. Безвизовый въезд, а также потребность в неквалифицированной рабочей силе, способствовали тому, что Россия стала центром притяжения мигрантов на постсоветском пространстве. Последние два десятилетия нашими главными миграционными партнерами являются страны СНГ, на которых приходится более 2/3 трудовой миграции, в основном низкоквалифицированной рабочей силы. Особо сложная «выталкивающая» ситуация сложилась в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, где высокий уровень рождаемости, высокая безработица и аграрный тип производства вынуждают граждан к миграции в Россию.

Граждане большинства государств-членов СНГ обладают правом въезда на территорию России в порядке, не требующем получения визы, таким образом фактически все граждане этих стран прибывают в Российскую Федерацию легально и только потом в результате нарушения миграционного законодательства становятся нелегальными мигрантами. Именно в силу открытости границ между Россией и основными странами исхода мигрантов крайне сложно получить эффективные результаты в противодействии нелегальной миграции, масштабы которой в России, по самым скромным оценкам, составляют от 3 до 5 млн человек (Концепция государственной миграционной

политики Российской Федерации на период до 2025 г., утв. Президентом РФ 13.06.2012 г.).

В условиях России, как, впрочем, и в ряде других стран мира, жесткие карательные меры борьбы с незаконной миграцией себя не оправдали. По нашему мнению, необходима смена парадигмы национальной миграционной политики в пользу ее гибкости, гуманности, содействия экономическому развитию стран-соседей. Более двух десятилетий российская миграционная политика и законодательство были ситуационными, они шли вслед за стихийной иммиграцией. В противовес мировой практике Россия не применяет амнистии нелегальных мигрантов и, более того, не рассматривает легализацию как один из инструментов борьбы с нелегальной миграцией, несмотря на имеющуюся аргументированную точку зрения о ее целесообразности ученых-экономистов и юристов, общественных организаций.

Выбор Королевства Таиланд как объекта исследования зарубежного опыта регулирования трудовой миграции обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, как и Россия, Таиланд является страной-реципиентом на мировом рынке труда, активно борется с ростом незаконной миграции, порождающим аналогичные социальные и экономические проблемы. Во-вторых, в течение последних 20 лет в Таиланде было проведено несколько раундов либерализации миграционного законодательства, существенно изменивших национальную политику в данной социально-экономической сфере. В-третьих, общностью отечественных и тайландских факторов притяжения трудовых мигрантов.

Среди быстро и стабильно развивающихся стран с высоким экономическим потенциалом в Юго-Восточной Азии экономика Таиланда занимает второе место, но во многом зависит от рабо-

чих-мигрантов. Общая тенденция развития экономики Таиланда – положительная, уровень экономического развития за последние годы вырос в несколько раз, а безработица фактически отсутствует [2]. Согласно данным переписи, проведенной Министерством труда в 2011 г., в Таиланде работает около 2,5 млн трудовых мигрантов из соседних стран, почти 90 % из них – представители стран Мьянмы, Лаоса и Камбоджи (страны КЛМ), причем нелегальные мигранты в три раза превышают количество легальных [3].

Активная нелегальная миграция началась в Таиланде с 1988 г. (из Бирмы), позднее в 1989 г. увеличились потоки нелегальных трудовых мигрантов из Лаоса и Камбоджи, что уже в 1992 г. потребовало от тайского правительства проведения первой в истории Королевства процедуры регистрации (с правом амнистии нелегальных трудовых мигрантов), которая затронула весьма скромную территорию страны вдоль тайско-бирманской границы и обернулась регистрацией лишь 700 нелегалов.

Отметим важную особенность миграционной политики Таиланда — легализация нелегальных мигрантов осуществляется исходя из экономико-географических приоритетов развития страны.

Согласно оценкам Министерства труда Королевства Таиланд [3], наибольшее количество нелегальных трудовых мигрантов занято в сфере сельского хозяйства и строительства. Эта же отраслевая структура занятости характерна и для нелегальных мигрантов в России. У нас их количество сократилось в связи с введением патентов на право заниматься трудовой деятельностью у физических лиц.

Территориально большая часть нелегальных трудовых мигрантов пребывает в Бангкоке и окрестностях (43 %) [4], в России нелегальные мигранты также обосновываются в столице и крупных городах, где большая потребность в неквалифицированных рабочих и легче уйти от контроля миграционной службы.

В 1993 г. был проведен первый раунд либерализации миграционного законодательства страны, давший право легализации иностранных работников, занятых в сфере рыболовства в 22 прибрежных провинциях.

Второй раунд либерализации относится к 1996 г. Согласно новым правилам, жители стран КЛМ получили возможность легализации и продолжения дальнейшей работы в 43 (из 77) провинциях страны в 36 видах работ в базовых сферах приложения труда (сельское хозяйство, строительство, морское рыболовство, производство, добыча при-

родных ископаемых, домашняя услуга). Результаты раунда были впечатляющи – более 370 тыс. нелегальных мигрантов подали документы на регистрацию (87 % из них – жители Мьянмы [5]) и 305 тыс. получили двухгодичные разрешения на работу в Таиланде.

Азиатский кризис 1997 г. прервал либеральную динамику национальной миграционной политики, вынудив правительство резко (до 150 000) сократить количество выданных разрешений на работу для нелегалов из КЛМ, а также сократить срок действия таких разрешений с 2 до 1 года. В 1999 г. из реализуемой программы упрощенной регистрации нелегальных мигрантов вышли 6 провинций страны.

Несмотря на ужесточение миграционной политики, количество нелегальных трудовых мигрантов в Таиланде в период 1999–2003 гг. росло, при том что количество выданных амнистий и временных разрешений на работу сокращалось. Тайские власти осознали неизбежность роста миграционных потоков нелегальных мигрантов и включили в механизм регулирования миграционных отношений расширение сотрудничества со странами происхождения мигрантов с целью придания миграции организованного характера. Таким образом, вторым направлением либерализации в механизме регулирования миграционных процессов стало расширение привлечения трудовых мигрантов на основе организованных наборов.

С 2003 г. тайские власти инициировали подписание двухсторонних договоров по вопросам регулирования миграции со странами КЛМ, странами АСЕАН, отдельными государствами Персидского залива, Индией и Непалом, включающими защиту интересов трудовых мигрантов, распределение ответственности за результаты незаконной миграции [6]. В двусторонних договорах со странами КЛМ кроме того определялась необходимость создания рекрутинговых и оценочных центров для соискателей работы на территории стран КЛМ, оборудование пунктов перехода границы, субсидиарная ответственность стран за расходы, связанные с депортацией нелегалов и другие меры [7].

Однако реализация двусторонних соглашений не стала эффективным шагом в борьбе с нелегальной миграцией, и уже в 2005 г. Таиланд вынужден был пойти на существенные уступки в пользу нелегальных трудовых мигрантов, инициировав третий раунд либерализации миграционного законодательства [8]. В период с 2005 по 2009 г. многократно автоматически продлевались разрешения

на работу для лиц, желающих оставаться в легальном поле.

В 2006 г. начался эксперимент по упрощенной легализации иностранного работника, не требующий выезда нелегала к месту постоянного проживания (для сбора необходимых документов и прохождения медицинской комиссии). В 2007 г. упростили процесс продления разрешения на работу (оставив в перечне необходимых процедур только прохождение медицинского осмотра).

В результате количество ежегодно регистрируемых и легализуемых трудовых мигрантов резко выросло (в три раза, т. е. до 210 тыс. чел. в год), но все равно остается несущественным на фоне оценочного количества нелегалов, находящихся на территории Королевства.

Обращаем внимание на принципы национальной миграционной политики Королевства Таиланд, учет которых в миграционной политике России, на наш взгляд, способствовал бы росту эффективности борьбы с нелегальной миграцией.

1. С 2003 г. в Таиланде существует три перечня отраслей, различающихся по процедуре, перспективам и возможностям трудоустройства в них иностранных мигрантов:

– отрасли, трудоустройство в которых иностранных мигрантов категорически запрещено (в том числе и через инвестиционные схемы): военные, стратегические, связанные с обеспечением безопасности страны и ее жителей (вождение пассажирского и грузового транспорта, промышленная архитектура и дизайн), а также отрасли, в которых избыточное предложение рабочей силы среди местного населения (торговля, отдельные отрасли в сельском хозяйстве, секретарская работа, работа в сфере туризма, экскурсионного дела), либо работа в которых является частью культурного, религиозного наследия тайцев (например, литые изображения Будды, изготовление тайских кукол, ткачество тайского шелка, изготовление традиционной мебели, резьба по дереву);

– отрасли, в которых приоритетно трудоустройство иностранных специалистов (преподавание иностранных языков, преподавательская и исследовательская деятельность в высших учебных заведениях, лабораториях и так далее);

– отрасли, в которых разрешается трудоустройство неквалифицированных трудовых мигрантов из соседних стран (КЛМ), в том числе и упрощенный порядок легализации незаконно занятых (работа на плантациях, рыболовство, животноводство, добыча полезных ископаемых).

2. , которая проявляется, с одной стороны, в наличии особых зон и провинциальных режимов трудоустройства иностранных мигрантов [9], а с другой – специальных режимов трудоустройства и легализации мигрантов из стран КЛМ, а также в соответствии с международными договорами Таиланда с другими государствами АСЕАН. Думаем, что активно используемые в Таиланде как инструменты сокращения нелегальной миграции зоны с особым миграционным режимом, будут действенными мерами и для России с учетом создания в этих зонах предприятий (российских, иностранных, совместных), наделяемых определенными производственными, финансовыми, торговыми, таможенными льготами.

3. - как эффективной правовой инфраструктуры регулирования международной трудовой миграции, в особенности с приграничными странами КЛМ, согласно которым страны-подписанты, во-первых, соглашаются на реадмиссию, оказывают содействие тайским властям в организации рекрутинга на своих территориях (предоставление инфраструктуры, содействие местной полиции и медицинских служб, информационная поддержка, экспресс-подготовка мигрантов), во-вторых, несут (частично) финансовую ответственность в случае депортации нелегала на родину. Данные соглашения повысили эффективность контроля над эмиграционными процессами (особенно в Лаосе), равно как и ответственность правительств КЛМ за своих граждан за рубежом, хотя и потребовали от тайской стороны определенной либерализации миграционных правил в отношении граждан.

С 2008 г. была начата реализация инвестиционного проекта, но уже на территории Мьянмы – зона Давэй, предприятия которой будут трудоустраивать в первую очередь бирманцев, находящихся на территории Таиланда незаконно. Учитывая огромное количество незаконных трудовых мигрантов низкой квалификации в России, а также заинтересованность государства в развитии определенных отраслей, создание аналогичных строительных, сельскохозяйственных, логистических кластеров в нашей стране, дающих не только возможность трудоустройства, но и легализации мигранта, может иметь высокую эффективность.

Итак, проведя анализ направлений либерализации миграционной политики Королевства Таиланд в отношении нелегальных мигрантов, можно сделать вывод о ее «гибкости», определенной «мягкости» и вариативности (что, например, выражается

не в ужесточении наказания незаконных мигрантов или их работодателей, а в создании условий, при которых легальная миграция будет оставаться единственно выгодным и целесообразным актом), что свойственно для восточной политики и тайского менталитета, неприемлющего насилия и жесткой реакции.

Вторым важным приоритетом тайской миграционной политики стала ее экстернальность, направленность на страны-доноры трудовых мигрантов (в особенности наиболее массовых, низкоквалифицированных), чему способствует, во-первых, географическая близость стран-основных поставщиков нелегалов, а во-вторых, всеобщее осознание того, что благополучия и стратегического развития Таиланда никогда не случится, если вокруг его границ будут все сильнее концентрироваться колоссальные по размеру (общее население Мьянмы, Камбоджи и Лаоса превышает тайское на 10 млн чел.) и не имеющие никаких трудовых, образовательных перспектив на родине людские ресурсы.

Различные аспекты социально-экономической, демографической, культурной жизни, криминогенной обстановки как в странах, принимающих мигрантов, так и странах их происхождения, взаимосвязаны, улучшение ситуации определяется взаимодействием этих стран не только в сфере миграционных отношений, но и во взаимной торговле, инвестициях, совместном предпринимательстве, развитии институциональных структур.

Подчеркнем, что тайские власти были вынуждены пойти на либерализацию условий трудовой миграции из соседних государств под воздействием как сугубо экономических причин (сохранение динамики экономического роста, стабилизация роста внутренних издержек ради сохранения внешней конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности Королевства), так и потребностей сохранения регионального лидерства (обеспечение выхода тайских компаний и капитала на «рисковые» рынки Мьянмы (нефте- и газодобыча, транспортировка, торговля) и Камбоджи (сельское хозяйство)).

Российская Федерация в силу своего геополитического и экономического значения не может абстрагироваться от социально-экономических проблем стран бывшего СССР – от Украины и Белоруссии до Таджикистана и Киргизии. В противном случае эти государства станут плацдармом не только хозяйственного, но и военного присутствия других государств, террористических группировок, активно апробирующих практики управляемых кризисов и хаоса у наших государственных границ. Как и

Таиланд, Россия не может развиваться и прогрессировать в окружении голодного, не имеющего перспектив, но быстро растущего населения стран-соседей. В связи с чем трудовая миграция в целом и эффективная миграционная политика в частности должны стать мощным фактором реализации внешнеполитических инициатив нашей страны, закрепления ее в качестве центральной державы на постсоветском пространстве и в мировом хозяйстве. Уверены, что частичное применение азиатского подхода в формировании национальной миграционной парадигмы окажется действенным и эффективным инструментом для России.

Литература и примечания

1. Рассчитано авторами на основе данных статистических сборников: Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.11.2014).
2. CIA The World Factbook, World Bank official web-site. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (дата обращения: 20.11.2014).
3. Сайт Министерства труда Королевства Таиланд. URL: <http://www.labour.go.th> (дата обращения: 20.11.2014).
4. *Huguet J., Chamrathirong A., Natali C.* Thailand at a Crossroads: Challenges and Opportunities in Leveraging Migration for Development. The Issue in Brief. 6: October (2012). URL: www.migrationpolicy.org/pubs/LeveragingMigration.pdf (дата обращения: 20.11.2014).
5. *Chantavanich S., Vungsiriphisal P.* Myanmar Migrants to Thailand: Economic Analysis and Implications to Myanmar Development. In *Economic Reforms in Myanmar: Pathways and Prospects*, edited by Hank Lim and Yasuhiro Yamada, BRC Research Report Bangkok. Research Center, IDE-JETRO. Bangkok, Thailand, 2012. № 10. URL: http://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Brc/pdf/10_06.pdf (дата обращения: 20.11.2014).
6. *Pholphirul P., Rukumnuaykit P.* Does Immigration Promote Innovation in Developing Countries? Evidence from Thai Manufacturers. Working Paper 14 – 009. Asian Institute of Management, 2013.
7. *Jinsong H.E., Myanmar M.* Migrant Workers in Thailand: Policies and Prospects. URL: www.asian-scholarship.org/asf/ejournal/articles/he_j.pdf (дата обращения: 20.11.2014).
8. *Hall A.* Migration and Thailand: Policy, Perspectives and Challenges // Thailand Migration Report

2011: Migration for Development in Thailand: Overview and Tools for Policymakers / J.W. Huguët and A. Chamrathirong (eds). Bangkok. http://publications.iom.int/bookstore/free/TMR_2011.pdf (дата обращения: 20.11.2014).

9. Kulkolkarn K., Potipiti T. Migration, Wages and Unemployment in Thailand // Chulalongkorn J. of Economics. 2007. № 19 (1). P 1-22. URL: <http://www.econ.chula.ac.th/public/publication/journal/2007/cje190101.pdf> (дата обращения: 20.11.2014).

References

1. Rasschitano avtorami na osnove dannykh statisticheskikh sbornikov: *Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiiskoi Federatsii* [Calculated by the Authors on the Basis of Statistical Compilations: Population and Migration in the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 20.11.2014).

2. CIA *The World Factbook*, World Bank official web-site. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (accessed 20.11.2014).

3. *Sait Ministerstva truda Korolevstva Tailand*. Available at: <http://www.labour.go.th> (accessed 20.11.2014).

4. Huguët J. Chamrathirong A., Natali C. *Thailand and at a Crossroads: Challenges and Opportunities in Leveraging Migration for Development*. The Issue in Brief. 6: October (2012). Available at: www.migrationpolicy.org/pubs/LeveragingMigration.pdf (accessed 20.11.2014).

5. Chantavanich S., Vungsiriphisal P. *Myanmar Migrants to Thailand: Economic Analysis and Implications to Myanmar Development*. In Economic Reforms in Myanmar: Pathways and Prospects, edited by Hank Lim and Yasuhiro Yamada, BRC Research Report Bangkok. Research Center, IDE-JETRO. Bangkok, Thailand, 2012. no 10. Available at: http://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Brc/pdf/10_06.pdf (accessed 20.11.2014).

6. Pholphirul P., Rukumnuaykit P. *Does Immigration Promote Innovation in Developing Countries? Evidence from Thai Manufacturers*. Working Paper 14 – 009. Asian Institute of Management, 2013.

7. Jinsong H.E., Myanmar M. *Migrant Workers in Thailand: Policies and Prospects*. Available at: www.asianscholarship.org/asf/ejournal/articles/he_j.pdf (accessed 20.11.2014).

8. Hall A. *Migration and Thailand: Policy, Perspectives and Challenges* Thailand Migration Report 2011: Migration for Development in Thailand: Overview and Tools for Policymakers / J.W. Huguët and A. Chamrathirong (eds). Bangkok. http://publications.iom.int/bookstore/free/TMR_2011.pdf (accessed 20.11.2014).

9. Kulkolkarn K., Potipiti T. Migration, Wages and Unemployment in Thailand. *Chulalongkorn J. of Economics*, 2007, no 19 (1), ppP 1-22. Available at: <http://www.econ.chula.ac.th/public/publication/journal/2007/cje190101.pdf> (accessed 20.11.2014).

Поступила в редакцию

18 декабря 2014 г.

УДК 330.658:005.5

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

© 2015 г. Н.М. Фоменко

Фоменко Наталья Михайловна –
кандидат экономических наук,
доцент,
Институт национальной экономики
и государственного управления,
Южная Россия (Ростов-на-Дону,
Россия), ул. Пушкинская, 70,
344002.
E-mail: fnata77@mail.ru

Fomenko Natalia Mikhailovna –
Candidate of Economical Sciences,
Associate Professor,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, South Russia
Institute (Rostov-on-Don, Russia),
Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: fnata77@mail.ru

С

« »,

Ключевые слова:

Nowadays knowledge management is one of the most popular concepts of modern organizational management. The main tendencies, peculiarities and characteristics of knowledge economy are analyzed in this article. The knowledge characteristics are pointed out, the author's definition of the term "knowledge management" is presented, the advantages and the use conditions of information technologies in the system of knowledge management are determined.

Keywords: *knowledge economy, knowledge, knowledge management, information technology, self-training.*

Сегодня производственным ресурсом информационного общества становятся не столько информация о социально-экономических, производственных и технологических процессах, сколько знания [1]. Конкурентоспособность экономических субъектов зависит от их способности обрабатывать и эффективно использовать информацию, а решающим фактором развития и источником производительности становится генерирование и применение знаний. Информация, воплощенная в них, оценивается экономикой выше, чем капитал в материальной форме. Об этом свидетельствуют следующие тенденции [2]:

1. Новая количественная и качественная роль знания как фактора производства, в ряде стран уже получающего приоритет по отношению к традиционным факторам (природные ресурсы, труд и капитал).

2. Возрастание роли знаний как продукта, появление принципиально новых видов товаров и услуг и основанных на знании новых отраслей экономики.

3. Возросшая по сравнению с другими видами роль кодифицированного знания как основы организации экономической деятельности.

4. Прорывные инновации в информационных и коммуникационных технологиях (ИКТ), принципиально снизившие издержки распространения информации и создавшие технологическую базу как для внедрения знаний в традиционные отрасли, так и для появления новых отраслей экономики.

С середины прошлого века объем знаний, которым располагает человечество, удваивается каждые 20 лет. По данным Е.В. Попова и М.В. Власова, из всего объема знаний, измеренных в физических

величинах, большая часть получена в последние 30 лет, так же как и большая часть от общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, – наши современники [3]. Это наиболее явные признаки перехода от экономики, базирующейся на использовании капитала и природных ресурсов, к экономике, основанной на знаниях. Если развивать эту мысль и дальше, то можно сказать, что человечество превращается в общество исследователей, живущих в эпоху знаний и новых технологий [4, 5].

По мнению В.Л. Макарова, экономика знаний имеет три принципиальные особенности [6]:

- дискретность знания как продукта. Конкретное знание либо создано, либо нет;
- доступность, подобно другим общественным благам, всем без исключения;
- сохранность во времени и пространстве в отличие от обычного материального.

Следует отметить, что на данный момент доступность знаний в современном мире имеет ряд ограничений. Это связано прежде всего с недостаточной грамотностью населения в области информационных технологий, наличием коммерческой тайны, да и просто устоявшимся мнением, что знания получаются только в процессе накопления собственного опыта.

По мнению М. Бендикова, к основным свойствам знаний можно отнести [7]:

- доступность как общее достояние;
- возможность пользоваться, а не расходовать;
- полезность;
- возможность использования без опасения, что их не хватит;

– отсутствие проблемы товарного дефицита – продавец знаний при продаже остается владельцем и может многократно продавать их (в отличие от материальных вещей);

– независимость себестоимости получения знаний от тиражирования и числа пользователей;

– пространственная неограниченность;

– чувствительность ко времени – они устаревают, иногда мгновенно, но не исчезают без следа;

– ценность только в контексте конкретной стратегии применений;

– обесценивание вследствие замедления, тем более прекращения процесса получения;

– увеличение ценности и качества в зависимости от объема (в мире вещей наоборот: чем их меньше, тем они дороже и лучше по качеству);

– непрерывное возрастание объема (в отличие от невозполнимых материальных ресурсов);

– рост количества обладателей при каждой передаче знаний увеличивается (к прежнему добавляется новый);

– увеличение объема знаний (информации) в результате экономической деятельности в противовес потреблению;

– непредсказуемость (вложенные средства не всегда дают желаемый эффект);

– возможность мгновенного доведения знаний до потребителя в реальном времени;

– незначительность накладных расходов по воспроизводству знаний по сравнению с полной стоимостью затрат на их получение, где эта стоимость и концентрируется (в противоположность миру вещей, там процесс тиражирования и доведения до потребителя стоит дороже создания);

– возрастающая доходность при тиражировании в отличие от материальных продуктов;

– возможность представления, хранения, передачи, а также использования в унифицированном, единообразном виде – в цифровых кодах.

Расширение возможности доступа и применения знаний стало возможным благодаря развитию информационных технологий (ИТ). Отношения между специалистом и непрофессионалом, работником и организацией поменяли свою природу. Сегодня основой для непрерывно меняющейся сети при помощи создателей и пользователей информации служат знания. Они исключают статичность и однонаправленность, таким образом появляется возможность для их хранения, перераспределения и преобразования в удобную форму для внутреннего использования организацией в зависимости от условий внешней и внутренней среды. Знания – это все то, что большинство организаций

производят, продают, приобретают. В результате предприятиям приходится решать задачи по развитию передовых знаний, разработке методов и способов их эффективного использования.

Влияние двух революций (научно-технической и информационной) привело к возникновению другой экономики, в создании которой решающую роль стали играть не материальные факторы, а знания, информация, инновационный тип мышления и поведения творческого человека, создающего ноу-хау. Инновационная экономика основана на знаниях и НТП в качестве ведущего фактора экономического роста. В результате проведенных исследований можно выделить следующие ее свойства, отличные от традиционных представлений неоклассической парадигмы [8]:

1) основным ресурсом экономики знаний выступает информация, не исчезающая и отчуждаемая;

2) рост объема информационных услуг характеризуется законом повышающейся отдачи ($Q = k \cdot N^2$, где N – число участников) вместо присущего традиционной экономике закона убывающей отдачи с ростом масштабов производства;

3) инновационная экономика отличается снижением длительности научно-производственных жизненных циклов продукции;

4) ей свойственны глобальный масштаб производства и глобальная инфраструктура, важнейшим элементом которой является Интернет;

5) развитие такой экономики сопряжено с формированием соответствующих институтов: венчурных фондов, специализированных рынков ценных бумаг, интеллектуальной собственности и пр.

Следует отметить, что основными особенностями нового экономического ресурса знаний и информации можно считать глобальность, неисчерпаемость, нематериальность, изменчивость, универсальность представления, инвариантность к способам применения, на основании которых строится экономика знаний.

На микроуровне в рамках теории менеджмента в 1990-х гг. сформировалась парадигма исследований и практической деятельности, связанная с оптимальным использованием, распространением и созданием нового знания, получившая в западной литературе название управления знаниями (knowledge management). Она рассматривает принципы, границы и инструменты направленного воздействия на систему внутрифирменных институтов для повышения отдачи от имеющихся знаний.

Управление знаниями на сегодняшний день – одна из самых популярных концепций современного организационного менеджмента. Основными катего-

риями управления знаниями являются «работник, обладающий знаниями», «экономика, основанная на знаниях», «обучающаяся организация». Развитие этой концепции началось с 1980-х гг. XX в. и активно продолжает развиваться до сих пор.

Понятие «управление знаниями» было введено в 1986 г. К. Виингом, а на рубеже 80–90-х гг. появилось сразу несколько разработок в области управления знаниями – скандинавский, японский и американский подходы [9].

Среди работ, посвященных изучению экономики знаний, следует выделить труды Л. Прусака и Т. Давенпорта [10], И. Нонаки и Х. Такеучи [11], Ч. Деспреса и Д. Чавела [12], У. Буковича и Р. Уилльямс [13], Т. Стюарта [14]. В передовых странах по данной тематике издаются журналы и обобщается накапливаемый опыт. Проводятся исследования и в российских научных центрах, разрабатываются и реализуются программы формирования и практического использования систем управления знаниями в корпоративном управлении. Однако до сих пор не дана единая трактовка «управлению знаниями». Как правило, выделяют два наиболее распространенных определения [15]:

1) знания – это набор практической информации, которая активно управляет процессами выполнения задач, решения проблем и принятия решений. В данном случае управлять знаниями – значит, систематически, точно и продуманно формировать, обновлять и применять их с целью максимизации эффективности предприятия и прибыли от активов, основанных на знаниях;

2) знания – это любое слово, факт, пример, событие, правило, гипотеза или модель, которые усиливают понимание или исполнение в определенной области. Управление знаниями означает формализацию и доступ к практическому опыту, знаниям и экспертным данным, которые создают новые возможности, способствующие совершенствованию деятельности, стимулирующие инновации и увеличивающие потребительскую стоимость.

С нашей точки зрения управление знаниями – это динамичный, непрерывающийся организационный процесс по сохранению, переработке, распределению знаний между людьми, в том числе с помощью информационных технологий для достижения более высокой производительности и реализации новых возможностей при осуществлении бизнес-идей.

Сама система управления знаниями должна отвечать требованиям целенаправленности и обладать способностью создавать организационно-

экономические, технологические и психологические условия для того, чтобы:

- оперативно реагировать на требования клиентов с помощью более эффективных инновационных решений, являющихся конкурентным преимуществом компании;

- ускорять процесс воплощения знаний в товары и услуги;

- оптимально использовать нематериальные активы партнеров, тем самым осуществлять единую техническую, функциональную, отраслевую экспертизу;

- повышать эффективность обучения и передачи навыков для персонала;

- своевременно осуществлять исследовательские работы, для производства новых знаний и воплощения результатов в товары и услуги;

- создавать и применять системы ответственности за целенаправленное достижение эффективных результатов использования знаний [16].

Поэтому организация, уделяющая должное внимание процессу управления знаниями, имеет высокий уровень конкурентоспособности за счет быстрой реализации требований клиентов. Она в минимально короткие сроки вводит инновации в производстве продукции. У такого предприятия появляется возможность ускорить обучение и передачу навыков среди персонала и за счет этого экономить ресурсы путем повторного использования однажды найденных решений. Таким образом, любая организация стремится иметь в своем штате высокопрофессиональных сотрудников. Сегодня ИТ, в том числе Интернет, предоставляют человеку возможность самообучения. Каждый индивид может:

- выбрать интересующую его тематику;

- в любой момент прервать процесс обучения, а позже вернуться к изучаемому материалу;

- получить дополнительную информацию в интерактивном режиме;

- изучить один и тот же материал на разных языках и пр.

Общение с компьютерами из достояния профессионалов становится распространенным повсеместно. Значение и роль управления знаниями при помощи ИТ возрастает в геометрической прогрессии. Сегодня интернет-технологии являются комплексным средством освоения человеком своих профессиональных знаний, да и в целом окружающего мира. Потенциал управления знаниями в современном образовательном процессе определяется широким спектром развития человеческой личности: эмоций, интеллекта, самостоятельного мышления, мировоззрения, активизации знаний. К

сожалению, в большинстве современных российских предприятий и организаций этот потенциал до сих пор остается нереализованным. При этом необходимо учесть, что основным противоречием современного образовательного процесса является возросшая интенсивность информационного потока (в том числе посредством Интернета) и недостаточная техническая оснащенность многих организаций для его полноценного освоения.

Популярность сети Интернет можно охарактеризовать использованием познавательной, информационной, коммуникативной и других функций. Так же следует отметить, что процесс управления знаниями при помощи ИТ обладает широким спектром воздействия на человека. Так, комплексное изучение материалов посредством Интернета, виртуального мира компьютера помогает исправить такие существенные недостатки традиционного процесса образования, как одностороннее, изолированное друг от друга изучение и анализ рассматриваемого материала. Таким образом, применение ИТ ускоряет сам процесс управления знаниями и имеет большой процент отдачи в результате максимального воздействия на подсознание обучаемого за счет удовлетворения его основных потребностей.

Управление знаниями имеет две основные задачи. Одна – это эффективность, использование знаний для роста производительности путем увеличения быстродействия или снижения затрат. Другая – инновации, создание новых продуктов и услуг, новых предприятий и новых бизнес-процессов [15].

Большую роль в процессе управления знаниями имеет их дифференциация. Так, по мнению Б.З. Мильнера [17], всю совокупность знаний можно разделить на знания:

- устанавливающие цель, т. е. «знания зачем»; они используются для определения возможностей формирования целей и ценностей;
- систематические – «знания что»; они используются для глубокого анализа причин и синтеза новых методов и альтернатив;
- прагматичные – «знания как»; они используются в процессах принятия решений и являются фактическими знаниями;
- автоматические, используемые при выполнении заданий автоматически, без осознанного обоснования.

С учетом принятой дифференциации ИТ в процессе управления знаниями предусматривают методику обучения, основанную на проблемных, эвристических, игровых и иных продуктивных формах обучения, развивающих индивидуальность

работника, самостоятельность его мышления, восприятие, интерпретацию и анализ структуры изучаемого материала, усвоение знаний.

Таким образом, среди основных условий развития процесса управления знаниями в российских организациях на основе ИТ можно выделить:

- общую ориентацию на развитие профессиональных качеств личности;
- учет психологических особенностей, спектра реальных интересов и предпочтений обучаемого;
- разработку критериев развития процесса обучения и способности к критическому анализу материалов;
- совершенствование моделей, программ, методик, форм обучения работников (в том числе с использованием зарубежного опыта);
- модернизацию материально-технической базы процесса обучения;
- включение в вузовские программы курсов, предусматривающих изучение профессиональных особенностей и навыков посредством Интернета.

Что же касается процесса управления знаниями с применением ИТ, то он включает в себя:

- целевые установки на развитие профессиональных навыков работников;
- компонентность: средства обучения; формирование целостного восприятия и анализа изучаемого материала (с учетом специфики Интернета и т.д.), индивидуального критического мышления;
- структурность (взаимосвязь компонентов системы, логическая обоснованность последовательности этапов модели, заключающихся в частности в том, что практические занятия креативного характера опережают занятия теоретического плана, что дает обучаемому возможность развить целостное восприятие материалов);
- функциональность (содержательная часть, эвристическая, проблемная, игровая методика проведения процесса обучения);
- коммуникативность (соотнесение модели, программы, методики с современной экономической ситуацией, с возможностями средств массовой информации и т.д.);
- практическая реализация и результативность.

Подводя итог, можно сказать, что применение ИТ ускоряет процесс управления знаниями. В результате организация получает информационно грамотного работника «нового типа», обладающего профессиональными компетенциями и способного принимать управленческие решения, нести за них ответственность с учетом возможных условий и последствий. Таким образом, ИТ в процессе управления знаниями являются эффективным средством развития профес-

сионально грамотной, самостоятельно и критически мыслящей личности в условиях интенсивного увеличения информационного потока.

Литература

1. . Эмпирические законы сетевой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 3–4.
2. . . Управление знаниями и его институциональная основа : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
3. . . Миниэкономические институты производства новых знаний. Екатеринбург, 2006. 165 с.
4. . . О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции : науч. докл. М., 2013.
5. *Tonn Bruce E.* Research Society: Sciency and Technology for the Ages // *Futures*. 2004. Vol. 36, № 3. P. 335–346.
6. . . Экономика знаний: уроки для России // *Вестн. РАН*. 2003. № 5.
7. . . Интеллектуальные ресурсы и их роль в новой экономике // *Консультант директора*. 2002. № 9(165). С. 22–30.
8. Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума РАН «Экономика и социология знания». М., 2007.
9. . . Управление знаниями. URL: <http://www.smart-edu.com/upravlenie-znaniyami.html> (дата обращения: 12.11.2014).
10. *Davenport T.H., Prusak L.* Working knowledge: How organisation manage what they know. Boston, 1998.
11. . . Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах: пер. с англ. М., 2011. 384 с.
12. *Despres C., Chauvel D.* A Thematic Analysis Of The Thinking In Knowledge Management // *Knowledge Horizons: The Present And The Promise Of The Knowledge Management* / ed. by C. Despres, Chauvel D. Butterworth-Heinemann, 2000.
13. *Bukowitz W., Williams R.* The Knowledge Management Fieldbook. Prentice Hall, 1999.
14. *Stewart T.* Intellectual Capital. London, 1997.
15. Управление знаниями. URL: <http://hrm.ru/db/hrm/AC09CFE8A92DD7E9C3257718004F1C82/p rint.html> (дата обращения: 15.10.2014).
16. . . . Управление знаниями : учеб. пособие. СПб., 2012. 77 с.
17. . . Концепция управления знаниями в современных организациях // *Рос. журн. менеджмента*. 2003. № 1. С. 57–76.

References

1. Vaiber R. Empiricheskie zakony setevoi ekonomiki [Empirical Laws of the Network Economy]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2003, no 3–4.
2. Mar'yasin D.S. *Upravlenie znaniyami i ego institutsional'naya osnova* [Knowledge Management and its Institutional Basis]: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Moscow, 2006.
3. Popov E.V., Vlasov M.V. *Miniekonomicheskie instituty proizvodstva novykh znaniy* [Minieconomic Institutions of New Knowledge Production]. Ekaterinburg, 2006, 165 p.
4. Glaz'ev S.Yu. *O tselyakh, problemakh i merakh gosudarstvennoi politiki razvitiya i integratsii* [On the Purposes, Problems and Measures of State Policy of Development and Integration]: nauch. dokl. Moscow, 2013.
5. Tonn Bruce E. Research Society: Sciency and Technology for the Ages. *Futures*, 2004, vol. 36, no 3, pp. 335-346.
6. Makarov V.L. *Ekonomika znaniy: uroki dlya Rossii* [Economy of Knowledge: Lessons for Russia]. *Vestn. RAN*, 2003, no 5.
7. Bendikov M. *Intellektual'nye resursy i ikh rol' v novoi ekonomike* [Intellectual Resources and Their Role in the New Economy]. *Konsul'tant direktora*, 2002, no 9(165), pp. 22-30.
8. *Teoriya i praktika ekonomiki i sotsiologii znaniya* [Theory and Practice of Economics and Sociology of Knowledge]. Nauchnyi sovets po Programme fund. issled. Prezidiuma RAN «Ekonomika i sotsiologiya znaniya». Moscow, 2007.
9. Dukhnich Yu. *Upravlenie znaniyami*. [Knowledge Management] Available at: <http://www.smart-edu.com/upravlenie-znaniyami.html> (accessed 12.11.2014).
10. Davenport T.H., Prusak L. *Working knowledge: How organisation manage what they know*. Boston, 1998.
11. Nonaka I., Takeuchi H. *Kompaniya – sozdatel' znaniya. Zarozhdenie i razvitie innovatsii v yaponskikh firmakh* [Company – the Creator of Knowledge. Appearance and Development of Innovations in Japanese Companies]. Translate from English. Moscow, 2011, 384 p.
12. Despres C., Chauvel D. Thematic Analysis of the Thinking in Knowledge Management. *Knowledge Horizons: the Present and the Promise of the Knowledge Management*. Ed. by C. Despres, Chauvel D. Butterworth-Heinemann, 2000.
13. Bukowitz W., Williams R. *The Knowledge Management Fieldbook*. Prentice Hall, 1999.
14. Stewart T. *Intellectual Capital*. London, 1997.
15. *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Available at: <http://hrm.ru/db/hrm/>

AC09CFE8A92DD7E9C3257718004F1C82/print.html
(accessed 15.10.2014).

16. Trofimov L.A., Trofimov V.V. *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]: ucheb. posobie. Saint Petersburg, 2012, 77 p.

17. Mil'ner B.Z. *Kontseptsiya upravleniya znaniyami v sovremennykh organizatsiyakh* [The Concept of Knowledge Management in Modern Organizations]. Ros. zhurn. menedzhmenta, 2003, no 1, pp. 57-76.

Поступила в редакцию

15 января 2015 г.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ ГОРОДСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

© 2015 г. С.Т. Джанерьян, Ю.В. Ращупкина

С.Т. Джанерьян – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности, Академии психологии и педагогики, Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13, 344038.
E-mail: swetdjan@sfedu.ru

Dzhaner'yan Svetlana Tigranovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Personality, Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University, M. Nagibina Ave., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: swetdjan@sfedu.ru

Ю.В. Ращупкина – аспирантка кафедры психологии личности, Академии психологии и педагогики, Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13, 344038.
E-mail: yulk-r@yandex.ru

Rashchupkina Yuliya Valer'evna – Post-Graduate Student, Department of Personality of Psychology, Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University, M. Nagibina Ave., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: yulk-r@yandex.ru

Ключевые слова:

In this article the problem of interpretation of phenomenon «maturity of the personality» or «personal maturity» is considered. The concepts «personal maturity», «psychological maturity» and «social maturity» are separated; characteristics of each type of maturity and their functional purpose are analyzed. It is shown that these types of maturity have both similar and differential signs. The authors offered theoretically reasonable structure of personal maturity and the empirical research of features of personal maturity of the studying youth is initiated. Seven configurations of personal features causing one or another type of personal maturity or personal immaturity are allocated and designated.

Keywords: *the maturity, psychological maturity, social maturity, personal maturity, personal immaturity, configuration, personal features, studying youth.*

Несмотря на широкое использование понятия «зрелость личности» в психологической и в других гуманитарных науках, до сих пор нет его однозначного определения, что приводит к появлению ряда противоречий в трактовках и понимании зрелости личности. С одной стороны, содержание данного феномена ученые раскрывают через приписываемую зрелой личности совокупность признаков, характеристик, черт и состояний, которые, являясь определяющими для зрелости, отнесены авторами к разным сферам личности. Учеными подчеркивается, что зрелость личности раскрывается через сформированные характеристики (индивидуально-психологические и социально-психологические), которые отражают готовность личности к принятому в соответствии с общественно-экономическими требованиями порядку общества, в котором она живет [1]. С другой стороны, зрелость личности рассматривается как «высшее личностное образование», которое выполняет функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути, субъектом которого личность становится в ходе своего развития [2, с. 221]. На наш взгляд, в первой трактовке зрелости личности она предстает как эталонная личность с перфекционистскими чертами и нарциссическими тенденциями, которые помогают ей полноценно и продуктивно реализовываться во всех сферах жизнедеятельности, но их одновременное наличие у одной личности представляется проблематичным. Во второй трактовке зрелость рассматривается как целостность личности со своим специфичным строением, что предполагает изучение компонентов этой целостности.

Наряду с понятием «личностная зрелость» в психологической литературе существуют понятия «эмоциональная зрелость», «интеллектуальная зрелость», «когнитивная зрелость», «духовная зрелость» и другие для описания способностей и навыков, которыми должна обладать зрелая личность [3, 4]. Однако судить обо всей зрелости личности по отдельно диагностируемым исследователями видам зрелости не корректно, так как выраженность различных характеристик той или иной сферы психической жизни личности говорит лишь о зрелости данной сферы у конкретно взятой личности. Существование многообразия различных видов зрелости указывает на две противоречивые тенденции: зрелость личности оценивают через зрелость отдельных ее составляющих; в то же время зрелость отдельной составляющей не может рассматриваться как зрелость личности в целом.

Современные исследователи широко применяют также понятия «личностная зрелость», «социальная зрелость» и «психологическая зрелость», которые нуждаются в разведении.

В результате произведенного нами анализа научно-психологической литературы мы пришли к выводу, что понятие «личностная зрелость» используется как синоним понятию «зрелость личности» [5, 6] или «зрелая личность» [1] и обозначается через перечень социально-желательных на данном этапе развития общества черт, приписываемых личности как результат ее становления и развития.

В итоге сопоставления имеющихся в психологической литературе трактовок «личностная зрелость» и «социальная зрелость» можно обобщить содержательно сходные и содержательно различные признаки, приписываемые авторами данным феноменам.

Личностная зрелость понимается как совокупность характеристик личности, которые формируются, развиваются и совершенствуются в разные периоды ее становления и которые помогают ей полноценно и продуктивно функционировать как в обществе, так и по отношению к самой себе. Личностная зрелость как следствие процесса личностного развития является его результатом и характеризуется собственным строением. На наш взгляд, многокомпонентное строение личностной зрелости можно представить как сформированность эмоционально-волевой (способность контролировать свои эмоции, поведение, деятельность), ценностно-мотивационной (выраженность ценностей индивидуализации и социализации, социальных или индивидуальных потребностей и мотивов), рефлексивной (развитость самосознания) и операциональной (высокая социальная адаптированность, обеспечивающая реализацию потребностей личности с учетом требований конкретной социальной среды) сфер личности [7]. Функциональное назначение личностной зрелости выражается главным образом в возможности и реализации ее продуктивного существования, саморазвитии, субъектности. Мера личностной зрелости проявляется в содержании отношений личности к различным сторонам окружающей действительности в различных же ситуациях, в содержании и характеристиках жизненных выборов, в особенностях адаптации и развития личности. Зрелая личность может инициировать и участвовать в появлении новых социальных норм и идеалов, ориентируя общество на принятие их. Эта последняя особен-

ность личностной зрелости сближает ее с социальной зрелостью личности.

Феномен личностной зрелости нередко рассматривается неотрывно от социальной зрелости, поскольку их становление осуществляется под влиянием социализации, присвоения личностью общественного опыта и поведения, овладения ею социальными ролями и в соответствии с ними – социальными действиями и отношениями.

Как относительно устойчивое качество личности социальную зрелость характеризуют в соответствии с конкретным этапом развития личности, предсказуемостью, социальной направленностью поведения во всех сферах жизнедеятельности, отчетливым проявлением жизненных и социальных установок, отвечающих прогрессивным тенденциям развития общества [8]. Социальную зрелость рассматривают как возрастной этап развития человека [9] либо как специфичный этап развития личности, связанный с приобретением гражданских прав и обязанностей в соответствии с достижением определенного возраста [10]. Таким образом, феномен «социальная зрелость» социально специфичен.

Социальная зрелость, формируясь в процессе социализации, является ее результатом и выражается в адекватности понимания личностью своего места и положения в обществе и мире, особенностях мировоззрения и отношения к общественным институтам (нормы морали, социальные ценности), к своим обязанностям и своему труду [11]. Основные функции, которые выполняет социальная зрелость, сводятся к интернализации общественных ценностей и образцов поведения, готовности и подготовленности личности реализовывать основные социальные функции общества. Несоблюдение общественных норм и требований, принятых в среде, в которой живет личность, отстраненность и невключенность личности в систему общественных отношений говорят о ее социальной незрелости.

В строение социальной зрелости включается содержание отдельных сфер личности, которые уже отмечались нами для описания строения личностной зрелости. В результате теоретического анализа изучения социальной зрелости установлено в ценностно-мотивационной сфере личности превалирование ценностей социализации, социальных мотивов и потребностей, в эмоционально-волевой сфере – высокой саморегуляции в аффективных и поведенческих проявлениях, в рефлексивной сфере – осознания своего долга перед обществом, а в операциональной сфере – социально-

полезных поступков и социально желательных черт [7]. Следует отметить, что в строении социальной зрелости и личностной зрелости имеют место сходные по содержанию компоненты.

Таким образом, личностная и социальная зрелость – феномены, сходные по условиям формирования, проявлениям в процессе социализации, содержанию компонентов в их строении, общественной оценке (позитивная) выраженности. Различия между ними прослеживаются в особенностях содержательной наполненности отдельных компонентов, в доминировании социальной специфичности в социальной зрелости и личностно-индивидуальной специфичности в личностной зрелости, в возможности несовпадения во времени достижения социальной и личностной зрелости.

Социальная зрелость обуславливает и предполагает наличие психологической зрелости. Не может быть полной психологической зрелости у социально незрелой личности, характеризующейся инфантильностью суждений и действий, непониманием требований общества и т.д. Психологическая зрелость личности подразумевает вовлеченность в общественные отношения и включенность в контекст широких социальных целей, связанных с глубокой общественной направленностью человека, который находит смысл своей активности в творческом отношении к различного рода жизненным задачам, в потребности обогащать жизнь людей, человеческую культуру и человеческие отношения [11]. Следовательно, психологически зрелая личность оценивается через выраженность как социальной (совокупности знаний о социальной действительности, социальных умений и навыков взаимодействия), так и индивидуально-личностной компетентности (способности к саморазвитию, стремления к личностному росту, способности к творческой самореализации в социуме и т.д.). В более широком понимании психологическую зрелость можно определить как качество личности, проявляющееся в зрелости психических, психофизиологических и социально-психологических особенностей личности.

В психологических словарях психологическая зрелость чаще всего отождествляется с личностной зрелостью и определяется как достижение определенного уровня самосознания, успешной профессиональной самореализации, как способность к построению гармоничных отношений со значимыми другими, нахождение собственного смысла жизни, умение адекватно реагировать на разочарования и поражения [12]. Вместе с тем субъектом психологической зрелости может выступать как человек, так и личность, что подразумевает рассмотрение

психологической зрелости на разных уровнях – индивида и личности. Психологическая зрелость человека проявляется в его способностях, соответствующих данной стадии развития, зрелости его познавательной, эмоциональной, волевой и иных сфер. Психологическая зрелость человека широко обсуждается в современной популярной психологической литературе, зачастую объединяющей или подменяющей характеристики психологически зрелого человека характеристиками психологически зрелой личности. На наш взгляд, психологическую зрелость человека следует рассматривать как результат его психического развития, обуславливающий формирование личности.

Психологическая зрелость, формируясь и развиваясь на протяжении всей жизни личности, обеспечивает ее личностный рост, выражающийся в глубине различных проявлений психической жизни, и связана с процессом самовоспитания и самосовершенствования [13]. Основная функция, которую выполняет психологическая зрелость, заключается в обеспечении социальной и индивидуально-личностной компетентности субъекта. Мы предполагаем, что строение и содержание психологической зрелости во многом идентично строению и содержанию личностной зрелости. Психологическая зрелость способствует успешности и продуктивности в жизни, раскрытию всех потенциалов и способностей личности, ее конструктивному общению с другими людьми, адекватному восприятию реальности, удовлетворению личных и социальных потребностей социально приемлемым образом.

Таким образом, функционально социальная зрелость обеспечивает адаптацию личности к социальным нормам и общественным требованиям, психологическая зрелость личности – успешную социальную и индивидуально-личностную компетентность, личностная зрелость – интеграцию всех возможностей субъекта для самореализации в соответствии со своими ценностями в конкретной среде.

Личностная зрелость как психологический феномен характеризуется хорошо интегрированной, цельной психологической организацией, единство которой представлено взаимосвязанными компонентами, которые могут изменяться и неравномерно развиваться. Разная выраженность компонентов, представленных конфигурацией конкретных личностных особенностей, позволяет выделить виды личностной зрелости.

Анализ современных отечественных исследований, направленных на изучение социальной и

личностной зрелости, позволил выделить методико-диагностические тенденции эмпирических исследований данных феноменов [12, 14]. Во-первых, в большинстве научных работ зрелость анализируется для юношеского возраста и связывается с задачами этого возраста, во-вторых, зрелость изучается в той социальной ситуации, в которой находится личность на момент исследования. В-третьих, эмпирическое изучение зрелости личности базируется на общих теоретических, концептуальных положениях, в связи с которыми подбираются специфические методики, диагностирующие выраженность, главным образом, ценностно-мотивационной и рефлексивной сфер личности. Различие между существующими эмпирическими работами, адресованными зрелости личности, прослеживается в их разных объектах изучения зрелости – личность или учебная группа, мотивированные на проявление самостоятельности, активности, инициативности и на участие в исследовании. Однако конкретная диагностика содержания какой-либо из сфер личности без установления взаимосвязи между ними приводит к упрощению представлений о феномене «зрелость личности».

Подводя итоги, отметим, что феномен «личностной зрелости» понимается нами как сложное по структуре и содержанию образование, в котором интегрируются взаимосвязанные сферы личности с определенным доминирующим содержанием [7]. Содержание личностной зрелости конкретизируется через сформированную на данный момент развития субъекта иерархию ценностей и мотивов индивидуализации и социализации, выраженную волевою саморегуляцией, развитое самосознание, высокую произвольность поведения наряду с выраженной социальной адаптацией. Аналогичные личностные особенности, имеющие низкую выраженность и взаимосвязанность, могут рассматриваться как показатели личностной незрелости. Теоретически с учетом определения и содержания личностной зрелости любые вариации указанных личностных особенностей могут распределяться в континууме «личностная зрелость – личностная незрелость».

Цель нашего исследования состояла в изучении особенностей личностной зрелости у молодых людей. В исследовании приняли участие 269 чел. (134 мужчины и 135 женщин) разных возрастов и профессий, получающих образование в выпускных классах средних школ и в вузах. Методы и методики исследования: психологическое тестирование (методики «Диагностика волевого самоконтроля»

А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана, «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой, «Диагностика самоактуализации личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина, «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной и Л.М. Эткинда (шкалы Ид и Ин), «Кто Я?» М. Куна, опросники «16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла фактор С: «слабость Я – сила Я», «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, «Самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантлеева, «Диагностика уровня развития рефлексивности» А.В. Карпова), методы статистической обработки данных: коэффициент корреляции (r при $p < 0,05$) Спирмена, факторный анализ методом главных компонент с Varimax-вращением, множественный линейный регрессионный анализ (коэффициент детерминации R^2 при $p < 0,05$), процедура квантирования, биномиальный критерий. Содержательные компоненты личностной зрелости рассматривались как выраженность ценностей индивидуализации, социализации и адаптации, особенностей самоактуализации (ценностно-мотивационный компонент), волевого самоконтроля и эмоциональной устойчивости (эмоционально-волевой компонент), социальной адаптированности и произвольной регуляции (операциональный компонент), особенности когнитивной составляющей я-концепции, глобального самоотношения и уровня рефлексивности (рефлексивный компонент).

При изучении содержания измерений когнитивной составляющей я-концепции и в результате контент-анализа самоописаний (методика М. Куна «Кто Я?») в соответствии со спецификой этих измерений рассчитывалась относительная частота встречаемости категорий, отражающих экспрессивные – устойчивые характерологические черты и психические состояния, интенциональные – намерения, цели, планы, мечты и т.д., инструментальные – знания, умения, навыки субъекта, соотношенные им с социальным окружением, социальной ролью, жизненными событиями [15].

В результате факторного анализа показателей содержания ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого, рефлексивного и операционального компонентов личностной зрелости было признано оптимальным шестифакторное распределение, объясняющее 57,8 % дисперсии. На основе максимальных весовых нагрузок показателей (принималось во внимание значение весовой на-

грузки $\geq 0,4$) для каждого из факторов устанавливалось содержание и выраженность каждого из компонентов личностной зрелости, отражающих ее специфику. Доминирующее (выраженность) содержание какого-либо компонента в личностной зрелости и характер его связи с содержанием других компонентов дали основание для обозначения данного фактора и вида личностной зрелости.

Для первого фактора (57 чел.) характерны высокие положительные факторные нагрузки для операционального (0,88 для «Адаптации»; 0,85 – «Интернальности»; 0,81 – «Эмоционального комфорта»; 0,5 – «Стремления к доминированию»; 0,6 – «Общего уровня саморегуляции»), эмоционально-волевого (0,62 для «Волевого самоконтроля»; 0,62 – «Эмоциональной устойчивости»), рефлексивного (0,71 для «Глобального самоотношения») и ценностно-мотивационного (0,51 для мотива-ценности «Ориентация во времени») компонентов. (Здесь и далее в скобках для каждого фактора указаны значения весовых коэффициентов соответствующих показателей). Далее анализировалось содержание каждого из компонентов личностной зрелости с учетом наибольшей выраженности по весовым нагрузкам операционального и эмоционально-волевого компонентов. Респонденты характеризуются высокой социальной адаптированностью, ощущением стабильности, ответственностью за свои поступки и поведение, самостоятельностью и инициативностью, независимостью от других и стремлением контролировать свое социальное окружение (операциональный компонент); высокие показатели развития волевой саморегуляции свидетельствуют о способности респондентов сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями в различных ситуациях, гибко и адекватно реагировать на изменение условий среды, а высокая эмоциональная устойчивость, присущая респондентам данной группы, является показателем их эмоциональной зрелости, спокойствия и уверенности в себе, постоянства в своих планах и привязанностях (эмоционально-волевой компонент). Респонденты способны наслаждаться актуальным моментом и понимать экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь» (ценностно-мотивационный компонент), положительно относиться к себе, ценить себя за личностные качества, за совершаемые поступки и действия (рефлексивный компонент). Результаты регрессионного анализа (показатель адаптации – зависимая переменная; $R^2=0,87$) свидетельствуют, что высокая адаптация респондентов обеспечивается выраженными стремлением к доминированию, эмоциональным

комфортом и внутренним локусом контроля, влияние последнего является доминирующим. С учетом доминирующего содержания операционального компонента и влияния на него содержания иных компонентов фактор получил название «высокая социальная адаптированность ценой внутреннего контроля», а респонденты характеризуются высокой социальной адаптированностью ценой внутреннего контроля.

Для второго фактора (49 чел.) характерны высокие положительные и отрицательные факторные нагрузки только для ценностно-мотивационного компонента (0,46 для ценности «Познание»; 0,45 – «Свобода»; 0,42 – «Уверенность в себе»; -0,78 – «Семейная жизнь»; -0,77 – «Любовь»). Респонденты характеризуются преобладанием ценностей индивидуализации – уверенности в себе и свободы как независимости в поступках и действиях. Для них характерны эмоциональная неустойчивость, импульсивность, переменчивость в отношениях и интересах (эмоционально-волевой компонент); индивидуальная вариативность рефлексивности, проявляющаяся в высокой осознанности характерологических черт в ущерб инструментальных и статусных (рефлексивный компонент); низкие показатели социальной адаптированности, интернальности и эмоционального комфорта свидетельствуют о неприспособленности к условиям социальной среды в целом или к отдельным ее проявлениям, испытываемом ощущении дискомфорта и тревожности, ориентации на поддержку извне, пассивности в решении жизненных задач либо их избегании (операциональный компонент). Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о взаимосвязи между показателем ценности «Познания» и каждым из показателей операционального компонента – «Интернальность» ($r=0,39$) и «Стремление к доминированию» ($r=0,33$). Высокие показатели ценностей индивидуализации, обеспечение роли близких межличностных отношений, низкие показатели содержания эмоционально-волевого, операционального компонентов наряду с индивидуальной вариативностью рефлексивного компонента позволяют заключить: анализируемый вид личностной зрелости относится к ее варианту в континууме «личностная зрелость – личностная незрелость». С учетом установленных эмпирических закономерностей второй фактор получил название «акцентирование ценностей индивидуализации».

Третий фактор (38 чел.) был выделен на основе доминирующего содержания только рефлексивного компонента с положительными факторными на-

грузками (осознание респондентами своих инструментальных, интенциональных черт, а также социального окружения и событий своей жизни; весовые нагрузки составили соответственно 0,78; 0,72; 0,74). Респонденты характеризуются выраженной рефлексивностью, знают, чего хотят, осознают свои потребности и стремятся к своим идеалам. Однако им свойственны эмоциональная неустойчивость, постоянные перемены настроения под влиянием чувств, быстрая утомляемость (эмоционально-волевой компонент); погруженность в прошлые переживания, ригидность, неуверенность в своей привлекательности для собеседника, проявляющиеся в отсутствии стремления к социальным контактам (ценностно-мотивационный компонент); неприспособленность к условиям социальной среды, ориентация на поддержку со стороны окружающих, пассивность в решении жизненных задач либо их избегании, приписывании своих успехов и достижений внешним обстоятельствам – везению, помощи других (операциональный компонент). Результаты корреляционного анализа показали наличие взаимосвязи между показателем инструментальных черт и операционального компонента «Интернальность в области достижений» ($r=0,33$). Выраженность содержания рефлексивного компонента, низкие показатели содержания эмоционально-волевого, ценностно-мотивационного и операционального компонентов указывают на возможность обозначения анализируемого фактора как «выраженная рефлексивность».

Для четвертого фактора (30 чел.) характерны высокие положительные и отрицательные факторные нагрузки для рефлексивного (осознание респондентами своих статусных и характерологических черт; весовые нагрузки составили соответственно 0,86; -0,84) и ценностно-мотивационного (0,48 и -0,49 для ценностей «Активная жизнь» и для «Наличие хороших и верных друзей» соответственно) компонентов. Респонденты характеризуются высоким уровнем осознания своего социального положения и социальных ролей на фоне низкого осознания своих характерологических черт (рефлексивный компонент). Они отмечают высокую ценность индивидуализации («Активная жизнь») и низкую ценность социализации («Наличие хороших и верных друзей») (ценностно-мотивационный компонент). Характеризуясь эмоциональной ригидностью и неустойчивостью, респонденты контролируют свои поступки, что обеспечивает их работоспособность (эмоционально-волевой компонент); низкие показатели стремления к доминированию свидетельствуют о склонно-

сти к подчинению, мягкости и покорности в межличностных отношениях (операциональный компонент). У респондентов с высокой выраженностью ценности «Активная жизнь» отмечается выраженность осознания социального окружения ($r=0,37$) и стремления к доминированию ($r=0,37$). Фактор получил название «зрелость как осознание своих социальных ролей».

Пятый фактор (44 чел.) был выделен на основе доминирующего содержания только ценностно-мотивационного компонента с положительными и отрицательными факторными нагрузками (0,6 для мотива-ценности «Стремление к творчеству»; 0,54 – «Взгляд на природу человека»; 0,57 для ценности «Красота природы и искусства»; -0,72 – «Материально-обеспеченная жизнь»; -0,46 – «Интересная работа»). Респонденты характеризуются преобладанием ценностей индивидуализации («Творчество») и низкой значимостью ценностей адаптации («Материально-обеспеченная жизнь»). Им свойственны эмоциональная неустойчивость в интересах, настроении и отношениях, отказ от работы и быстрая утомляемость (эмоционально-волевой компонент); низкая рефлексивность, проявляющаяся в низком осознании как своей компетентности, так и социально-жизненных событий (рефлексивный компонент). Наряду с этим они низко адаптированы, зависимы от других и склонны к подчинению в межличностных отношениях, испытывают эмоциональный дискомфорт на фоне избегания решения проблем (операциональный компонент). Выраженность содержания ценностно-мотивационного компонента на фоне низких показателей содержания эмоционально-волевого, операционального и рефлексивного компонентов позволяет обозначить фактор как «значимость творчества».

Для шестого фактора (42 чел.) характерны высокие положительные факторные нагрузки только для ценностно-мотивационного компонента (0,74 для мотива-ценности диспозиционная «Контактность»; 0,73 – «Автономность»; 0,7 – «Гибкость в общении»; 0,63 – «Спонтанность»; 0,56 – «Потребность в познании»; 0,43 – «Стремление к творчеству»). Респонденты характеризуются преобладанием ценностей индивидуализации («Автономность») и социализации (диспозиционная «Контактность») в их иерархии ценностей. Им свойственны высокие показатели развития волевой саморегуляции (эмоционально-волевой компонент); позитивное отношение к себе, умение ценить себя за личностные качества, за совершаемые поступки и действия и низкая осознанность своих инструментальных черт и социально-жизненных

событий (рефлексивный компонент); высокие показатели социальной адаптированности, интернальности, эмоционального комфорта и стремления к доминированию свидетельствуют о приспособленности к условиям социальной среды, испытываемом ощущении благополучия своей жизни, преобладании положительных эмоций, ответственности за свои поступки, склонности подавлять другого человека в межличностных отношениях, чувствовать превосходство над другими (операциональный компонент). Результаты регрессионного анализа (показатель диспозиционной контактности – зависимая переменная; $R^2=0,91$) свидетельствуют, что высокая контактность обеспечивается выраженным высоким осознанием характерологических, статусных, инструментальных черт своей личности и социально-жизненных событий, влияние осознания характерологических черт является доминирующим. С учетом доминирующего содержания ценностно-мотивационного компонента и влияния на него содержания иных компонентов фактор был назван «зрелость как самовыражение».

Отдельную группу составили 9 чел., у которых показатели рассматриваемых компонентов характеризовались особо низкими (значение весовой нагрузки $<0,4$) факторными нагрузками. Респонденты характеризовались низкими абсолютными значениями каждого из компонентов личностной зрелости. Для включенных в эту группу характерны импульсивность и низкий самоконтроль, эмоциональная неустойчивость, инфантильность, капризность, высокая тревожность и склонность к невротическим проявлениям (эмоционально-волевой компонент); недоверие к людям, проявляющееся в неспособности устанавливать прочные и доброжелательные отношения с окружающими (ценностно-мотивационный компонент). Респондентам свойственны низкая приспособленность к условиям социальной среды, ориентация на поддержку извне, избегание любых трудностей и решения проблем (операциональный компонент); низкий уровень рефлексивности и самоанализа, что может говорить о незрелости личности и ее инфантильности (рефлексивный компонент). На основе перечисленных данных группа была названа «личностная незрелость», а респонденты характеризуются личностной инфантильностью.

Таким образом, на основе доминирующего содержания каждого из теоретически обоснованного компонента личностной зрелости, эмпирически установленной взаимосвязи между содержанием доминирующего компонента и содержанием иных

8. Kon I.S. *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociological Psychology]. Moscow; Voronezh, 1999, 560 p.
9. Il'in E.P. *Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of Maturity]. Saint Petersburg, 2012, 186 p.
10. Anan'ev B.G. *Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t.* [Selected Psychological Works in 2 volumes]. Moscow, 1980, vol. 1, 372 p.
11. Yakobson P.M. Psikhologicheskie komponenty i kriterii stanovleniya zreloi lichnosti [Psychological Components and Criteria for the Formation of a Mature Personality]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1981, no 4, p. 142.
12. Granenkova E.S. Psikhologicheskaya zrelost' kak komponent gotovnosti molodezhi k semeinoi zhizni [Psychological Maturity as a Component of Readiness of Youth for Family Life]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2012, no 4, vol. 2, p. 257.
13. Sheldon K.M., Kasser T. Getting older, getting better? Personal strivings and psychological maturity across the life span. *Developmental Psychology*, 2001, no 4, p. 491.
14. Patturina N.P. Problema zrelosti v sovremennoi psikhologii [The Problem of Maturity in Modern Psychology]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2006, no 17, vol. 7, p. 113.
15. Dzhaner'yan S.T. *Professional'naya Yakontseptsiya: sistemnyi analiz* [Professional I-concept: a systematic analysis]. Rostov-on-Don, 2004, 480 p.

Поступила в редакцию

22 декабря 2014 г.

УДК 373.013:46

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

© 2015 г. Н.В. Долгановская, М.Г. Катичева

–
,
,
, 105/42, – – , 344006.
E-mail: natalya1813@rambler.ru

*Dolganovskaya Natalia Vladimirovna –
Lecturer,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: natalya1813@rambler.ru*

–
,
,
, 105/42, – – , 344006.
E-mail: kochnevamarina@mail.ru

*Katicheva Marina Gennadievna –
PhD, Lecturer,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006,
Russia.
E-mail: kochnevamarina@mail.ru*

Ключевые слова:

The article reveals the concept of pedagogical forecasting, covering the development tendencies of forecasting pedagogical knowledge, investigates the main approaches of classification in works of domestic and foreign researchers. The authors point up the critical analysis of different approaches,

including a method of extrapolation and interpolation. The present-day ideas of teachers who deal with developing forecasts of the research potential of modeling and its importance in elaborating forecasts are analyzed.

Keywords: *pedagogical forecasting, modeling, extrapolation, interpolation, modeling method, model of forecast background.*

Проблема определения принципиальных оснований, которыми должен руководствоваться исследователь проблем педагогического прогнозирования, а также инструментария, необходимого для составления прогнозов, является мало исследованной в отечественной педагогической науке. При этом наблюдается определенное рассогласование между частотой использования понятий «принцип», «метод», «способ», «техника педагогического прогнозирования» и их теоретическим обоснованием. Вместе с тем прояснение проблем методологической оптики является важным шагом в понимании тенденции развития педагогического знания прогностического характера.

Сначала рассмотрим вопрос о принципах как методологических регулятивах, определяющих концептуальные позиции отечественных и зарубежных исследователей проблем педагогической прогностики. При анализе проблемы трактовки методологических принципов зарубежной педагогики будем исходить из следующих формулировок:

1. «Принцип – это отправная координата, определяющая вектор рассмотрения идей, законов и категорий сложившегося научного направления педагогики, помогающая объединить ее содержание в определенную систему знаний» [1, с. 8].

2. «Под методологическим регулятивом следует понимать правило или условие, которое упорядочивает, нормативно предписывает или же задает ориентиры в исследовании» [1, с. 8].

При анализе принципов как методологических регулятивов необходимо иметь в виду, что принципы как основоположения, сформулированные в отечественной и зарубежной философии образования, могут не совпадать по названию, значимости, содержанию, частоте применения. Вместе с тем «наиболее важным представляется нам выделение следующих позиций в трактовке сущности принципов: генезиса, логической формы представленности, подходов к трактовке сущности принципа, его педагогической проекции, требований, вытекающих из той или иной интерпретации содержания принципа, к организации педагогического исследования» [1, с. 8]. Поэтому по мере того как эти позиции будут обозначены, будем делать акцент на данных методологически значимых позициях.

В настоящее время к методологическим проблемам прогнозирования в области образования современные отечественные исследователи обращаются не часто. Исключением в этом смысле можно считать диссертационное исследование О.А. Леоновой [2], в котором сформулированы принципы формирования и прогнозирования развития регионального образовательного пространства. О.А. Леонова проводит различия между принципами формирования регионального пространства и принципами прогнозирования его развития. К первой группе на основе определения принципа данного уровня как положения, отображающего человека в образовании пониманием личностного многообразия учащихся, автор относит принципы субъектной активности, эффекта бифуркаций, незавершенности, средового отражения, вероятностной актуализации и периода обнаружения, целостности и сохраняющихся колебаний. Вторая группа принципов прогнозирования выделена автором на основе понимания принципа как основоположения, при помощи которого можно определить степень приближения коллективного педагогического субъекта к его собственным целевым установкам. К данной группе отнесены принципы системности, пересечения образовательных событий, реализации субъектной активности носителей образования, целостности.

Два принципа из выделенных блоков сохраняют сопряженность. Так, принцип субъектной активности логически и содержательно соотносится с принципом ее реализации. Принцип целостности и сохраняющихся колебаний, напротив, редуцируется до принципа целостности. Первая группа принципов отражает методологию синергетического подхода, заключая в себе признание важности эффектов бифуркации, флуктуации, развития диссипативных структур. Вторая группа – классический набор основоположений: системность, целостность. Прогнозирование развития таким образом предстает как сложноорганизованный процесс, обладающий внутренней динамикой.

Определение системы методов, позволяющих осуществлять прогнозирование, не нашло своего завершения. В различных научных сообществах к структурированию систематики исследователь-

ских методов подходят с различных позиций. Впервые со всей остротой на теоретическом уровне данный вопрос был поставлен представителями Римского клуба. Его основоположник А. Печчеи вспоминает, что в момент создания клуба им потребовался человек, «который перевел бы на убедительный язык казавшиеся нам разумными мысли» [3]. Таким человеком стал известный австрийский астроном, футуролог Э. Янч, который подготовил для Римского клуба основополагающий документ «Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем». В нем была обозначена будущая динамика глобального развития человеческого общества в контексте его среды обитания и сделаны предостережения относительно активности человечества в покорении природы.

Как методолог науки Э. Янч отмечает тенденцию перехода от интердисциплинарности, «холистического» видения исследований к редукционизму, узкой предметной специализации. «Такого рода академический редукционизм следует рассматривать не только как абстрактный процесс сокращения интеллектуального поля, но и как явление социальной значимости», – отмечает Э. Янч [4]. Подходя к развитию научного мышления с позиций глобальных эффектов, он рассматривает методологию прогнозирования с позиций двух стратегий – изыскательской (поисковой) и нормативной [5]. Изыскательский подход основан на представлении о прогнозируемом объекте как саморазвивающейся субстанции, которая изменяется как по своим внутренним законам, так и под воздействием среды. Данная стратегия реализуется, по мысли Э. Янча, на основе методов интуитивного мышления: мозговой атаки, метода Дельфи, контекстуального картографирования, метода качественной исторической аналогии. Нормативный подход, напротив, предполагает, что будущее изучаемого объекта уже предписано, задано, и перед исследователем стоит задача поиска оптимальных путей достижения желательного состояния объекта. Б.С. Гершунский, оценивая подход Э. Янча, сделал вывод, что «при поисковом подходе к прогнозированию, исходя из средств, прогнозируют цели, в то время как при нормативном подходе, исходя из целей, прогнозируют средства их достижения» [6, с. 92]. В концепции Э. Янча выделены методы изыскательского прогнозирования, нормативного прогнозирования и прогнозирования с обратной связью.

Немецкий методолог Ф. Сейя выделяет методы субъективного опыта, экстраполяции и каузальные

(причинные) методы [7]. Методы субъективного прогноза возникают на мысленном проектировании и оценке человеком будущего на основе личного, пусть ограниченного, опыта, а также учета мнений других людей, которое считается экспертным. В данном подходе не применяются приемы математической или статистической обработки данных, превалирует интуитивный подход. Экстраполяционный опыт основан на выявлении возможности переноса данных, на оценке влияния прошлого на развитие процессов и явлений в будущем. Каузальные прогнозы подразделяются на детерминистические и стохастические, они основаны на исчислении функциональных зависимостей.

Проблема использования метода экстраполяции актуальна в современном педагогическом науковедении. Некоторые теоретики полагают, что данные методы являются хорошо разработанными применительно к точным наукам [8]. Для педагогической прогностики, как отмечает Б.С. Гершунский, методы экстраполяции типичны, но не всегда маркируются как таковые. Суть метода экстраполяции (от лат. лат. extra – сверх и ratio – изменяю) заключается в том, что выводы, полученные в результате исследования за одним объектом, явлением (или их частями), переносятся на другую часть. В той или иной степени экстраполяция используется при формировании образовательных программ, учебных планов, при составлении профессиограмм, квалификационных характеристик. Границы применимости экстраполяции определяются воздействием многих факторов, в связи с чем вводится понятие фактора экстраполяции. К их числу отнесены явные, случайные и скрытые факторы. Кроме того, в зарубежной прогностике выделяют различные стратегии экстраполяции – на основе аналогового моделирования, на основе индукции, стратегию переноса выборочных данных на всю генеральную совокупность [8]. В целом метод экстраполяции предполагает, что тенденции, которые наблюдались ранее, будут продолжаться по мере изменения исследуемого объекта или процесса. В Российской науке утвердилось мнение о том, что экстраполяция позволяет увидеть будущее как тщательно обезвреженное настоящее [9].

В системе методов прогнозирования важная роль отводится методам интерполяции, которые считаются более сложными, их логическая структура включает мысленное восполнение пробела, нахождение предполагаемых промежуточных значений в ряду статистических или логических данных, восполнение некоторого пробела [10]. Отмечается, что «применение интерполяции как отра-

жения субъектного начала имеет давнюю историю. Интерполяция появляется впервые у переписчиков Священного Писания в виде вставок, содержащих авторскую версию некоторых описываемых в них событий» [10, с. 56]. При применении метода интерполяции осуществляется мысленное конструирование некоторого фрагмента реальности [11, 12]. Он используется для прогнозирования не отдаленного, а ближайшего будущего.

В прогнозировании большую роль играют методы моделирования. Как отмечает Г.С. Розенберг, на заре деятельности Римского клуба, в 1971 г. математик и системолог Дж. Форрестер на основе предложенных им же методов системной динамики разработал модели «World – 1» и «World – 2», в которые в качестве параметров включил население, природные ресурсы, загрязнение окружающей среды и др. Он «продемонстрировал членам Римского клуба первые машинные “прогоны” этих моделей. Эксперимент произвел сильное впечатление на членов Римского клуба» [13, с. 589]. С тех пор моделирование прочно вошло в арсенал исследовательских прогностических методов. Вместе с тем в отечественной педагогике существует достаточно сдержанное отношение к методу моделирования, связанное со степенью его разработанности: «Что же касается прогностических возможностей методов моделирования, то эти вопросы применительно к объектам педагогических исследований разработаны пока еще очень слабо» [6, с. 132]. Действительно многочисленные публикации по проблемам использования моделей в прогностических целях на деле содержат классификационные схемы, позволяющие определить типы моделей и этапы моделирования. Различают следующие типы моделей: динамические и статические, макромоделли, включающие большое количество параметров, и микромоделли, позволяющие достаточно подробно описать определенный объект, а также модели одного уровня увеличения, трендовые и имитационные модели.

Применительно к проблемам педагогического прогнозирования Б.С. Гершунский выделяет метод информационного моделирования. «Не подлежит сомнению, – подчеркивает он, – что педагогические модели принципиально являются моделями информационными, так как они содержат определенную информацию о том или ином педагогическом объекте, которая относительно точно описывает закономерности его поведения, его внутренние свойства на одном из фиксированных языков» [6, с. 132]. Б.С. Гершунский полемизирует с В.М. Григоровым, который считает, что информа-

ционная модель не может быть использована для объяснения или же предсказания последствий изменения параметров определенной социальной системы. Ему ближе позиция В.М. Глушкова, который высоко ценит информационное моделирование, позволяющее, согласно Б.С. Гершунскому, не только фиксировать уровень познания объекта, но и предсказывать с некоторой долей определенности траекторию или закономерности его будущего развития.

Остановимся на анализе современных представлений педагогов об исследовательском потенциале моделирования и его месте в разработке прогноза. Для этого обратимся к «Педагогическому прогнозированию» [14], в котором представлены не только прогноз и программа воспитания детей до 2015 г., но и теоретические позиции по методологии составления прогноза. О важности моделирования в разработке прогноза свидетельствует то, что «цель прогностического исследования – модель (проект, программа, рекомендации, предложения) решения проблемы» [14, с. 124]. Описывая этапы прогнозирования, авторы начинают с обоснования необходимости построения прогностической исходной модели социального объекта. Процесс включает три этапа: разработку концептуальной модели, построение тезауруса показателей, экспертные оценки показателей. Построение исходной модели преследует цель формализовать объект прогнозирования, представить его в виде логически непротиворечивой системы показателей, «по каждому из которых в дальнейшем можно будет построить динамические ряды (переменных, характеристик, конкретных данных)» [14, с. 130]. В дальнейшем предлагается минимизировать показатели модели, провести индикацию исходной модели, осуществить прогнозную ретроспекцию.

Одновременно с построением модели объекта должна быть создана модель прогнозного фона, параметры которой выражаются такими же показателями, но не разрабатываются, а «берутся готовыми и постулируются условно» [14, с. 133]. Последовательность операций построения прогнозного поля может быть представлена следующим образом: 1) составление перечня показателей модели; 2) редукция перечня к системе показателей, пригодных для дальнейших операций; 3) уточнение модели при помощи метода Дельфи или другими экспертными методами; 4) индикация модели прогнозного фона с ориентацией на заказчика прогноза; 5) прогнозный анализ фоновых данных, их соотнесение с основаниями, имеющимися в ис-

ходной концептуальной модели. Таким образом, разработка двух видов модели – исходной концептуальной и модели прогнозного фона – является исходной методологической операцией, позволяющей на основе их соотнесения осуществлять как поисковый, так и нормативный прогнозы. Это свидетельствует о современной тенденции к разработке методологии прогнозирования с использованием потенциала модели как своеобразного «слепок» действительности, его мысленного отражения. При этом обращает на себя внимание то, что путь построения моделей в педагогическом прогнозировании является дедуктивным, не связанным непосредственно с эмпирическими данными, подученными в ходе индуктивного познания.

Возвращаясь к проблеме поиска классификационных оснований для системы методов прогнозирования, отметим, что в постановке данной проблемы большую роль сыграл Б.С. Гершунский, который предпринял попытку уточнения тезауруса данной проблемы. Так, касаясь определения методов прогнозирования, он трактует научный метод как способ достижения каких-либо результатов в познании и практике [6, с. 89]. В данном подходе представлена традиционная позиция определения метода, который ограничивает его концептами «путь», «способ», «совокупность познавательных действий», в ней прослеживается традиция немецкой методологии, сохраняющей идущую от Гегеля тенденцию рассматривать метод как орудие или средство, через которое субъект приближается к объекту познания. В отечественной методологии данная позиция в целом не отрицается, имеют место определения, в которых метод сводится к процедурной стороне познавательной деятельности.

Развивая данную мысль, Б.С. Гершунский обращается к проблеме использования педагогикой собственных исследовательских методов. К их числу он относит наблюдение, опытную работу, собеседование, анкетирование, анализ письменных и графических работ учащихся, педагогический эксперимент, изучение учебной документации. Теоретик признает важность и значимость данных методов на этапе сбора фактического материала, его группировки и систематизации, установления тех или иных отношений. По его мнению, данные методы позволяют собрать эмпирику, которая позволит в дальнейшем выделить качественные признаки исследуемых явлений, определить их структуру. Однако Б.С. Гершунский справедливо полагает, что данные методы не являются универсальными и не способны решить весь комплекс задач, стоящих перед исследователем. Он приводит аргумент

М.Н. Скаткина, признававшего ограниченность методов исследования, которые отдельные методологи причисляли к разряду «собственно педагогических». Но педагогическая наука не развивалась бы, если бы ограничивалась исследованием уже имеющегося опыта, не выходила бы за пределы повседневности. Нельзя не согласиться с Б.С. Гершунским в том, что потребности современной практики образования требуют введения в исследовательский арсенал педагога новых методов, используемых в других науках. Теоретик считает вполне оправданным и даже необходимым использование в арсенале педагога методов социологии, математики, кибернетики, которые позволяют достичь многомерного видения объекта исследования и установить его неявные характеристики. По мнению Б.С. Гершунского, важно обратиться к разрешению проблемы адаптации используемых инонаучных методов. Систематика методов педагогической прогностики, предложенная им, в полной мере учитывает данный аспект, включая в свой состав общенаучные, частнонаучные и интернаучные методы, совокупность которых составляет исследовательско-методологическую основу современной образовательно-педагогической прогностики.

Согласно Б.С. Гершунскому, «научный метод эвристичен». Он служит для получения нового знания, приобретения новых достоверных данных об исследуемом объекте, извлечения информации о ранее неизвестном. Прогностические функции научного метода обусловлены его неразрывной связью с одним из важнейших элементов логической структуры науки – идеей» [6, с. 89]. В этом он полностью солидаризируется с позицией известного отечественного методолога науки П.В. Копнина, который считал, что в идее все объективное поднимается до уровня целей и задач, которые конкретизируются и корректируются познающим субъектом в процессе его исследовательской деятельности.

Б.С. Гершунский не просто предлагает свою классификационную схему, но подвергает анализу систематики, имеющиеся в зарубежном науковедении. Он обращается к трудам австрийского ученого Э. Янча, который, как отмечалось, различает три группы методов прогнозирования в рамках двух стратегических подходов к прогнозированию – поискового (изыскательского) и нормативного. При использовании поискового подхода исследователь составляет прогноз на основе логики внутреннего развития объекта прогнозирования и окружающей его среды. Нормативный подход предполагает выделение заданных характеристик объ-

екта, которые необходимо достичь. Однако в целом концепцию Э. Янча Б.С. Гершунский не считает универсальной, способной охватить все группы методов.

Таким образом, проблема поиска методологии изучения будущего является весьма актуальной как в зарубежных научно-педагогических исследованиях, так и в современной России. В настоящее время разрабатываются различные подходы и систематики. Однако единого мнения о типологических основаниях методов и универсального критерия систематизации еще не выработано.

Литература

1. . . Принцип как методологический регулятив зарубежной педагогики: как его определить? Ростов н/Д., 2003. 16 с.
2. . . Региональное образовательное пространство: принципы формирования и прогнозирования развития : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2008. 39 с.
3. . Человеческие качества. М., 1980. 302 с.
4. . Самоорганизующаяся Вселенная. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/EJANCH.htm> (дата обращения: 15.01.2015).
5. . Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1970. 568 с.
6. . . Образовательно-педагогическая прогностика. Теория. Методология. Практика. М., 2003. 768 с.
7. См.: Seja F. Practical Extrapolation Methods: Theory and Applications Cambridge University Press, Cambridge monographs on applied and computational mathematics. 2003. № 10. 519 p.
8. Kramvar S.D., Haveliwala T.H., Mannig Ch., Golub G.H. Extrapolation Methods. URL: <http://www.slideshare.net/jlarevalo/extrapolationSejaF.Prognosemethoden/www.stendal.hs-magdeburg.de/> (дата обращения: 15.01.2015).
9. . . Будущее – это тщательно обезвреженное настоящее // Форсайт. 2009. № 2. С. 62–64.
10. . . Интерполяционный контроль методологических знаний // Классический лицей № 1 при РГУ: опыт и перспективы. Ростов н/Д., 2002. С. 56–62.
11. URL: worldwidescience.org/world_widescience.org/.../i/interpolation.html (дата обращения: 15.01.2015).
12. Jizho H., Jianguo W. Using an Interpolation Method to Make Classification Decision. URL: <http://dl.acm.org/citation> (дата обращения: 15.01.2015).
13. . . Глобальное моделирование (к 35-летию выхода в свет «Пределов роста» // Самарская Лука. 2007. Т. 16, № 3 (21). С. 588–598.
14. . . Педагогическое прогнозирование. М., 2009. 288 с.

References

1. Fedotova O.D. *Printsip kak metodologicheskii regulyativ zarubezhnoi pedagogiki: kak ego opredelit'?* [The Principle as a Methodological Regulative of Foreign Pedagogy: How to Define it?]. Rostov-on-Don, 2003, 16 p.
2. Leonova O.A. *Regional'noe obrazovatel'noe prostranstvo: printsipy formirovaniya i prognozirovaniya razvitiya* [Regional Educational Space: the Principles of Formation and Development Forecasting]: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Volgograd, 2008, 39 p.
3. Pechchei A. *Chelovecheskie kachestva* [Human Qualities]. Moscow, 1980, 302 p.
4. Yanch E. *Samoorganizuyushchayasya Vselennaya* [Self-Organizing Universe]. Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/EJANCH.htm> (accessed 15.01.2015).
5. Yanch E. *Prognozirovaniye nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Forecasting of Scientific and Technical Progress.]. Moscow, 1970, 568 p.
6. Gershunskii B.S. *Obrazovatel'no-pedagogicheskaya prognostika. Teoriya. Metodologiya. Praktika* [Educational and Pedagogical Prognostics. Theory, Methodology, Practice]. Moscow, 2003, 768 p.
7. Seja F. *Practical Extrapolation Methods: Theory and Applications* Cambridge University Press, Cambridge monographs on applied and computational mathematics, 2003, no 10, 519 p.
8. Kramvar S.D., Haveliwala T.H., Mannig Ch., Golub G.H. *Extrapolation Methods*. Available at: <http://www.slideshare.net/jlarevalo/extrapolationSejaF.Prognosemethoden/www.stendal.hs-magdeburg.de/> (accessed 15.01.2015).
9. Vaganov A.G. *Budushchee – eto tshchatel'no obezvrezhennoe nastoyashchee* [Future - is Carefully Neutralized Present]. *Forsait*, 2009, no 2, pp. 62–64.
10. Fedotova O.D. *Interpolyatsionnyi kontrol' metodologicheskikh znaniy* [Interpolation Monitoring of Methodological Knowledge]. *Klassicheskii litsei No 1 pri RGU: opyt i perspektivy* [Classical Lyceum № 1]. Rostov-on-Don, 2002, pp. 56–62.
11. Available at: www.worldwidescience.org/worldwidescience.org/.../i/interpolation.html (accessed 15.01.2015).
12. Jizho H., Jianguo W. *Using an Interpolation Method to Make Classification Decision*. Available at: <http://dl.acm.org/citation> (accessed 15.01.2015).

13. Rozenberg G.S. Global'noe modelirovanie (k 35-letiyu vykhoda v svet «Predelov rosta» [Global Modeling (to the 35th anniversary the publication of "Limits of Growth")]. *Samarskaya Luka*, 2007, vol. 16, no 3 (21), pp. 588-598.

14. Nikitina L.E., Lipskii I.A., Maiorova-Shcheglova S.N., Namestnikova G.A. *Pedagogicheskoe prognozirovanie* [Pedagogical Forecasting]. Moscow, 2009, 288 p.

Поступила в редакцию

30 января 2015 г.

УДК 37.06

О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

© 2015 г. Л.Ц. Кагермазова, И.В. Абакумова, С.Л. Лунин, Е.О. Шульц

Кагермазова Л.Ц. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии дополнительного профессионального образования Кабардино-Балкарского государственного университета, ул. Чернышевского, 173, Нальчик, 360004.
E-mail: laura07@yandex.ru

Kagermazova Laura Tsr evna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Additional Professional Education, Kabardino-Balkarian State University, Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, 360004, Russia. E-mail: laura07@yandex.ru

Абакумова И.В. – доктор психологических наук, профессор, соответствующий член Российской академии образования, кафедра общей психологии, психологии развития, Южного федерального университета, ул. Нагибина, 13, Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: psyf@sfedu.ru

Abakumova Irina Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Department of General Psychology, Psychology Development, Southern Federal University, M. Nagibina Ave., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: psyf@sfedu.ru

Лунин С.Л. – аспирант кафедры общей и образовательной психологии, академии психологии и педагогики Южного федерального университета, ул. Нагибина, 13, Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: psyf@sfedu.ru

Lunin Sergey Leonidovich – Post-Graduate Student, Department of General and Educational Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, M. Nagibina Ave., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: psyf@sfedu.ru

Шульц Е.О. – аспирант кафедры общей и образовательной психологии, академии психологии и педагогики Южного федерального университета, ул. Нагибина, 13, Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: psyf@sfedu.ru

Shchults Eugenia Olegovna – Post-Graduate Student, Department of General and Educational Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, M. Nagibina Ave., 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia. E-mail: psyf@sfedu.ru

Ключевые слова:

The article considers the problem of formation of professional communicative competence of future teachers in the framework of the competence-based approach and the modern strategy of development of education in Russia. A set of various practice-oriented teaching technologies to create and develop communicative competence of students-future teachers.

Keywords: *competence-based approach in education, competence, communicative competence, multicultural environment, educational technology.*

В условиях системной модернизации России, что ныне набирает обороты, выпускнику отечественных вузов недостаточно быть компетентным лишь в своей узкой профессиональной сфере, ему необходимо хорошо ориентироваться и в смежных областях, широком спектре современных технологий и уметь их использовать в практической деятельности. Это в полной мере относится и к будущим педагогам, что закреплено в идеях и положениях Концепции модернизации российского образования на период до 2016 г. При этом в качестве инструмента достижения означенной цели рассматривается компетентностный подход в образовании. Фактически стоит задача готовить специалистов, способных понимать и принимать внутренний мир ребенка, строить взаимоотношения на основе диалога с учащимся в процессе совместной с ними деятельности в целях максимальной реализации их способностей и обеспечения эмоционального благополучия в учебно-воспитательном процессе [1, с. 57; 2, с. 56]. Ведь профессионально-педагогическая компетентность учителя выражается именно в его готовности осуществлять педагогическую деятельность на основе ценностно-ориентированного отношения к личности ученика. И в этом плане решающую роль способна сыграть коммуникативная компетентность учителя, его способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты.

Для эффективной коммуникации (в любой сфере деятельности) характерно достижение взаимопонимания партнеров, лучшее понимание ситуации и предмета общения, что обеспечивает достижение целей коммуникантов. А что касается профессиональной деятельности педагога, здесь роль коммуникативной компетентности особена – именно она обеспечивает эффективность его про-

фессиональной деятельности. Однако формирование коммуникативных компетенций будущего педагога – не простая задача, поскольку на ее решение влияет множество факторов, в том числе особенности развития высшей школы в современной России [3], специфика региональных вузов и культурной среды их функционирования [4, 5], а также политика школьного образования в регионах, направленная на сохранение национально-культурного наследия, т.е. на воспитание личности, готовой и способной жить и работать и в пространстве «малой Родины» – в поликультурной и полилингвальной коммуникативной среде. Все это актуализирует обозначенную проблему формирования у педагога высокой коммуникативной культуры.

И хотя в последнее время российская система педагогического образования претерпевает существенные изменения, подготовка учителя начальных классов в наших регионах пока еще не достигла уровня культурно-коммуникативных компетенций, востребованного современным российским обществом.

Наши исследования стратегии и технологий формирования и развития коммуникативной компетентности будущих учителей строились именно с учетом этих соображений.

Понятно, что подготовка учителя начальных классов в современных условиях – на основе компетентностного и полилингвального подходов – требует технологического обеспечения учебного процесса, направленного прежде всего на развитие педагогических, информационно-коммуникативных компетенций будущего учителя и формирования у него опыта самостоятельной работы. Здесь, как пока-

зывает наш опыт, незаменима технология ПИТ — «Познание – интерпретация – творчество», обеспечивающая развитие профессионально-педагогических и информационно-коммуникативных компетенций. Эффективность данной технологии определяется целым рядом показателей: способностями студентов интерпретировать полученные знания, трансформировать гуманитарные знания и общекультурный опыт и в педагогическую деятельность, анализировать педагогические объекты и явления, понимать и обосновывать педагогические закономерности и базироваться на них при проектировании педагогической практики [6, с. 50].

Эффективна также и технология (метод) кейсов (Case study), позволяющая осмыслить педагогическую ситуацию и найти оптимальное ее решение. Этот метод обеспечивает формирование интереса студентов к своей деятельности, активизирует его интеллектуальный потенциал.

Очевидно, что неотъемлемым элементом коммуникативной культуры современного педагога является информационно-коммуникативная компетентность – способность самостоятельно работать в информационно-коммуникативном пространстве, находить и использовать вербальные и невербальные средства коммуникации в полилингвальном образовательном пространстве, передавать информацию в процессе диалога и взаимодействия в полилингвальной образовательной среде, рефлексировать педагогическую позицию в конкретной ситуации взаимодействия «учитель-ученик» [7, с. 174].

Нами разработано и апробировано научно-методическое электронное обеспечение целого ряда педагогических дисциплин, призванных развивать коммуникативные компетенции будущего педагога. В их числе электронные учебники по следующим дисциплинам: «Возрастная психология», «Педагогическая психология», «Социальная психология» с педагогическими ситуациями, педагогическими задачами, задания для самостоятельной работы, электронные учебные программы и учебные пособия.

Были организованы спецкурсы «Коммуникативная компетентность педагога», «Искусство общения и достижения согласия», «Психология делового общения» для бакалавров педагогического факультета КБГУ.

Предлагаемые спецкурсы позволяют вооружить будущих педагогов дополнительными знаниями, помочь овладеть специальными умениями и навыками, а также способствуют осмыслению задач и функций их коммуникативной деятельности. Спецкурсы содержат материалы, отражающие

региональные и национальные особенности. Программа данных спецкурсов таким образом должна корректировать недостатки, существующие в формировании коммуникативной компетентности будущих педагогов.

Одним из условий, без которых невозможно приобретение коммуникативных умений в образовательном процессе, является использование активных форм обучения, таких как метод анализа конкретных ситуаций и метод ролевых и имитационных игр. Коммуникативная компетентность формируется в процессе обучения, воспитания, решения педагогических задач и выступает средством познания и реализации личности в процессе общения и деятельности.

В целях формирования готовности будущих педагогов к коммуникативной деятельности была разработана специальная программа занятий, направленных на решение проблемных задач (моделирование коммуникативных ситуаций, непосредственное участие в разрешении проблемных ситуаций, анализ устных и письменных текстов на решение коммуникативных задач; риторические игры) [6, с. 52].

Как выяснилось, наиболее эффективно коммуникативная компетентность развивается и формируется в процессе выполнения со студентами коммуникативных упражнений, проведения деловых игр и тренингов. Судя по всему, именно эти активные формы обучения помогают будущим специалистам осознавать свои коммуникативные действия, оценивать их конструктивность и воздействие на окружающих, развивают адекватную самооценку, умение слушать и слышать собеседника.

Особое место среди предлагаемых нами технологий занимает деловая игра, позволяющая студентам раскрыть педагогическую позицию в учебной или воспитательной ситуации (которая может возникнуть во время педагогической практики в полилингвальной образовательной среде школы); приобрести опыт воспринимать позицию ученика-представителя той или иной национальности, объяснить сложившуюся ситуацию с иной точки зрения, а студенту, выступающему в роли учителя, – строить диалог с учащимся, учитывая его национальную принадлежность и опыт культурного воспитания в семье.

Однако в описанном множестве проблем, возникающих в процессах формирования коммуникативной компетентности педагога, первостепенного внимания заслуживают те, которые связаны непосредственно с изучением сущности профессионального общения педагога, определением структуры компетентности педагога в профессиональ-

ном общении, а также выявлением психолого-педагогических критериев её оценки [8].

Как известно, высокий уровень сформированности коммуникативной культуры педагога характеризуется следующими компетенциями: он понимает необходимость овладения коммуникативной культурой, проявляет осознанный интерес к процессу межличностного взаимодействия, к пониманию сущности психического взаимодействия, способам формирования личности в процессе общения. Умеет в достаточной мере создавать атмосферу сотрудничества, взаимодоверия, взаимопонимания в общении. Способен преодолевать возникающие в процессе общения проблемы, психологические барьеры.

Педагога отличает также высокая коммуникативность, он умеет использовать весь арсенал вербальных и невербальных средств общения, демонстрирует правильность, нормативность речи, спокойный, доброжелательный тон, уместный темп, правильное интонирование предложений, соблюдение логических пауз и ударений, уместное использование выразительных средств языка, обеспечивает хорошую речевую среду для собеседника [9].

Учитывая все изложенное и принимая во внимание основные функции педагога, мы придерживались следующих критериев оценки сформированности коммуникативной компетентности будущего специалиста:

(осознание роли, значимости коммуникативных качеств в профессиональной деятельности; наличие ценностной мотивации к изучению коммуникативной составляющей педагогической деятельности;

(психологические, педагогические и этико-правовые знания; знание языка и владение его нормами; владение национальным языком учащихся, знание особенностей национальной культуры, менталитета; представление о роли и месте педагога в социуме, его коммуникативной подготовке как части профессиональной);

(система коммуникативных умений: перцептивные, речевые, гностические и умения управления коммуникативным процессом);

– развитость психологических характеристик, являющихся составной частью способности к коммуникативной деятельности будущего педагога (требования, предъявляемые коммуникативной деятельностью к познавательным, эмоционально-волевым процессам и психоэмоциональным состояниям: сдержанность, стабильность, стрессоустойчивость, самообладание и др.); развитость психолого-педагогических качеств, ориентированных на совершенствование коммуникативной дея-

тельности педагога (самокритичность, адекватная самооценка и уровень притязаний, способность к самоанализу, саморегуляции, самоконтролю поведения); развитость психолого-педагогических качеств, направленных на создание эффекта обаяния (эмпатичность, визуальность, красноречивость).

В соответствии с этими критериями выделены три уровня сформированности коммуникативной компетентности – высокий, средний, низкий [1, с. 57]. Все это является частью процесса подготовки школьных учителей в КБГУ. Ежегодно проводится анкетирование студентов-бакалавров 4–5-х курсов педагогического факультета в целях контроля уровня сформированности их коммуникативной компетентности. Анализ многолетних результатов позволил выделить существенные признаки последней. Так, более 50 % студентов после прохождения практики начинали принимать будущую педагогическую деятельность как сферу своей самореализации, осознавать свои профессиональные способности, становились более уверенными в своих действиях, у них формировалось позитивное отношение к профессии и мотив овладеть ею, возникали положительные коммуникативные взаимодействия с учащимися. До 60 % студентов овладели ориентировочной основой педагогической работы, которая включает не только образ результата своей деятельности, но и целостный процесс его достижения. От 80 до 90 % студентов на собственном опыте, в процессе практики в школе апробировали различные способы решения проблемных вопросов в межличностных отношениях с учащимися, а также решали вопросы предупреждения и коррекции конфликтных ситуаций в системе «учитель – ученик». Большинство студентов овладевают также способами рефлексии, самоконтроля, самооценки своих действий.

На наш взгляд, приведенные данные можно считать подтверждением сформированности коммуникативной компетентности студентов – будущих учителей на приемлемом уровне. Анализ опыта КБГУ позволил выявить условия, способствующие эффективному формированию коммуникативной компетентности будущих педагогов в системе высшего педагогического образования:

– развитие положительной мотивации в процессе формирования коммуникативной компетентности;

– внедрение в педагогический процесс спецкурсов «Коммуникативная компетентность педагога», «Искусство общения и достижения согласия», «Психология делового общения» в сочетании с курсами общего блока психолого-педагогической подготовки;

– реализация активных форм и методов обучения (проблемные лекции, дискуссии, ролевые игры, тренинги);

– направленность содержания, форм, методов и приемов обучения на формирование коммуникативных умений и навыков будущих специалистов в условиях поликультурной и полилингвальной среды.

Перспективные направления исследования проблемы, на наш взгляд, связаны с формированием коммуникативной компетентности у студентов на каждой ступени их профессионального образования и на основе специализированных технологий, а также с формированием у будущих педагогов целостных систем коммуникативных компетенций конкретной, заранее заданной (проектной) идентичности – «модератор», «интерлокер», «навигатор», «старший друг», «третейский судья», «культуролог», «эстет и стилист педагогической коммуникации» и другие, как это предлагается в [9, 10].

Литература

1. . . . Технологии направленной трансляции смыслов в обучении // Российский психол. журн. 2007. Т. 5, № 4. С. 56–58.
2. . . . Трансформация личностных особенностей студентов – будущих педагогов в период модернизации образования // Российский психол. журн. 2007. Т. 4, № 4. С. 55–62.
3. . . . На путях в миражи? (к современным стратегиям развития образования в России) // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 21–29.
4. . . . Региональный вуз в современной России // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 59–64.
5. . . . Региональный вуз выпадает из стратегии развития отечественного образования // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 38–42.
6. . . . Типология коммуникативных стилей у будущих учителей // Казанский пед. журн. 2007. № 6. С. 49–55.
7. . . . О коммуникативной компетентности социального педагога // Подготовка специалиста в области образования : сб. науч. ст. Чебоксары, 2006. С. 173–175.
8. . . . Готовность будущих учителей к педагогическому общению // Вестник Бурятского ун-та. Серия 7. Педагогика. 2006. Вып. 14. С. 126–134.
9. . . . Компетентностное образование: к проблеме воплощения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 71–76.
10. . . . Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 16–23.

References

1. Abakumova I.V., Kagermazova L.Ts. *Tekhnologii napravlennoi translyatsii smyslov v obuchenii* [Technologies of Directed Translation of Meanings in Teaching]. *Rossiiskii psikhol. zhurn.*, 2007, vol. 5, no 4, pp. 56-58.
2. Kagermazova L.Ts. *Transformatsiya lichnostnykh osobennostei studentov – budushchikh pedagogov v period modernizatsii obrazovaniya* [Transformation of Personality Characteristics of Students - Future Teachers in the Period of Education Modernization]. *Rossiiskii psikhol. zhurn.*, 2007, vol. 4, no 4, pp. 55-62.
3. Tkhatapsoev Kh.G. *Na putyakh v mirazhi? (k sovremennym strategiyam razvitiya obrazovaniya v Rossii)* [On the Ways to Mirages? (to Modern Education Development Strategy in Russia)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2012, no 7, pp. 21-29.
4. Karamurzov B.S. *Regional'nyi vuz v sovremennoi Rossii* [Regional University in Modern Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2013, no 6, pp. 59-64.
5. Tkhatapsoev Kh.G. *Regional'nyi vuz vypadaet iz strategii razvitiya otechestvennogo obrazovaniya* [Regional University Falls out of the Development Strategy of the National Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2014, no 2, pp. 38-42.
6. Kagermazova L.Ts. *Tipologiya kommunikativnykh stilei u budushchikh uchitelei* [Typology of Communication Styles of the Future Teachers]. *Kazanskii ped. zhurn.*, 2007, no 6, pp. 49-55.
7. Kuznetsova E.V. [On the Communicative Competence of the Social Teacher]. *Podgotovka spetsialista v oblasti obrazovaniya* [Training in the Field of Education]: sb. nauch. st. Cheboksary, 2006, pp. 173-175.
8. Tarmaeva E.V. *Gotovnost' budushchikh uchitelei k pedagogicheskomu obshcheniyu* [The Willingness of the Future Teachers to Pedagogical Dialogue]. *Vestnik Buryatskogo un-ta. Seriya 7. Pedagogika*, 2006, vol. 14, pp. 126-134.
9. Tkhatapsoev Kh.G. *Kompetentnostnoe obrazovanie: k probleme voploshcheniya* [Competence Education: to the Problem of Realization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2013, no 6, pp. 71-76.
10. Gatiatullina E.R., Tkhatapsoev Kh.G. *Identichnost': k problemam metodologii* [Identity: to the Problems of Methodology]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2010, no 4, pp. 16-23.

Поступила в редакцию

29 января 2015 г.

Явные языковые показатели нацеленности адресанта на сотрудничество с собеседником могут быть описаны как стимулирование речевого взаимодействия между участниками интервью. Они

могут быть подразделены на прямые средства раскрытия темы обсуждения и просьбу разъяснить некоторую ситуацию или событие, обнародованное в реплике собеседника.

1

Категории диалогического повествования, нацеленного на сотрудничество с собеседником в рамках неформального интервью

1. Эксплицитные средства	2. Имплицитные средства
<p>А. Прямые средства раскрытия обсуждаемой темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – обеспечивает краткое содержание: тема повествования; – маркирует окончание повествования в рамках обсуждения данной ситуации или факта: оценочный компонент повествования. <p>Б. Просьба разъяснить некоторое событие или ситуацию, обнародованную в реплике собеседника:</p> <ul style="list-style-type: none"> – способствует актуализации дейктического центра повествования: кто?, что?, когда?, где? 	<p>В. Косвенные средства раскрытия обсуждаемой темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – обеспечивает краткое содержание: тема повествования

Прямые средства раскрытия темы обсуждения актуализуются, в частности, когда один из участников неформального интервью оказывает другому участнику помощь в более детальном освещении темы. Интервьюер может также реализовать речевой акт просьбы разъяснить некоторые детали, если в повествовании интервьюируемого обнаруживаются пробелы в представлении дейктических характеристик ситуации. Косвенные языковые показатели нацеленности адресанта на сотрудничество с собеседником имеют место тогда, когда интервьюируемый актуализует какие-то ключевые моменты обсуждаемой ситуации, а интервьюируемый детализирует эти моменты, возможно, выдвигая гипотетические суждения. Категоризация каждой модели описывается нами в соответствии с нарративными структурами, которые известны так же как нарративные схематические модели, реализующиеся в теме обсуждения, актуализации дейктических характеристик обсуждаемой темы, маркировании начала, окончания повествования и подтверждающие наличие логики повествования, которая позволяет собеседнику понимать его [1].

Представим компоненты нарративной схематической модели применительно к неформальному интервью в виде табл. 2.

Прямые средства раскрытия обсуждаемой темы реализуются непосредственно после того, как ин-

тервьюер задает вопрос с целью получить информацию, интересную для читательской аудитории (например, *Can you tell me about a funny experience?*). Если интервьюируемый проявляет растерянность или трудности в обнародовании этой информации, интервьюер кратко пересказывает некоторую ситуацию, в которой принимал участие интервьюируемый, чтобы стимулировать последнего к предоставлению деталей именно этой ситуации.

В следующем примере интервьюируемый проявляет трудности в освещении личностного опыта, прибегает к аналогичным метакомментариям *I can't think of one, I can't think of anything, I can't even think of ...*

– *OK. Change the mood a little bit... Can you tell me about a funny experience? – Funny? – It is really memorable... – I can't think of one. I can't think of anything... – Holliday... – What was funny then? But every day was funny in Cyprus. We went to Cyprus this year... all of us... (Interview Magazine, May, 2008).*

В данном примере интервьюер оказывает интервьюируемому поддержку в выборе интересного для нарративного освещения события в ответ на соответствующий свой вопрос (например, *Holliday*). Оказываемая поддержка не носит многословный характер с тем, чтобы интервьюируемый сам рассказал о событии, которое вызовет повышенный интерес читательской аудитории.

Интервьюер апеллирует к когнитивной памяти собеседника, упрочняет фатический контакт с по-

следним, чтобы в интервью не обнаружилось значительных пауз.

2

Нарративные схематические модели в неформальном интервью

Тема обсуждения	Сигналы начала повествования; то, о чем повествуется; краткое содержание обсуждаемой темы
Дейктический центр повествования	Явные компоненты «кто?», «что?», «когда?», «где?», которые обнаруживаются в рассказе интервьюируемого, позволяющие читательской аудитории ориентироваться в пространстве повествования интервьюируемого, а интервьюеру задавать соответствующие вопросы для его полного раскрытия
Детализация действия	Позволяет интервьюеру понять, что произошло с интервьюируемым в аспекте обсуждаемой ситуации или факта
Оценка	Выявляет вовлеченность интервьюируемого в обсуждаемые события или факты, актуализирует то, что интересно для читательской аудитории
Результат обсуждаемой ситуации	Актуализация того, чем закончилась обсуждаемая ситуация

В следующем примере интервьюер обращает свою вопросительную реплику сразу к двум интервьюируемым. Инициативу ответа берет на себя первый интервьюируемый. Однако он не освещает свой личный опыт, а стимулирует второго интервьюируемого сделать это, задавая краткое содержание забавной ситуации. Поскольку второй интервьюируемый присутствовал на обсуждаемом событии, он излагает интересные детали этой ситуации.

Ср.: – *Okay. Changing the tone, can you think of a time where you were really embarrassed? – (laughing and pointing at Harry) Do you remember? That event at the University? Tell that one! – Oh! I was thinking about that one actually. I can't say that I'll get chucked out of the University (laughing)... (Interview Magazine, 2008, June).*

Второй интервьюируемый, реализуя реплику *Tell that one!*, возможно, нарушает конвенциональные нормы речевого взаимодействия в жанре интервью, не предоставляя требуемую информацию, а осуществляя переадресацию вопроса второму интервьюируемому. Это побуждает последнего обнародовать свой личный опыт, несмотря на первоначальную сдержанность. В то же самое время первый интервьюируемый не излагает забавные события, в которых когда-то его коллега оказался, а предоставляет право сделать это по-

следнему. В данном отношении первый интервьюируемый соблюдает нормы участия в интервью.

Моделирование сотрудничества в следующем примере основывается на предварительном знании обоих интервьюируемых той ситуации, в которой когда-то оказался один из них. Когда первый интервьюируемый выражает сомнения, второй интервьюируемый предоставляет краткое содержание ситуации, которая произошла с первым много лет назад. После этого первый интервьюируемый излагает детали этой ситуации, которые будут интересны для читательской аудитории [2].

Ср.: – *Can you think of a particular incident? – The particular incident? Don't forget you're now pushing my mind back 30 ...33 years... – I've got a good one! – I go – you can – a story for you what happened to your two children when you went to a little ca – a little – you took them to a self-service restaurant and some old lady gave, was it (name of child) some hassle about him being Greek. Was that still – do you remember that one? – I remember, but I don't remember when that was... That was an incident where we tried to sit down... (Interview Magazine, 2009, January).*

Второй интервьюируемый намеренно прерывает первого с целью выразить сотрудничество, а не конкуренцию в предоставлении на вопрос интер-

вьюера. Он предоставляет первому краткое содержание забавной ситуации, таким образом задавая тему общения, апеллируя к памяти своего коллеги (что подчеркивается эксплицитным маркером *do you remember that one?*). Тот факт, что первый интервьюируемый вспоминает данное событие, повествует о нем, свидетельствует, что он соблюдает критерий предоставления информации, интересной для читательской аудитории, который является актуальным для неформального интервью.

В большинстве собранных случаях интервьюер просит собеседника прояснить некоторые детали ситуации после того, как последний представил информацию о своем личностном опыте в этой ситуации. В частности, такое наблюдается в следующем примере, в котором речевой акт просьбы реализуется с целью прояснить временные рамки протекания обсуждаемой ситуации, которая отражает личностный опыт интервьюируемого.

Ср.: – *Can you tell me about the time that you were involved in a fight or an argument that really upset you? – It was in the restaurant and the worst bit about that was again that nobody helped me...Everybody just looked but nobody made any comments... – How long ago was that? – It was when I was a kid of about 6-8 years old... (Interview Magazine, 2009, May).*

Динамический обмен диалогическими репликами между интервьюером и интервьюируемым (известным боксером), зафиксированный в данном примере, в большей степени напоминает непринужденную беседу, чем неформальное интервью [3].

Когда в неформальном интервью актуализуются имплицитные показатели раскрытия темы, интервьюеру нет необходимости вмешиваться в процесс выбора темы для обсуждения, поскольку интервьюируемый в этом случае спонтанно излагает свой личностный опыт, который представляет интерес для читательской аудитории [4]. Другими

словами, данные показатели предстают важным прагматическим средством стимулирования интервьюируемого к диалогической активности в интересах читателей. С другой стороны, рассматриваемые показатели реализуют в интервью фатическую функцию, минимизируют участие интервьюера в коммуникативном процессе.

Литература

1. Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle, 1967. P. 12–44.
2. Labov W. Further Steps in Narrative Analysis // *J. of Narrative and Life History*. 1997. № 7 (1–4). P. 395–415.
3. Verity J. *Succeeding at Interviews*. Oxford, 2004. 129 p.
4. Heritage J. *Cognition in Discourse // Conversation and Cognition*. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; San Paulo, 2005. P. 184–203.

References

1. Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle, 1967, pp. 12-44.
2. Labov W. Further Steps in Narrative Analysis. *J. of Narrative and Life History*, 1997, no 7(1-4), pp. 395-415.
3. Verity J. *Succeeding at Interviews*. Oxford, 2004, 129 p.
4. Heritage J. *Cognition in Discourse. Conversation and Cognition*. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; San Paulo, 2005, pp. 184-203.

УДК 37.01

ОБ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМАХ И НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЛМЫКИИ

© 2015 г. М.В. Янова

( ) –
 ,
 ,
 , 11, .
 , 358000.
 E-mail: Lenkova-yanova@rambler.ru

Yanova (Lenkova) Marina Vladimirovna –
 Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher,
 Methodologist of Scientific-Information Department
 of the Institute of Comprehensive Studies
 of Arid Areas,
 Kalmyk State University,
 Pushkina St., 11, Elista, Republic of Kalmykia,
 358000.
 E-mail: Lenkova-yanova@rambler.ru

Ключевые слова:

The article deals with the issue of innovative technologies in the education of the Republic of Kalmykia. Using the example of innovative networks the author shows the development of innovative educational materials, advanced pedagogical experience in Kalmykia. A new disciplinary course "Ecology of the South of Russia", which has a regional character and has reflected the problems of implementation of the integrated course for innovative environmental pilot site "Adyk" is presented.

Keywords: *innovative technologies, establishment of the Republic of Kalmykia, KRIPKRO, experimental testing ground "Adyk", course "Ecology of the South of Russia".*

Сегодня в России идет становление новой системы высшего образования, ориентированного на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс ставит страну перед необходимостью разработки стратегического плана развития и перехода на новую модель национальных систем образования, учитывающих богатый опыт и достижения прежней системы высшего профессионального образования, а также общемировые перспективные его направления [1]. Происходит модернизация образовательной системы – предлагаются иное содержание, подходы, поведение, педагогический менталитет.

В настоящее время идет инновационный поиск путей развития образования в Республике Калмыкия. Инновационная педагогическая деятельность любого учебного заведения Республики Калмыкия должна быть ориентирована на новую модель национальной системы образования. Современный мир все больше приобретает черты глобального сообщества, приводит к расширению взаимосвязей различных стран, народов и их культур. Происходит освоение целостности единого культурного пространства, неделимости мира. Это – следствие становления качественно нового состояния культуры, которое определяется взаимодействием особенностей локальных цивилизаций современности.

В этой связи особенно важной представляется проблема обмена культурными ценностями, его роли в процессах интеграции, ознакомления с культурным наследием государств, стран и народов. В сложившихся условиях Калмыцкий РИПКРО (ректор Л. Д. Мунчинова) выстраивает современную систему повышения квалификации работников образования, включающую формирование инновационных сетей школ и разработку совместных образовательных технологий, освоение инновационных учебных материалов, передового педагогического опыта. Поскольку с 1938 г. РИПКРО – это единственное многофункциональное учреждение дополнительного профессионального образования в республике, он является центром оценки качества образования, основные направления которого – освоение нового содержания образования, работа в инновационном режиме, подготовка специалистов нового поколения. Поэтому эффективными формами учебной работы по внедрению в общеобразовательный процесс инновационных технологий по формированию ключевых профессиональных компетенций будущих специалистов будет применение различных активных форм и методов обучения: создание новых проектов, основанных на традиционно-национальном воспитании, дискуссионное обсуждение профессиональных и ключевых проблем локальной истории и историографии Калмыкии, создание проблемных ситуаций в отслеживании проблемных полей научно-исследовательской работы, подготовка профессиональных презентаций издательских новинок.

Для современной ситуации в развитии образования Калмыкии характерен обмен культурными ценностями, который является существенным фактором развития культурно-творческого потенциала народов, интенсификации процесса взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур. Происходит постепенный переход к современным формам и направлениям обогащения содержания образования, которое обеспечивает поисковую деятельность, предполагая развитие личностной ориентации. В авторских разработках тренингов по основным аспектам программного обеспечения в учебных планах отражены здоровьесберегающие и информационно-коммуникативные технологии, проектные методы обучения, современные образовательные инновации, которые обеспечивают высокое качество организации образовательного процесса на основе эффективного использования современных образовательных технологий, в том числе информационных (например, учебник «Основы буддийской культуры» для 4-го класса под

ред. Б. Китинова предназначен для изучения курса «Основы религиозных культур и светской этики»). Данный курс входит в число обязательных предметов, изучаемых в образовательной школе. Единый учебный комплекс по данному предмету включает 6 учебников: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики» и вышепредставленную книгу. Обмен культурными ценностями способствует созданию условий для диалога и сотрудничества государств, городов, относящихся к различным культурным традициям. Современный темпоральный анализ социальных процессов поднимает вопрос о месте науки и образования в системе общечеловеческих ценностей в различные исторические эпохи [2].

Откликом на различные проблемы современного мира стало введение новых курсов и разработка учебников. Дополнительно необходим курс изучения неформальной экономики, которая подкреплена сетью секторов, состоящих из самостоятельных работников и мелких предпринимателей, они представляют собой «почвенный» уровень хозяйственной активности [3], т.е. это – совокупность секторов наиболее мелких предприятий, выпадающих из сферы государственного регулирования.

Природа является основой жизни на планете и представляет собой в том числе наследие культурного, научного и рекреационного значения. С развитием техногенных процессов, введением научно-технических установок производства, происходит утрата биоразнообразия и не исключено появление экологического кризиса на планете. К традиционным аспектам проблем мира и безопасности относятся вопросы о предотвращении «экологической войны», о запрете воздействия на природу и климат в военных и иных целях.

К опасным тенденциям современного мира относятся: низкий уровень экономического развития стран «третьего мира», демографический взрыв и загрязнение окружающей среды. В учебно-методической литературе отсутствует разработка основных направлений с учетом традиционного опыта, нет описания различных высокоэффективных сельскохозяйственных методов для сохранения грунтовых вод и плодородного слоя почвы; нет методик образования, основанного на системе жизнелюбия и перехода к новому образу жизни; нет международной поддержки кардинального усиления мер по сохранению и восстановлению лесов; не обоснована опасность использования

производства хлорфторуглеродов и т.д. Новый учебный курс «Экология Юга России», имеющий региональный характер, отразил проблемы внедрения интегрированного курса экологической направленности для инновационной опытно-экспериментальной площадки «Адык». Цели курса заключаются в том, чтобы на основе комплексного анализа экологической ситуации на Юге России, выделить проблемы глобального развития, определить характерные особенности основных климатических периодов на территории аридных земель, показать эволюцию глобального потепления атмосферы, обозначить основные подходы к изучению основных вопросов на различных этапах формирования сложноорганизованных саморегулирующих экосистем.

Понятие «безопасность жизнедеятельности человека» системно дополнено характеристикой безопасности на различных уровнях: личном, национальном, биосферном (особенности безопасной жизнедеятельности в условиях природных, техногенных, информационных рисков XXI в.), отражены особенности отношения людей к природе в экологически неблагоприятной среде. Рассматриваются различные пути решения экологических проблем Юга России:

- проблемы глобального изменения климата;
- перспективы использования ядерной и термоядерной энергетики в нефтедобывающей отрасли;
- проблема достоверности информации;
- радиология, радиационная безопасность;
- оптимальный поиск модели устойчивого развития и др.

Учащиеся должны уметь различать бытовое сознание и научное познание, приводить примеры современного эмоционально-бытового отношения к явлениям окружающей среды, научно применять экологическое мышление для оценки реальности отдельных экологических рисков или угроз здоровью и окружающей среде.

Новый учебный курс рассчитан на 70 часов и поднимает на уровень дискуссионных такие вопросы, как «Экология жизненных ситуаций», «Здоровый и безопасный образ жизни», «Безопасность и экология труда», в том числе рассматривая роль будущей профессии в решении проблем экологии, безопасности, здоровья. Создавая новый курс сегодня можно говорить о проектировании модели новой системообразующей линии образования общекультурной направленности с развивающей образовательной функцией. Для нее характерны:

- интеграция содержания на основе понимания системности проблем;

– универсальность действия законов функционирования и развития сложно организованных саморегулирующихся систем;

– возрастание в обществе понимания роли прогноза в определении рисков и угроз.

Сегодня учеными разработан экологический аспект в рамках СНГ: приняты протоколы о подготовке специального соглашения по сохранению рыбных ресурсов Каспийского моря и Арала, ликвидации последствий землетрясения в Спитаке, катастрофы на Чернобыльской АЭС и др. [4].

Современное общество, основанное не только на знаниях, но и на компетентности специалистов, значительно актуализировало проблему инновационных подходов к организации образовательных процессов. К системе образования в современных условиях выдвигаются высокие требования, в соответствии с социально-экономическими изменениями и новым инновационным характером экономики страны [5]. Ведущее место в такой системе занимают инновационные методы подготовки обучающихся специалистов в системе высшего образования, которые в будущем будут непосредственно причастны к формированию и обеспечению реализации инвестиционной и инновационной политики. В данном случае этот процесс нами понимается как совершенствование педагогических технологий, совокупности методов, приемов и средств обучения. Инновационные методы обучения – это проблемная и игровая технологии, технологии коллективной и групповой деятельности, имитационные методы активного обучения, методы анализа конкретной ситуации, креативное обучение. Приоритетным направлением подготовки квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда в новых социально-экономических условиях является компетентностное образование. Социальная компетенция – это способность и готовность ответственно принимать интегральное социально-значимое решение, обладать толерантностью в социуме. Высокий уровень социальной компетентности студентов сегодня выступает гарантом их успешной адаптации к динамично меняющимся условиям жизни социума.

Литература

1. . . . . Формирование единого пространства высшего образования в условиях его модернизации // Особенности модернизации в России: прошлое и настоящее: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспи-

рантов и молодых ученых. 17 апреля 2013 г. М., 2013. С. 139–142.

2. См.: . . . Общецивилизационные ценности как дискурс темпорального анализа ценностных изменений // Морально-этические аспекты и темпорально-экологические императивы инвенционного процесса генерации новых научно-технических знаний: материалы Междунар. очной науч.-практ. конф. Ставрополь, 2014. 677 с.

3. См.: . . . Проблема возникновения и существования неформальной экономики // Морально-этические аспекты и темпорально-экологические императивы инвенционного процесса генерации новых научно-технических знаний: материалы Междунар. очной науч.-практ. конф. Ставрополь, 2014. С. 98–100.

4. . . . Экологический аспект сотрудничества в рамках Союза Независимых Государств // Морально-этические аспекты и темпорально-экологические императивы инвенционного процесса генерации новых научно-технических знаний: материалы Междунар. очной науч.-практ. конф. Ставрополь, 2014. С. 387–389.

5. . . . Инновационные методы обучения студентов // Морально-этические аспекты и темпорально-экологические императивы инвенционного процесса генерации новых научно-технических знаний: материалы Междунар. очной науч.-практ. конф. Ставрополь, 2014. С. 274–277.

References

1. Vagner M.-N.L., Ovezova U.A. [Formation of a Common Space of Higher Education in the Context of its Modernization]. *Osobennosti modernizatsii v Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Features Modernization in Russia: Past and Present]: materialy XV Vseros. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. 17 aprelya 2013 g. Moscow, 2013, pp. 139-142.

2. Medvedev N.P. [Civilizational Values as Discourse of Temporal Analysis of Value Changes]. *Moral'no-eticheskie aspekty i temporal'no-ekologicheskie imperativy investsionnogo protsesssa generatsii novykh nauchno-tekhnicheskikh znanii* [Moral and Ethical Aspects and Temporally-Ecological Imperatives of the Investment Process of Generating New Scientific and Technical Knowledge]: materialy Mezhdunar. ochnoi nauch.-prakt. konf. Stavropol, 2014, 677 p.

3. Musaeva D. [The Problem of Origin and Existence of the Informal Economy]. *Moral'no-eticheskie aspekty i temporal'no-ekologicheskie imperativy investsionnogo protsesssa generatsii novykh nauchno-tekhnicheskikh znanii* [Moral and Ethical Aspects and Temporally-Ecological Imperatives of the Investment Process of Generating New Scientific and Technical Knowledge]: materialy Mezhdunar. ochnoi nauch.-prakt. konf. Stavropol, 2014, pp. 98-100.

4. Klevakina E.V. [The Environmental Aspect of Cooperation within the Commonwealth of Independent States]. *Moral'no-eticheskie aspekty i temporal'no-ekologicheskie imperativy investsionnogo protsesssa generatsii novykh nauchno-tekhnicheskikh znanii* [Moral and Ethical Aspects and Temporally-Ecological Imperatives of the Investment Process of Generating New Scientific and Technical Knowledge]: materialy Mezhdunar. ochnoi nauch.-prakt. konf. Stavropol, 2014, pp. 387-389.

5. Yakubova E.V., Orzaliev A.A. [Innovative Methods of Teaching Students] *Moral'no-eticheskie aspekty i temporal'no-ekologicheskie imperativy investsionnogo protsesssa generatsii novykh nauchno-tekhnicheskikh znanii* [Moral and Ethical Aspects and Temporally-Ecological Imperatives of the Investment Process of Generating New Scientific and Technical Knowledge]: materialy Mezhdunar. ochnoi nauch.-prakt. konf. Stavropol, 2014, pp. 274-277.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Пятая юбилейная Международная научно-практическая конференция «Глобальный мир: многополярность, антикризисные императивы, институты» (- - , 22–24 2014 .)

Конференция проводилась в Южном федеральном университете на базе экономического факультета и Высшей школы бизнеса ЮФУ. Участие принимали около 300 отечественных и зарубежных ученых. Состоялось пленарное заседание и вели работу 9 секций; в формате видеоконференции прошел круглый стол с учеными Дагестанского государственного университета, другие обсуждения.

В своем докладе М.А. Боровская (ЮФУ, Ростов) остановилась прежде всего на стратегических направлениях развития российских университетов в современном мире. В содержании образования это – практикоориентированный (прикладной) бакалавриат, технологическая магистратура, модернизация федеральных государственных образовательных стандартов, аспирантура как уровень высшего образования. В технологии обучения – академическая мобильность (сетевое обучение и сетевое сотрудничество с другими образовательными организациями, в том числе иностранными, что приведет к предметной специализации вузов, развитие проекта Coursera, др.), взаимодействие с предприятиями (через базовые кафедры), использование МООС (массовые открытые онлайн курсы), электронное обучение. Опросы студентов ЮФУ показывают, что им не хватает прикладных знаний, поэтому базовые кафедры на предприятиях должны быть организованы при тесном взаимодействии образовательных учреждений и предприятий, профессиональных ассоциаций на принципах частно-государственного партнерства. Структурные преобразования и оценка качества обучения – особые программы для ведущих и поддержка региональных вузов, модернизация педагогического образования, мониторинг, профессионально-общественная аккредитация, аккредитация образовательных программ за рубежом и т.д. Финансовое обеспечение научно-образовательной деятельности – новые подходы к формированию и распределению контрольных цифр приема, повышение заработной платы профессорско-преподавательского состава, переход на нормативно-подушевое финансирование. Докладчик показала необходимость совершенствования законодательства об образовании, системности образовательных модулей, развития гуманитаризации высшей школы. Ею также были обозначены основные направления повышения эффективности и качества организации науки в университетах: развитие фундаментальных и прикладных научных исследований, системы инструментов финансирования науки на конкурсной основе; формирование сети исследовательских лабораторий на базе образовательных организаций под руководством ведущих ученых, разработка и внедрение механизмов

эффективных контрактов с исследователями и др. В повестке дня стоит эффективная коллаборация ученых ЮФО, совершенствование научно-образовательного консорциума, оптимизация сети диссертационных советов ЮФО.

Ю.М. Осипов (МГУ, Москва) отметил, что мир меняется в направлении если не большой мировой конфронтации, то большего конфронтационного напряжения. Глобальный империализм осуществляет глобализацию планеты. Идет борьба за доминирование в мире, за мировые ресурсы, выживание. Уже нет однополярного мира, но еще нет и многополярного, поэтому отдельным странам не просто расставаться со своим мировым лидерством. Докладчик представил Россию как средину, север и северо-восток Евразии, и в этом ее уникальность, специфическая историческая программа. Но Россия – не смесь Европы с Азией, а самостоятельная целостность с фундаментальным генотипом и укоренившимися архетипами. Миссия России – в заботе о себе и о русском мире. Не всем нравится, что Россия выходит на новый исторический старт. Украина, потворствуемая ЕвроАмерикой, совершает большую ошибку, когда отрицает консенсус различных моделей развития, что составляет основу принципов демократии. Расширение НАТО на восток не добавит миру безопасность. Глобализация стимулирует международную интеграцию, в том числе и как средство спасения от глобалистического империализма. Это еще более актуализирует Евразийскую (постсоветскую) международную интеграцию. Но любая региональная интеграция не проходит мимо пристального внимания стран в ней не участвующих. Будучи сложным, противоречивым и разнообразно протекающим многофакторным процессом с протяженной во времени многоходовой и разноплановой реализацией, евразийская экономическая интеграция требует системного экспертно-интеллектуального осмысления, концептуального обоснования и мобильного проектного моделирования, учета страновых, региональных и общемировых состояний и характеристик, потребностей и геостратегических тенденций.

А.Ю. Архипов (ЮФУ, Ростов) проанализировал вызовы глобального мира. Исследование этой проблемы раскрывает особенности современного развития глобализационных процессов, кризисное состояние мировой экономики. Докладчик показал, что однополярный мир безальтернативного неолиберального направления в свое время способствовал развязыванию военных конфликтов в Ираке, Югославии, Афганистане, других странах. Но со временем появляются новые центры мировой силы. По объему промышленного производства

на первое место в мире выходит Китай, догоняя США по показателю ВВП. Значительные темпы роста демонстрировали страны группы БРИКС. Проводятся саммиты глав государств G-20, вырабатывая меры по координации мировой экономики. США, пытаясь сохранить лидерство, создавали зоны нестабильности в различных регионах мира, в том числе на Украине, стремясь не дать развиваться интеграции на Евразийском пространстве, а заодно и сдерживать ЕС. Докладчик показал, как эффективное противостояние новым вызовам нашей стране связано с решением старых проблем. Это – и рост сырьевой направленности экономики; слабые механизмы инновационного развития с негативной тенденцией снижения роста затрат на исследования и разработки, уменьшением доли высокотехнологичной продукции в экспорте; значительной зависимостью от импорта и т.д. В первую очередь следует создать благоприятную среду для бизнеса и инновационной экономики, способствовать развитию обрабатывающей промышленности, производству товаров с высокой добавленной стоимостью, достижению конкурентоспособности субъектов экономики, развитию импортозамещения, эффективному государственному регулированию экономики, оптимальному социальному развитию.

Г.Б. Клейнер (ЦЭМИ, Москва) акцентировал внимание на теоретических аспектах нормативной экономической науки, способствующей формулированию правил и требований, которым должна удовлетворять экономика. Постановка обоснованных целей развития и выработка соответствующей экономической политики являются чрезвычайно важными для выбора стратегии развития. К примеру, ответ на вопрос «рынок – цель или средство?» делит экономистов и политиков на два лагеря. Нормативный подход проявляется в «Вашингтонском консенсусе», реализующем неоклассическую теорию, или в «Пекинском консенсусе», базирующемся на институционально-эволюционной теории. По мнению докладчика, новая нормативная экономическая теория должна ориентироваться на гармонизацию социально-экономического пространства страны и органичность его развития, что достигается разработкой системной экономической теории, синтезирующей элементы неоклассической, институциональной и эволюционной концепций с использованием достижений общей теории систем и пространственно-временного подхода. Докладчик обосновывал следующие обязательства экономики по отношению к ее системным контрагентам. Экономика должна: предоставлять социуму рабочие места в соответствии с его потенциалом и потребностями экономики; обеспечивать потребности общества в экономических благах, возможность перемещения трудовых ресурсов и продукции, гармонизировать условия жизнедеятельности всех индивидов и социальных групп на всей территории страны; предоставлять бизнесу условия и ресурсы для реализации предпринимательских инициатив; быть восприимчивой к инновациям, исходящим от бизнеса, отбирать их для возможного распространения и закрепления в виде рутин; координировать взаи-

модействие и гармонизировать взаимоотношения социума и бизнеса; обеспечивать движение к общему и локальному экономическому равновесию. Докладчиком обосновывались также следующие нормативные качества экономики: глубокая, многомерная и многоаспектная диверсификация (рабочих мест, продукции, др.); социальная лояльность – партнерство экономики с социумом; толерантность по отношению к бизнесу и стратегическое партнерство с ним; экстенсивность экономики, поскольку сверхэффективное использование ресурсов может привести к безработице, чрезмерной социально-экономической дифференциации и др. В заключение были определены основные направления реализации приведенных норм и обязательств экономики.

А.Д. Гомцяц (Генеральный консул Республики Армения) остановился на анализе и перспективах развития торгово-экономических связей России и Армении. Несмотря на транспортную блокаду, Республика Армения (РА) сотрудничает во внешней торговле с разными странами: СНГ, Восточной и Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока, Северной Америки и т.д. Вместе с тем РФ остается основным торгово-экономическим партнером РА. Ежегодный рост внешней торговли между ними в последние годы составляет от 22 до 26 %. В динамике экспорта Армении наблюдается рост пищевой продукции (алкоголь), горнодобывающей промышленности (медь, молибден, драгоценные и полудрагоценные камни) и др. В 2010 г. экспорт составил 19,2 % объема товаров импорта из России. Анализ экспорта Армении групп товаров «Молочная продукция, птицы, натуральный мед и другие продукты питания» показывает, что в этом направлении Армения имеет серьезные ресурсы увеличения объемов. К примеру, в РА более 100 предприятий производят молоко и молочные продукты, яйцо птицы, натуральный мед и другие продукты питания животного происхождения, в РФ только 72 предприятия производят молочную продукцию. До распада СССР Армения производила и экспортировала до 50 % производимых в Советском Союзе высококачественных элитных сортов сыра (Шведский, Голландский, Лори и т.д.). В настоящее время республика достигла относительной макроэкономической стабильности, в ее экономике происходят позитивные процессы, растет объем ВВП. Национальное законодательство РА, регулирующее внешнюю торговлю, соответствует требованиям ВТО, что способствует увеличению ее внешнеторгового оборота. Армения диверсифицирует географию внешнеторгового оборота, развивая старые и налаживая новые торговые и экономические связи и с зарубежными странами.

С.Н. Сильвестров (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) обратил внимание на проблемы мониторинга и регулирования рисков глобального развития. Значительно способствовали финансовому и экономическому кризису 2007–2009 гг. игнорирование и/или недооценка макроэкономических последствий системных рисков. В этой связи в рамках G-20 мониторинг системных рисков предполагает: выработку общих подходов к идентификации рисков и дисбалансов глобаль-

ного развития, согласование экономических политик стран на основе общих институтов; выявление общих тенденций, сильных и слабых сторон в экономическом развитии стран G-20; анализ внутреннего и внешнего долга (в большинстве стран Европы государственный долг многократно превышает маастрихские ограничения). Вследствие кризисных явлений наблюдаются невозвраты долгов. Докладчик показал, что банки развитых стран не обладают достаточными фондами для покрытия своих понесенных, а тем более предстоящих потерь. В Европе недостает около полутора триллионов долларов, а рекапитализация банков при плохом состоянии финансовых рынков обеспечивается только государством за счет эмиссии и налогоплательщиков. Но у властей нет средств в необходимых размерах. Выявляются следующие тенденции: финансовый кризис ускориł банковскую консолидацию, крупные банки стали еще влиятельнее и образуют разветвленные финансовые конгломераты; основная поддержка Правительств приходится на крупные банки; через них оказывается поддержка средним и малым банкам, что ведет к их поглощению или банкротству; крупные банки направляют капитал на товарные рынки, расцветают также финансовые спекуляции. Кризис на рынке казначейских обязательств может начаться в США, но будет иметь продолжение в Еврозоне. Многочисленные идентифицированные риски глобального развития формируют вероятность новых кризисов.

Натаражан Панханатам (Университет Аннамалай, Индия) остановился на проблемах формирования глобального многополярного мира. Он показал, как многополярность устраняет доминирование одной страны над другими, способствует сдерживанию реализации эгоистических интересов отдельных стран и регионов, содействует политической стабильности, терпимости, расширению и углублению дипломатических отношений и равноправного уважительного диалога, установлению баланса и равновесия мировых сил, способствует равному и продуктивному сотрудничеству и т.д. Только в кооперации мировых центров возможно эффективное решение глобальных вызовов для многих стран, многообразных мировых кризисов и проблем и др. Многополярная экономика выступает центром притяжения различных стран на региональном уровне. На международной арене Россия, опираясь на свои многогранные ресурсы, активно участвует в формировании новой карты многополярного мира. Далее докладчик показал, как в современных условиях создания многоцентричности действуют интеграционные объединения, к примеру стран БРИКС и др.

А.В. Ишханов (КГУ, Краснодар), анализируя развитие мировой валютной системы, отметил, что современный глобальный кризис выявил неэффективность существующей мировой валютной системы и способствовал возобновлению дискуссий о ее возможном реформировании. Практика показывает, что использование в качестве мирового расчетного средства национальной валюты может привести к зависимости международного де-

нежного обращения от монетарной политики и общего состояния экономики отдельного государства. Противоречия между функциями доллара США как национальной и мировой валюты в настоящее время проявляются особенно остро. В условиях кризиса мировая валюта должна оставаться стабильной, выполняя функции защиты сбережений от инфляции и сохранения стоимости независимо от национальных финансовых интересов. Специалисты обсуждают наиболее вероятные пути реформирования мировой валютной системы: создание двухвалютной системы, основанной на стандарте доллара США и евро; формирование многовалютной системы на базе национальных денежных единиц, наиболее востребованных мировым сообществом в качестве средств платежа и резервирования; введение многоотраслевого стандарта; внедрение новой единой наднациональной денежной единицы и др. Докладчик провел анализ выделенных направлений реформирования и пришел к выводу, что в ближайшее время нельзя практически ожидать перехода на новую мировую денежную единицу поскольку у многих стран имеются значительные резервы, а также инвестиции в инструментах резервных валют.

В.Н. Овчинников (ЮФУ, Ростов) остановился на современных тенденциях экономического развития России последних лет. По некоторым оценкам, экономика России уже вошла в стадию рецессии прежде всего по причине отсутствия роста инвестиций, завершения ряда мегапроектов. По мнению докладчика, перспективы преодоления начавшейся рецессии на путях задействования преобразующих инвестиций в отраслях обрабатывающей промышленности связаны с процессом неоиндустриализации российской экономики. Докладчик различает понятия неоиндустриализации и реиндустриализации.

Процессы реиндустриализации экономик ряда стран стали понятными после крушения идеологии вхождения общественного развития в постиндустриальную эпоху. Вывоза базовые отрасли индустриального производства в развивающиеся страны, развитые страны провозгласили себя постиндустриальным обществом, базирующемся на новых технологических укладах, адекватных экономике услуг, экономике знаний, финансовике и т.п. Практика же показала ошибочность этой недальновидной политики, выявив угрозы экономической безопасности стран, специфически виртуальным образом избавившихся от индустриального производства, завышая удельный вес отраслей сервисной сферы. Не случайно США и ряд стран Западной Европы возвращают себе ранее вывезенные в развивающиеся страны отрасли индустриального производства, реализуя ставшую модной концепцию рещоризации своих экономик. В этой специфической форме рещоризации и осуществляется ныне процесс реиндустриализации их искусственно деиндустриализованного производства.

Российская же стратегия неоиндустриализации имеет иную экономическую природу и стартовые условия. Россия стремится возродить и использовать потенциал индустриального технологического уклада, трезво оце-

нивая его возможности, вплоть до исчерпания на пути смены поколений индустриальных средств (машин, оборудования, транспорта и т. д.). Инвестиционные вложения в обновление технико-технологического строя производства даст импульс развитию основных и смежных отраслей сферы производства и услуг.

На пленарном заседании конференции была организована панельная дискуссия по теме «Регионы России в современном глобализационном развитии».

О.Ю. Мамедов (ЮФУ, Ростов) в своем выступлении выделил основные направления эффективной экономики на Северном Кавказе, определил ее исходные проблемы: соотношение общероссийской и северокавказской модернизации экономики по содержанию, стратегии первичности и вторичности реформирования, взаимодействия инновационных целей и инновационных средств их достижения, региональной асинхронности и т.д. Особенность северокавказской экономики – в наличии значительного объема «неформального» сектора: теневого предпринимательства, товарного личного хозяйства населения, мелкой торговли, услуг и пр., что требует осторожной и постепенной их легитимации. Реальность северокавказской экономики – в суперэтанализме, бюрократизме, централизме, коррупции и монополизме. Модернизация на Северном Кавказе – это модернизация технологий, методов хозяйствования, организации экономики, социальной, политической сфер. Докладчик остановился также на основных средствах реформирования экономики Северного Кавказа, в том числе устранении этатической модели, разработке программы реальной поддержки местного населения, бюджетной самодостаточности, поддержке занятости и подготовке будущих мигрантов к эффективной социально-трудовой адаптации за пределами Северного Кавказа и др.

Н.Н. Евченко (ЮФУ, Ростов) заострила внимание на проблемах конкурентного позиционирования регионов Юга России в условиях ВТО. Конкурентная среда в России осложнена высокой долей государственного присутствия и значительным уровнем монополизма в экономике, что приводит к постепенной утрате потенциальными экспортерами навыков хозяйствования в жесткой конкурентной среде мировых рынков. Выявление роли региональной составляющей в реализации внешних стратегий предприятий актуализировалась лишь в последние годы в связи с разработкой мер федерального и регионального уровня по поддержке экспорта. На Юге России разработана и утверждена Стратегия экономического развития ЮФО до 2020 г. По мнению докладчика, авторы Стратегии рассмотрели лишь отдельные проблемы глобализационных изменений и их последствий, а задачи и детальные механизмы стратегической интеграции Юга России в глобальную экономику практически не предложены за исключением двух направлений: 1) сотрудничество со странами Средиземноморского бассейна; 2) развитие международного транспортно-логистического комплекса.

По уровню инвестиционной активности страны Средиземноморского района – относительно «бедны» и не

являются лидирующими среди потенциально значимых для ЮФО. На деле наблюдается углубление диверсификации внешнеторговых связей предприятий ЮФО, отражающее потерю доминирования Средиземноморского вектора внешнеторгового сотрудничества. Практика также показывает, что экспортеры являются наиболее динамичной, предприимчивой, модернизационно-ориентированной группой компаний любой страны, поэтому государства мира формируют эффективные системы стимулирования экспорта, а партнеры даже на внутреннем рынке предпочитают взаимодействие с компаниями, имеющими опыт международной деятельности, поскольку они располагают современными технологиями производства, управления и т.д.

Величина добавленной стоимости определяет конкурентные позиции и качество процесса использования преимуществ членства России в ВТО. Опыт продвижения товаров и услуг на внешние рынки, который включает продажи и импортные закупки, создает предпосылки качественного изменения технологий производства, импортозамещения, роста производительности труда. Внимание к проблемам регионального экспорта в условиях членства России в ВТО требует кардинальной перестройки механизма взаимодействия с предпринимателями, реагирования на их запросы, создания институтов стимулирования предпринимательской активности на внешних рынках, что будет содействовать и соответствующему росту конкурентоспособности региональной экономики.

Л.Г. Матвеева (ЮФУ, Ростов) в своем выступлении отметила то, как стратегия перехода на несырьевую модель российской экономики корректируется под воздействием внешних санкций и угроз политикой импортозамещения на основе преимущественного наращивания и эффективного использования потенциала российских макрорегионов (федеральных округов) и отдельных регионов в их составе. В Центральном федеральном округе объемы иностранных инвестиций в экономику более чем в 34 раза превышают объемы отечественных, в Уральском – более чем в 8 раз, в Дальневосточном – более чем в 7 раз. Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах России. Исключение составляет только СКФО, где объем иностранных инвестиций в целом равен объему отечественных инвестиций.

В последние годы стратегические ориентиры РФ были направлены на цели мировой глобализации в ущерб порой внутренним целям развития государства. Новая модель управления в условиях риска экономических санкций требует четкого понимания того, что такие санкции являются не только угрозой, но и ресурсом развития.

Докладчик подчеркнула, что элементами новой стратегии выступают: «территории опережающего роста» – драйверы экономики; конвергенция полюсов роста, территориальных промышленных и межрегиональных кластеров сбалансированного развития с вектором на опережающий рост. В странах ЕС, к примеру, функционирует более 2 тыс. кластеров, которые производят

более 60 % ВВП. Формирование региональных полюсов экономического роста возможно только на основе активизации инновационных процессов, развитие стратегических консорциумов как формы совместной деятельности участников на период жизненного цикла инновационного проекта является одним из эффективных механизмов взаимодействия разномасштабного бизнеса и научных организаций из разных регионов, обеспечивающих наращивание инновационного потенциала промышленности Юга России.

А.А. Лысоченко (ЮФУ, Ростов) дискутировал с предшествующими докладчиками, останавливаясь на адаптационных мерах регионального уровня агропромышленной отрасли к условиям ВТО. Вступление России в ВТО определяет новые направления в развитии сельского хозяйства Ростовской области. Динамика изменения основных показателей социально-экономического развития Ростовской области свидетельствует о реализации благоприятного сценария вхождения большинства основных отраслей АПК и крупных сельскохозяйственных предприятий региона в сферу действия ВТО. В то же время может пострадать деятельность большого количества низкоэффективных производств пищевой промышленности, в малом и среднем бизнесе, поддерживаемых усилиями территориальных администраций с сохранением монопольных позиций на поставки для муниципальных нужд. В среднем по пищевой отрасли себестоимость достаточно высокая, что сказывается на рентабельности продаж и может негативно отразиться на финансово-экономическом положении действующих предприятий при возможном снижении цен на продукцию, хотя пока на потребительском рынке цены только растут.

Итог вступления России в ВТО проявится лишь через несколько лет, а окончательные итоги как для сельского хозяйства, так и всей экономики страны будут очевидны по истечении переходного периода, который для сельского хозяйства является наиболее длительным. Выступающий отметил, что в Ростовской области разработаны программы адаптации к условиям членства в ВТО. Но скорректированные импортные пошлины со вступлением в ВТО оказывают неоднозначное влияние на оборот сельскохозяйственной продукции. Существует ряд скрытых угроз для развития молочного животноводства, свиноводства и др. После присоединения к ВТО в АПК Ростовской области произошло снижение объемов поставок за рубеж. Для повышения конкурентоспособности отечественной продукции и выравнивания условий деятельности с другими странами-участницами ВТО в России необходима поддержка хозяйствующих субъектов со стороны государства.

О.С. Белокрылова (ЮФУ, Ростов) продолжила дискуссию в аспекте проблемы земельных конфликтов на Юге России и мерах их устранения. Специфика землеобеспечения в разных регионах России объективно обуславливает дифференциацию институционально-правовых основ функционирования земельных отношений. На Юге России, особенно в республиках СКФО, где аграрный характер экономики в условиях рыночно-трансформационных пре-

образований существенно усилился, возникли острые проблемы в сфере земельных отношений. Земля для большинства населения южной части России является основным источником доходов. Расширяющиеся земельные конфликты объективно требуют модернизации институтов, защиты земельной собственности, гарантии частной собственности на землю как базы формирования и эффективного функционирования цивилизованного земельного рынка.

Проведенные исследования позволяют тестировать основные причины и противоречия земельных конфликтов на Северном Кавказе. Это – несовершенство федерального и местного законодательства, когда невозможность унифицированной по всей России реализации федерального законодательства порождает необходимость институционализации специфических норм в местных законах, противоречащих нормам соседних регионов, что провоцирует рост политизированности земельных конфликтов; отсутствие легального оборота земель (кроме Карачаево-Черкессии, где земельный вопрос в основном решен); сохранение по разным причинам моратория на приватизацию земель сельскохозяйственного назначения, что в Северо-Кавказских республиках выступает серьезным коррупционно-генерирующим фактором (особенно в Дагестане, где отгонные пастбища сдаются в аренду по непрозрачным механизмам); появление неформальных норм регулирования земельных отношений – решение земельных конфликтов в местных мечетях.

Изучение проблемных ситуаций и обобщение причин земельных конфликтов, наблюдаемых на Юге России, позволяют предложить меры по предотвращению этнической напряженности вокруг земельного вопроса. Это – учет региональной дифференциации и исторической составляющей в территориальном и административном делении на Юге России; в некоторых случаях, где приватизация и реализация земель прошла в нелегальном русле, возможность введения процесса реституции земель; развитие долгосрочных арендных отношений; создание земельного фонда и транспарентность сделок с землей; устранение административных и этносоциальных барьеров; введение института частной собственности на землю и создание механизмов информсента, т.е. его защиты; радикальное увеличение штрафов за порчу земель. Докладчик также отметила, что на пути устранения напряженности вокруг земельного вопроса существуют различные институциональные ловушки.

Шокри Шахабалдин, Сеид Мехди Мирдамади (Исламский университет Азад, Иран) поделились опытом выявления основных рисков, с которыми сталкиваются молочные животноводческие хозяйства ряда регионов Ирана. Стратегия управления рисками направлена на выживание владельцев малого бизнеса, в том числе фермеров. Такая стратегия может варьироваться от неформальных способов управления рисками, таких как диверсификация посевов, до сельскохозяйственного страхования и использования фьючерсов. Пятидесяти молочным животноводческим хозяйствам было предло-

жено ранжировать риски по шкале Лайкерта, начиная от 1 (низкий) до 5 (очень высокий). В результате ранжирования выявилось, что недостаток ветеринарной помощи, грозы и наводнения, землетрясения, повышение цен на корма и снижение цен на молоко считаются основными рисками в молочном животноводстве. При использовании в последующем непараметрических биномиальных тестов для изучения способности животноводов применять экономические знания в целях борьбы с идентифицированными рисками выявлено, что те слабо используют экономические возможности и необходимые инструменты в работе с любым типом рисков.

Н.П. Кетова (ЮФУ, Ростов) в своем выступлении обратилась к проблеме регионального бренда как маркетингового инструмента формирования позитивного имиджа территории. Региональный бренд представляет собой уникальный эмоционально-позитивный образ, обусловленный особенностями территории, ставший широко известным общественности и заинтересованным «потребителям». Бренд региона – важнейший фактор наращивания конкурентных преимуществ и роста доходов территории, ценный материальный актив ее экономики участвует в формировании имиджа региона. Для позитивного имиджа используется инструментарий регионального маркетинга, в том числе брендинг. Можно привести примеры позитивного имиджа бренда государства и входящих в него административных единиц: страны, области, края, города и т.д.: «Израиль – Земля обетованная», «Санкт-Петербург – культурная столица

России» и др. Докладчик детально остановилась на институционализированных структурах, формирующих позитивный имидж региона, с использованием средств и инструментов маркетинга и других технологий. Это – органы федеральной, региональной и муниципальной власти (законодательной и исполнительной), политические партии и движения, средства массовой информации, профессиональные объединения и союзы, торгово-промышленные палаты, общественные организации, выставочно-ярмарочные комплексы, рекламные и PR-агентства, интернет-сообщество, региональные производители товаров и услуг и др. Геобрендингом (позиционированием) Ростовской области и города Ростова-на-Дону для создания позитивного имиджа, по мнению докладчика, может быть развитие бизнес-среды Ростова как «Делового Центра Юга России»; повышение эффективности функционирования и культуры потребительского рынка, подтверждение имиджа Ростова-на-Дону как «Центра торговли и развлечений»; развитие инновационно-производственного, исследовательского и образовательного комплексов, утверждение Ростовской области как «Центра инноваций и качественного образования»; стимулирование развития высокотехнологичного АПК «Ростовская область: высокое качество и отменный вкус наших продуктов».

По итогам работы конференции были приняты рекомендации, направленные на осмысление и решение вызовов современности.

А.Ю. Архипов, Е.М. Мартишин

Всероссийская научная конференция «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (- - , 26–27 2014 .)

Конференция состоялась на базе Института истории и международных отношений Южного федерального университета (ИИМО ЮФУ), который выступил ее организатором. Замысел конференции родился в ходе творческого обсуждения сотрудниками ИИМО ЮФУ вопросов организации новых продолжающихся научных проектов, направленных на консолидацию институтской научно-педагогической корпорации, научных сообществ Юга России и на развитие межвузовской научной кооперации, опираясь при этом на лучшие научные традиции РГУ [1]. Учитывая данные обстоятельства, а также высокий уровень профессионального интереса, проявленного к конференции широким кругом специалистов из разных научных центров, оргкомитет положительно рассмотрел все поступившие заявки, в том числе отражающие историю границ и пограничья за пределами Юга России. Всего в адрес оргкомитета поступило более 60 заявок из различных научных и образовательных центров России и Украины.

Ключевыми вопросами, предложенными к обсуждению на конференции и заранее представленными в публичном пространстве, стали следующие: концепция

фронтира и ее эвристический потенциал; границы и пограничье в степном пространстве Восточной Европы; локализация археологических культур и их контактных зон на Юге России; центры культурогенеза и их периферия в археологии Юга России в эпоху палеометалла; культурное взаимодействие на границе кочевого и оседлого мира; границы и пограничье в истории империй; инструменты/механизмы формирования, поддержания и разрушения границ; жизнь на пограничье: участники и формы взаимодействия; демаркация границ и судьба пограничных сообществ; край и граница в исторических жанрах фольклора; образы границ и пограничья в культуре и опыте межкультурной коммуникации. Значительная часть заявленных вопросов нашла свое отражение в докладах, прозвучавших на состоявшейся конференции.

За два дня насыщенной работы на конференции было заслушано около 40 докладов ученых из Воронежа, Ельца, Краснодара, Нальчика, Николаева, Перми, Рязани, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Тамбова. На пленарном заседании, в частности, был озвучен совместный доклад Д.С. Жукова, В.В. Канищева, С.К. Лямина (Тамбов) «Эвристический потенциал

фрактального моделирования процессов включения южно-русского фронта в состав России в XVII – середине XIX в.», вызвавший своим междисциплинарным характером неподдельный интерес собравшихся. На пленарном заседании также прозвучали доклады Д.В. Сеня (Ростов-на-Дону) «Международные отношения последней четверти XVII в. и трансформация пограничных сообществ (на примере ногайцев и донского казачества)»; В.Г. Тахтамышева (Ростов-на-Дону) «Категория границы в онтологии и философии культуры Гегеля»; Ю.А. Мизиса (Тамбов) «Великая русская степь Восточной Европы как зона контакта между оседлыми и кочевыми народами в XVI–XVII вв.». Широкий круг охваченных докладчиками вопросов, плюрализм их взглядов на возникновение и на изменение границ, на методику интерпретации конкретно-исторического материала породили завязавшуюся уже на пленарном заседании оживленную дискуссию.

Основная работа конференции была организована в двух секциях: «Границы и пограничье в обществах древности и средневековья» и «Границы и пограничье в Новое и Новейшее время». Работа первой секции началась докладом В.П. Копылова, А.Н. Коваленко, М.Ю. Русакова (Ростов-на-Дону) «Поселенческие структуры скифо-античного времени на Дону и вопросы определения восточной границы Скифии». И.А. Снытко (Николаев, Украина) рассмотрел проблему отношений Ольвии и миксэллинов в контексте государственной политики полиса в ближайшем приграничье V–II вв. до н.э. Е.В. Вдовченко (Ростов-на-Дону) представил доклад на тему «Проблема определения границ древних кочевых сообществ (на примере сарматов)». М.О. Чурбанов (Ростов-на-Дону) проанализировал некоторые формы взаимодействия сарматской кочевой среды и населения нижнедонских меотских городищ. К.Д. Камышев (Пермь) остановился на теме «Изучение римско-иранского пограничья как научная проблема». А.А. Иванов (Ростов-на-Дону) осветил историю центров оседлости в бассейне Нижнего Дона в хазарскую эпоху (по материалам Крымского городища). Ю.В. Зеленский (Краснодар) рассмотрел тему границ между половцами и оседлыми народами на Северо-Западном Кавказе. Т.В. Богаченко (Ростов-на-Дону) выступила с темой «“Бой на границе”: особенности репрезентации границы в былинах о битве Ильи Муромца с женщиной-воительницей». Анализ фольклорных текстов был продолжен в докладе А.Е. Иваненко (Ростов-на-Дону) «Край и граница в осетинских нартовских сказаниях: эпический универсум и проблема его исторической интерпретации». Е.В. Пьявченко (Ростов-на-Дону) рассмотрела в докладе формирование жилища армянских переселенцев из Крыма на территории донского пограничья. С.В. Черницын (Ростов-на-Дону), рассказывая об отношениях Войска Донского и соседей, подробно исследовал тенденции этнокультурных контактов в условиях военного фронта.

Не менее насыщенными оказались заседания второй секции, также работавшей два дня. А.В. Беляков (Рязань)

представил доклад «Азовские выходцы 1647 г. (свои среди чужих?)», подготовленный на основе новых архивных документов. Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону) выступил с аналитическим докладом «Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера». Н.А. Жиров (Елец) исследовал в своем докладе заселение и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в конце XVI – первой трети XVII в. П.К. Напольникова (Тамбов) представила адаптационно-деятельностную модель освоения южно-русского пространства в XVI – начале XVII вв. Т.В. Жиброва (Воронеж) выступила с темой «Жизнь на пограничье: таможенное управление на юге России в XVII веке (на примере Воронежского уезда)». Ю.Ю. Клычников (Пятигорск) заявил доклад на тему «Влияние специфики северокавказского фронта на военно-политическую деятельность А.П. Ермолова». Новаторский доклад П.А. Авакова (Ростов-на-Дону) назывался «У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе 1701 г.». Н.И. Швайба (Ростов-на-Дону) подробно осветила в своем докладе пограничные конфликты запорожского казачества в период Новой Сечи (1734–1775 гг.).

В.З. Акоюн (Пятигорск) рассказал собравшимся об осуществлении политики украинизации в неказачьем регионе Юга России (на примере Ставрополя). Р.Ю. Почекаев (Санкт-Петербург) проанализировал взаимодействие правителей казахского Младшего жуза с российскими центральными и пограничными властями. А.Ю. Перетяшко (Ростов-на-Дону) исследовал оценки роли границы в истории донского казачества, данные авторами 1860 – 1880-х гг. Н.И. Красновым, М.Н. Харузиным, С.Ф. Номикосовым. В докладе Р.Г. Тикиджьяна (Ростов-на-Дону) речь шла о трансформации донского казачества в системе южных границ Российского государства. А.Ю. Рожков (Краснодар) выступил с докладом на тему «Жизненный цикл новобранца РККА в 1920-е годы как “социокультурный фронт”: к постановке проблемы». М.А. Пономарева (Ростов-на-Дону) подробно осветила тему «Основные модели демаркации границ на Северном Кавказе в 1990–1993 годах: историко-политические аспекты».

По итогам работы конференции издан сборник материалов [2], который в полнотекстовом формате будет размещен в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Проведение следующей конференции, название которой, возможно, несколько изменится с учетом пожеланий, поступивших от участников состоявшейся в ЮФУ первой «пограничной конференции», намечено на 2016 г.

Литература

1. Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д., 2014. 632 с.

2. Границы и пограничье в южно-российской истории: материалы Всероссийской науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.) / ред. колл.:

В.Ю. Апрыщенко, Е.В. Вдовченков, А.Е. Иванеско, Д.В. Сень, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2014. 628 с.

Д.В. Сень

Культура как фактор развития общества, государства, личности

(, 95-)

В минувшем году очередные Ждановские чтения приобрели статус форума работников культуры Дона и проходили на двух площадках: в Донской государственной публичной библиотеке и в Северо-Кавказском научном центре высшей школы Южного федерального университета (СКНЦ ВШ ЮФУ) – одном из главных детищ Юрия Андреевича Жданова. Мероприятие посетили более двухсот представителей научного и культурного сообщества донского региона.

Среди организаторов форума – Министерство культуры Ростовской области, Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Донское философское общество.

Перед участниками форума стояла задача: опираясь на наследие Ю.А. Жданова, осмыслить современную практику культурного строительства на Дону, выяснить основные проблемы развития культуры и определить направления и меры дальнейшего повышения эффективности культурного влияния в сфере политики, экономики, нравственного и патриотического воспитания, а также укрепления стабильности и безопасности в регионе.

На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

- Теоретические проблемы развития культуры в научном наследии Ю.А. Жданова.
- Культурное наследие Дона – в современную практику.
- Учреждения культуры как центры эстетического, нравственного и патриотического воспитания.
- Место и роль библиотек в модернизации современного общества.
- Культура и средства массовой информации: проблемы взаимодействия.
- Проблемы сохранения и развития русского языка.
- Единое культурное пространство: проблемы формирования.
- Культура человеческого общения: проблемы и пути их решения.
- Культура как источник творчества и гуманизма во всех сферах общественной жизни.
- Проблемы сохранения памятников культуры и развитие музейного дела на Дону.
- Настоящее и будущее культуры: проблемы и перспективы.

С приветственным словом к участникам форума обратились министр культуры Ростовской области, доктор социологических наук А. А. Резванов, председатель комитета Законодательного собрания Ростовской области по образованию, науке, культуре и связям с обществен-

ными объединениями В. Л. Маринова, проректор по социальной политике и развитию молодежных программ Южного федерального университета В. А. Кирик, почетный гражданин Ростовской области Н. Д. Пивоваров.

Три фактора определили основную тему традиционных Ждановских чтений – Год культуры, 100-летие Южного федерального университета, 95-летний юбилей со дня рождения Ю.А. Жданова, который считал, что культура – это добро в действии.

«Он стремился, чтобы мы доросли до понимания роли и места культуры в жизни страны, государства и каждого из нас. Мы исполняем его завет», – поясняет ведущий научный сотрудник СКНЦ ВШ ЮФУ Н.С. Авдулов.

Химик, философ, культуролог, эколог. На протяжении 30 лет Юрий Андреевич Жданов был ректором Ростовского государственного университета. Опубликовал более тысячи научных трудов. Но сам учёный всё время был собой чуточку недоволен.

«Я хотел бы лучше знать математику, а также глубже понимать политическую экономику. Всегда думаю о том, что не сделал или не прочитал», – говорил он.

«Он, будучи настоящим талантом, никогда не завидовал другим. Ему было интересно общаться с людьми. Он поддержал многих ученых, возможно, он сам себе никогда не отдавал в этом отчета», – отмечает Л.А. Суркова – заслуженный работник культуры РФ, доцент ЮФУ в докладе «В орбите Ю.А. Жданова».

Вспомнить тёплыми словами Юрия Андреевича пришли не только деятели культуры Ростовской области, но и учёные, преподаватели, студенты – десятки людей, которые знали лично или много слышали о человеке, который видел в культуре действующую силу развития современного общества.

По мнению участников Ждановских чтений, повысить уровень духовности в стране должна программа государственной культурной политики России.

«Культура не может быть воспринята как отрасль. Тем более как отрасль, оказывающая услуги. Следующее – это понимание, что Россия – страна, созданная великой культурой, поэтому сохранение этой культуры и её развитие – это абсолютное условие существования России в будущем. Одно из обязательных условий, которое ставилось разработчиками – это необходимость написания документа доступным языком», – объясняет член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации, директор музея-заповедника М.А. Шолохова, член Общественной палаты РФ А.М. Шолохов.

Этот документ, действие которого рассчитано на несколько десятков лет, должен стать одним из итогов российского Года культуры. И уже на этой основе вырастет соответствующий федеральный закон, необходимость которого у участников форума не вызывает сомнений.

Помимо доклада А.М. Шолохова «О проекте Государственной культурной политики Российской Федерации» на пленарном заседании был заслушан ряд докладов ведущих ученых г. Ростова-на-Дону. Г. В. Драч – заслуженный деятель науки РФ (ЮФУ) в докладе «Культура как стратегический ресурс: современная ситуация» подчеркнул, что культура – это мощный механизм антропологического воздействия, способ адаптации индивида к культурным потребностям общества и индивидуальной реализации накопленного этнического и национального опыта. Автор убежден в необходимости построения понятийно-концептуальной схемы на основе анализа просвещенческой модели. Достижения Просвещения, его резюме – это свобода личности, права собственности. Если для России они задают вектор культурных предпочтений и социального развития, т. е. будущее, то для Запада – это итог реализовавшей себя просвещенческой парадигмы и агонального импульса античности. В России новый модернизационный импульс может возникнуть только в среде образования и воспитания, он связан с формированием нового типа личности и соответственно нового типа культуры, ориентированного на личную свободу и право, что и составляет главный ресурс культуры.

А. М. Старостин (ЮРИФ РАНХиГС при Президенте РФ) в докладе «Ю.А. Жданов и проблема культурного кода цивилизации», В. С. Золотарев в докладе «Проблемы формирования единого культурного пространства», Н. С. Авдулов (СКНЦ ВШ ЮФУ) в докладе «Проблемы формирования культуры общения в научном наследии Ю.А. Жданова» развивали его идеи применительно к современности.

В рамках форума работали пять секций и круглый стол. Секция № 1 «Ю.А. Жданов о культуре мышления, теории и истории культуры»; секция № 2 «Основные направления развития библиотечного и издательского дела»; секция № 3 «Охрана памятников культуры и совершенствование работы музеев»; секция № 4 «Искусство Дона и его развитие в наши дни (музыка, живопись, творческие коллективы)»; секция № 5 «Ю.А. Жданов и педагогическая культура»; Круглый стол молодых ученых и исследователей Юга России «Будущее культуры VS Культура будущего». В их работе приняли участие более 150 ученых и деятелей культуры Юга России.

В секции № 1 обсуждалась роль теории и истории культуры в научном наследии Ю.А. Жданова. На секции «Ю.А. Жданов о культуре мышления, теории и истории культуры» были заслушаны доклады и сообщения В.Д. Бакулова (ЮФУ), М.Д. Розина (СКНЦВШ ЮФУ), А.В. Белова (ЮФУ), Т.Г. Лешкевич (ЮФУ), М.М. Шульмана (СКНЦВШ ЮФУ) и других представителей научной общественности Ростова-на-Дону, Харькова, Грозного.

Оживленная дискуссия развернулась в ходе работы круглого стола молодых ученых и исследователей Юга России «Будущее культуры VS Культура будущего». В нем приняли участие студенты, аспиранты и молодые ученые ЮФУ, Рязанского государственного радиотехнического университета, Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЮРИУ РАНХиГС). Работа круглого стола была разбита на три смысловых блока. Обсуждались основные тенденции и перспективы будущего культуры с философско-антропологической позиции, практические вопросы и проблемы современного культурного пространства Ростовской области, а также гуманизма и толерантности в жизни современного общества.

В заключение перед участниками форума с концертом выступили преподаватели и сотрудники Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова.

По итогам работы форума было принято обращение его участников.

ОБРАЩЕНИЕ

« , -
 , 95- . . -
 100- -
 , -
 : , -
 , , -
 . « -
 . . . -
 , . . . , . . . , -
 , . . . , . . . -
 , , . -
 , , -
 : -
 , -
 . -
 . -
 , -
 , , -
 , -
 , -
 , -
 , -

Е.В. Чанны

Точки роста культуры (« , 2–26 2014 .)

Завершился 2014 год, объявленный в Российской Федерации Годом культуры. В Южном федеральном университете он увенчался целой серией мероприятий в рамках масштабного фестиваля «Экология культуры». Событие также было приурочено к празднованию 100-летия университета, которое ЮФУ отметит в 2015 г.

Проведение фестиваля совпало по времени с выходом Указа Президента РФ В.В. Путина «Об утверждении основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 г. № 808. В этом важнейшем документе культурное и гуманитарное развитие рассматривается как основа экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности нашей страны. Главным организатором фестиваля стала кафедра теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук, объединившая всех культурологов ЮФУ под руководством заведующей кафедрой Л.А. Штомпель.

Идеологами проекта выступили председатель оргкомитета фестиваля Т.С. Паниотова и куратор проекта Е.А. Благородова.

Почему организаторы выбрали именно такое название для фестиваля? Термин «экология культуры» был введен академиком Д.С. Лихачевым, который подчеркивал необходимость сохранения культурной среды, культурного наследия и мира культуры наряду с сохранением среды природной. Цель фестиваля – напомнить каждому из нас о том, что культура, как и природа, нуждается в защите, ведь это две неразрывно слитые грани человеческого бытия. В современном мире, в мире глобальных проблем важно не только сохранить культуру, но и выявить точки ее роста. Это задача и культурологическая, и гуманистическая, а решение ее – дело всех и каждого.

Мероприятия фестиваля собрали представителей различных специальностей и вузов Ростова-на-Дону и Юга России. Студенты, аспиранты, преподаватели, выпускники ЮФУ, а также – школьники Ростова встретились на площадках фестиваля, чтобы не только прикоснуться к

культуре, но и ответить на главный вопрос – как сегодня возможно сохранение культурного наследия.

Открытие фестиваля состоялось 2 декабря в главном корпусе ЮФУ и проходило в формате Международной научно-практической конференции «Культурное наследие в глобальной перспективе». С приветственным словом к участникам обратился министр культуры Ростовской области А.А. Резванов. Он подчеркнул важность поддержки развития культуры в Ростове-на-Дону и области, обозначил ее перспективы и указал на необходимость участия в этом процессе всего научного сообщества, в частности ведущих ученых-культурологов Южного федерального университета.

На пленарном заседании выступили известные преподаватели ЮФУ и гости из других вузов и культурно-просветительских организаций Ростова-на-Дону. Директор Института философии и социально-политических наук ЮФУ В.Д. Бакулов отметил важность культуротворческой деятельности руководимого им Института. Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Л.А. Штомпель представила вниманию слушателей презентацию кафедры теории культуры, этики и эстетики – старейшей культурологической кафедры в России. Заслуженный деятель науки РФ Г.В. Драч (ЮФУ) выступил с докладом «Античные предпосылки экологии культуры». Руководитель Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А.О. Кожин рассказал о проблемах в динамике сохранения объектов культурного наследия на примере ростовских памятников. Заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира А.В. Кияшко (ЮФУ) выступил с докладом «Культурологический подход в археологических исследованиях». Председатель Правления фонда «Танаис» Н.Г. Судоргин (РГЭУ «РИНХ») подготовил доклад на тему «Материальное воплощение культурной идентичности: Нижний Дон и Приазовье как пространство устремлений цивилизаций».

Работа продолжилась на заседаниях секций. В докладах преподавателей, студентов, магистрантов ЮФУ

обсуждались актуальные проблемы сохранения культурного наследия.

17 декабря в рамках фестиваля состоялась и II Международная научно-практическая конференция «Диалог культур: самобытность и взаимодействие культур в условиях глобализации» на базе кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

На пленарном заседании выступили как именитые ученые, так и молодые исследователи, аспиранты и магистранты ЮФУ. Доклады представили и иностранные участники из Лодзинского университета (Польша): докторант Н. Милевска-Пиндор и докторант Я. Ратушняк.

В рамках конференции прошли студенческие, аспирантские и преподавательские секции, на которых выступило более 60 докладчиков. Кроме того, заявлено около 30 заочных докладов. Среди участников конференции – представители вузов Москвы, Минска, Казани, Владивостока, Пензы, Новошахтинска, Таганрога, Ростова-на-Дону и др. Планируется издание сборника статей по итогам двух конференций в рамках фестиваля.

Мероприятия фестиваля включали в себя заседания киноклуба и литературно-поэтический вечер, множество мастер-классов и открытых лекций, викторины и экскурсии, презентации. Лекции, подчеркнувшие значимость в наши дни культурно-просветительской деятельности, были прочитаны известными учеными и преподавателями вузов Ростова: В.О. Пигулевским («Дизайн и маркетинг в современной культуре»); Т.С. Паниотовой («Вызовы современности и незащищенность культуры»); Л.А. Штомпель («Горожанин как культурно-антропологический тип»), О.М. Штомпель («Путешествие Робинзона Крузо: культурный портрет европейца XVIII века») и др.

Серия мастер-классов фестиваля позволила обозначить практическую составляющую культурологической науки. Среди них следует выделить мастер-классы заслуженного художника РФ В.Ф. Коробова, искусствоведа Г.А. Коробовой, К.Д. Скрипника и др. Целую серию творческих семинаров на площадке КИБИ медиацентра провели сотрудники музея М.А. Шолохова из ст. Вешенской.

Для школьников Ростова-на-Дону были организованы 2 викторины по культуре Донского края и по творчеству А.П. Чехова. Межведомственный научный отдел истории русской философии и культуры ЮФУ и ИФ РАН, при участии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ провел научно-познавательную игру для старшеклассников, команд лицея № 58, лицея № 103 им. С. Козлова, гимназии № 117, школы № 92, Советского района г. Ростова-на-Дону.

Гости из Нальчика провели презентацию Северо-Кавказского государственного института искусств. Проректор по научной работе СКГИИ Ф.С. Эфендиев и студенты института представили свой вуз и творческие работы, рассказали о своем городе, его культурной жизни.

Еще в начале декабря в КИБИ медиацентре ЮФУ была собрана и оформлена студенческая выставка живописи, графики, предметов декоративно-прикладного искусства и фотографии. В ЮРГИ в рамках фестиваля прошла выставка «Фотография и дизайн».

Во время работы фестиваля функционировало 7 культурных площадок; были проведены 2 научно-практические конференции по проблемам культурного наследия и диалога культур с международным участием, на которых выступили с докладами около 100 человек; 14 мастер-классов, 2 викторины для старших школьников и студентов, 2 экскурсии; прочитано 6 лекций на актуальные темы; постоянно работали 2 выставки. За 4 недели фестиваля его участниками стали сотни школьников, студентов и преподавателей ЮФУ и других вузов Ростова-на-Дону.

Партнерами ЮФУ в проведении фестиваля выступили Государственный музей-заповедник имени М.А. Шолохова, Южно-Российский гуманитарный институт (ЮРГИ), Ростовский юридический институт МВД России, Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик), Ростовская государственная консерватория имени С.В. Рахманинова и др.

Оргкомитет фестиваля и руководство университета надеются, что он не останется разовой акцией, но получит продолжение в следующем году, который в Российской Федерации назван Годом литературы.

И.В. Бурмистрова, Т.С. Паниотова, Л.А. Штомпель

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г.Г. Бауман

В 2015 г. исполняется 95 лет со дня рождения видного историка Германа Германовича Баумана. Ключевые факты его биографии неразрывно связаны с периодом становления первого советского поколения ученых, с историей Великой Отечественной войны и участием советских людей в европейском Сопротивлении, с преодолением последствий сталинизма в нашей стране и практическим решением такого вопроса, как судьба бывших советских военнопленных [1].

Г.Г. Бауман родился в 1920 г. Он рос и формировался как личность в сложные, во всех смыслах переломные для страны 1920–1930-е гг. Учился в рядовой школе Воронежа, которая «дышала тем, чем дышала вся страна: “выполним пятилетку в 4 года!”, “Догнать и перегнать!”, “Даешь выполнение промфинплана!”. По его словам, «эти и другие лозунги были и нашими лозунгами, хотя содержание многих из них мы понимали с трудом, в том числе по причине нашего возраста» [2]. Историю в школе в то время не изучали, а штудировали обществоведение по «бригадному методу». Но этого хватило, чтобы вызвать у школьников интерес к политике и истории. После окончания в 1937 г. средней школы Герман Бауман поступил на исторический факультет Московского университета. В то время на истфаке подобались студенты, которые впоследствии составили мощное поколение историков: М. Гефтер, А. Некрич, А. Немировский, А. Пронштейн и др. Очень непростой была политическая атмосфера в Москве и на факультете. На истфаке часто выступали партийные, государственные деятели, которые спустя какое-то время оказывались «врагами народа». Большинство студентов, по словам Г.Г. Баумана, искренне верили в правильность проводимой И.В. Сталиным политики и следили за ходом всех политических судебных процессов. По утрам они спешили покупать свежие газеты, чтобы узнать подробности о новых разоблачениях, которые они приветствовали. Большую роль в формировании таких убеждений у студентов сыграло творчество классика мировой литературы Л. Фейхтвангера, посетившего Москву в 1937 г. по приглашению И.В. Сталина.

Когда началась война, общим настроением и искренним желанием стало стремление идти на фронт. Война воспринималась студентами как общее всенародное испытание, которое закончится победой СССР. Студенты 4 курса, только сдавшие летнюю сессию, считали, что уже в сентябре, разбив немцев, они вернутся в свой университет для завершения учебы.

В июле 1941 г. студент 5 курса истфака МГУ Герман Бауман ушел добровольцем на фронт. В бою под городом Уваровым командир отделения 975-го артиллерийского полка 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения Г. Г. Бауман был тяжело ранен осколком мины (осколок до конца его жизни оставался в легком) и попал в плен. Пребывание в различных лагерях для военнопленных, в том числе в Западной Европе, было для него двойным испытанием, так как он мог в любой момент подвергнуться казни не только как солдат Красной армии, но и как еврей. Однако ему удалось скрыть свою национальность, выдав себя за грузина. Ни один из солагерников не выдал его.

За попытку побега из плена в 1942 г. он отбывал наказание в штрафной роте (каторжное отделение) лагеря в г. Вязьме. Только болезнь и перевод в санчасть (так спасали людей местные врачи) избавили его от смерти. В течение 1943 г. он побывал в лагерях в Польше, Германии и наконец очутился в Голландии на работах по строительству так называемого «Атлантического вала». Лагерь был трудовым. Его заключенные работали рядом с голландцами, отбывавшими трудовую повинность, и неизбежно начали общаться с ними. Голландская речь очень близка к немецкому языку, и через какое-то время Г. Бауман начал говорить по-голландски. Благодаря голландцам заключенные лагеря были в курсе событий на фронте. Многие из них понимали, что тайного саботажа во время работы недостаточно, что надо вырваться на свободу и там вести настоящую борьбу. Потребовалось время, чтобы через работавших на строительстве гол-

ландцев установить связь с подпольной антифашистской организацией, которая и устроила Герману Бауману побег из лагеря.

На свободе Г.Г. Бауман стал работать по заданиям голландских коммунистов. Вот перевод документа, выданного ему в мае 1945 г. после окончания оккупации членом ЦК КП Голландии тов. Аверинк: «Герман Бауман, рожденный 6/III 1920 г., во время своего пребывания в Голландии в период немецкой оккупации с июня 1944 г. состоял в связи с партизанским движением и по его заданию работал среди немецких и русских солдат. Вследствие своей нелегальной работы он должен был в сентябре 1944 г. уйти в подполье и продолжать работать вместе с нами. Его работа состояла в распространении нелегальной газеты «De Waarheid». В городах Лиммен, Гайло, Кастрикум, Гаарлем и Алкмаар он прочитал для местных организаций КП различные политические лекции. В марте 1945 г. он принимал участие в издании на русском языке нелегальной газеты «Правда». Он был очень хороший активный товарищ, который, несмотря на пребывание в чужой стране, очень хорошо понял политическую линию нашей партии и всеми силами поддерживал нашу работу... После капитуляции немцев он принимал активное участие в работе Коммунистической партии Голландии, особенно в районе Гаарлема. Особенно он рекомендовал себя при марксистско-ленинском обучении и обсуждении актуальных вопросов с членами и кадрами нашей партии. По заданию компартии он провел различные вечера-дискуссии с социал-демократическими рабочими о Советском Союзе и о других актуальных вопросах относительно единого фронта с коммунистами. В журнале «Учеба и борьба» он опубликовал заслуживающую внимания статью «Западно-европейский блок и его значение» (июль 1945 г.). Кроме того он принимал участие в практической работе партии, в том числе в работах Всеголландской партийной конференции в июле 1945 г. Пропагандистскую работу он вел в городах Гаарлем, Гальфвег, Сант-порт, Аймайден. Мы знаем Германа Баумана как очень аккуратного и политически хорошо развитого партийного работника» [2].

С августа 1945-го по январь 1946 г. Г.Г. Бауман работал в советских органах репатриации в Голландии, делал переводы документов с голландского на русский язык для советского посольства в Гааге по личному поручению полномочного посла СССР в Голландии В.А. Валькова. Здесь Г.Г. Бауман связал свою жизнь с Л.Ф. Акуловой, которая в 1942 г. была угнана на принудительные работы с оккупированной территории Украины. С февраля 1946-го по апрель 1947 г. он работал в оперсекторе МГБ в г. Веймаре в советской зоне оккупации переводчиком, но позже это не освободило его от необоснованных подозрений.

После окончания войны сталинизм не аннулировал приказы военного времени, приравнивавшие всех советских военнопленных к предателям Родины. В отношении бывших военнопленных и лиц, вышедших из окружения (более 1 800 000 чел.), были допущены грубейшие нарушения законности, массовый произвол и незаконные ограничения в правах.

Вернувшись в СССР (на родину жены в пос. Добрянка Черниговской области Украинской ССР), Г.Г. Бауман неожиданно для себя попал в странную ситуацию, когда его – фронтовика, защитника Москвы трагической осенью 1941 г., активного участника антифашистского сопротивления в Западной Европе не допускали к преподаванию в школе курса истории, считавшейся политической дисциплиной. Он, практически выпускник истфака МГУ, не смог добиться, чтобы ему разрешили работать по базовой специальности. В пос. Добрянка он считался очень хорошим лектором, но работники местного райкома партии из соображений перестраховки всячески отстраняли его от лекционной работы среди населения. В 1948 и 1952 гг. он, уже получив диплом МГУ, пытался поступить в аспирантуру, однако его не допустили к приемным испытаниям.

В поселковой школе Г.Г. Бауман преподавал немецкий и английский языки, руководил хором. Одновременно он занимался литературной работой, перевел на русский язык с голландского целый ряд романов и повестей, изданных в центральных московских и киевских издательствах. В частности, роман об истории Сопротивления «Страна солнца» Анны ван Гог-Каульбах, повесть Йелле Схипперса «Грузчики дядюшки Ари», повесть Артура ван Схендела «Жизнь – это праздник танца» и др. Но полного удовлетворения это ему не давало.

Сразу после судьбоносного XX съезда КПСС он пишет А.И. Микояну письмо о своей судьбе и судьбе всех советских военнопленных, в котором был предложен ряд необходимых мер по

коренному изменению ситуации. Письмо именно А.И. Микояну было отправлено потому, что секретный антисталинский доклад Н.С. Хрущева не был опубликован, а в напечатанной речи А.И. Микояна на съезде содержалась критика сталинизма.

Г.Г. Бауман писал: «Дорогой товарищ Микоян! Ваше выступление на XX съезде партии своею искренностью и смелостью произвело на меня большое впечатление и вызвало во мне ответное желание обратиться к Вам по одному важному, на мой взгляд, вопросу. Речь идет о судьбе большой группы советских граждан – бывших военнопленных 2-ой мировой войны. Как Вам, наверное, известно, десятки, а может быть и сотни тысяч советских людей в силу ряда условий (окружение, оккупация) оказались в годы войны в фашистском плену. Пройдя сквозь страшные мучения и страдания, многие из них вернулись после освобождения на Родину с горячим желанием честным трудом загладить свою вину перед Родиной. С тех пор прошло более 10 лет. За это время получили амнистии бывшие полицаи и т. п. предатели, но по отношению к бывшим военнопленным проводится по-прежнему политика дискриминации». Изложив факты своей военной и послевоенной биографии, он подчеркнул: «Тов. Микоян, прошу Вас рассматривать данное письмо не как просьбу помочь лично мне, а как постановку важного государственного вопроса, имеющего большое международное значение». Г.Г. Бауман предложил: 1) Напечатать книги о героической борьбе бывших военнопленных во Франции, Италии, Бельгии, Голландии и др. странах; 2) Сделать фильмы, подобные югославско-норвежской «Кровавой дороге» или французским «Беглецам»; 3) Реабилитировать бывших военнопленных в печати, снять с них страшное обвинение в измене Родине; 4) Предоставить бывшим военнопленным все права советских граждан.

А.И. Микоян написал резолюцию: «В ЦК КПСС. Считаю нужным обсудить поставленный в этом письме вопрос. А. Микоян 12/IV.». Письмо было разослано членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС 13 апреля 1956 г. и после обсуждения в созданной комиссии под председательством маршала Г.К. Жукова 19 апреля 1956 г. было принято Постановление Президиума ЦК КПСС «О бывших военнопленных». В нем отмечалось, что «в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все имевшиеся возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника ... Многие из них, рискуя жизнью, бежали из плена и сражались с врагом в партизанских отрядах или пробивались через линию фронта к советским войскам. Советскими органами по репатриации было учтено 2.016.480 военнослужащих, находившихся в плену. Из них 1.836.562 человека, в том числе 126 тыс. офицеров, были репатрированы на Родину. Кроме этого, по данным трофейной немецкой картотеки, в немецком плену погибло свыше 600 тыс. советских военнопленных. Есть все основания полагать, что какое-то нам неизвестное количество бывших военнопленных продолжает еще находиться за рубежом ... В отношении военнопленных и лиц, вышедших из окружения и фактически не находившихся в плену, были допущены грубейшие нарушения советской законности, массовый произвол и различные незаконные ограничения их прав. Эти извращения проявились в огульном политическом недоверии к военнослужащим, вышедшим из окружения, совершавшим побег из плена и освобожденным Советской Армией. В отношении их применялись меры, унижавшие их личное достоинство и препятствовавшие их дальнейшему использованию в армии. С 1941 г. военнослужащие, вышедшие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись через сборно-пересыльные пункты под конвоем войск НКВД в тыловые лагеря НКВД для спецпроверки (филтрации), проводившейся органами НКВД. Условия содержания военнопленных в этих спецлагерях были приказами НКВД установлены такие же, как и для особо опасных государственных преступников ... В целях ликвидации грубейших извращений, допущенных в отношении вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии и лиц, не находящихся на службе в армии, считаем необходимым:

1. Принять Постановление ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР, в котором осудить как неправильную и противоречащую интересам Советского государства практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника...» [3].

Далее следовало еще десять пунктов, подробно раскрывавших содержание необходимых мероприятий, причем некоторые из них соответствуют предложениям Г.Г. Баумана. Этот документ сыграл огромную роль в реабилитации тысяч советских людей, прошедших плен.

В отношении бывших военнопленных и его в личной судьбе уже в конце 1950-х гг. наметились серьезные перемены. В 1958 г. Г.Г. Баумана пригласили в Москву для выступления в Комитете ветеранов войны. В книге «О чем не говорилось в сводках» (М., 1962) были опубликованы его воспоминания как участника движения Сопротивления в Голландии. Когда кинорежиссер С.Ф. Бондарчук снимал известный фильм по рассказу М.А. Шолохова «Судьба человека», Г.Г. Бауман был приглашен одним из консультантов по вопросам функционирования фашистских лагерей для советских военнопленных. Все это вместе взятое открыло ему путь для вступления в ряды партии, что означало тогда официальный высокий уровень политического доверия.

Г.Г. Бауман заочно закончил факультет иностранных языков пединститута в Харькове. При этом продолжал профессионально заниматься всеобщей историей. В 1966 г. в одном из центральных научных журналов СССР («Новая и новейшая история», № 4) была напечатана его статья «Февральская забастовка 1941 г. – поворотный пункт движения сопротивления в Нидерландах» с указанием местожительства автора – «село Добрянка Черниговской области». Это была небольшая сенсация в мире ученых – учитель сельской школы из украинской глубинки опубликовал статью в ведущем столичном академическом журнале!

Г.Г. Бауман установил связь со своим однокурсником А.П. Пронштейном, который уже являлся одним из ведущих профессоров исторического факультета Ростовского госуниверситета. При его поддержке он получил возможность выйти на конкурс, объявленный по кафедре всеобщей истории. Г.Г. Бауман представил на истфак РГУ и лично декану истфака проф. В.А. Золотову, по его словам, «убедительные аргументы» в виде результатов своей научной работы, и в сентябре 1966 г. стал старшим преподавателем этой кафедры. Тот факт, что А.П. Пронштейн оказал поддержку своему однокурснику, человеку со сложной военной судьбой, объясняется не только их личной дружбой. На опыте близкого человека, талантливого ученого-историка Н.Н. Покровского, несправедливо осужденного в конце 1950-х гг. по политическому делу Ренделя – Краснопевцева и пережившего отлучение от профессии, А.П. Пронштейн хорошо понимал ситуацию Г.Г. Баумана [4].

С этого времени он стал членом ростовского научного сообщества историков-«всеобщников», в которое в разное время входили Н.А. Акимкина, А.А. Аникеев, А.А. Егоров, Ю.В. Кнышенко, М.А. Люксембург, В.Н. Смирнов, И.М. Узнародов и другие преподаватели и исследователи.

Первый крупный научный труд Г.Г. Баумана – кандидатская диссертация по теме «Рабочее движение в Нидерландах в годы гитлеровской оккупации и его роль в движении Сопротивления». Эта работа органично соединила в себе как результаты научных изысканий, так и личные впечатления участника данного процесса. Защита диссертации стала заметным событием в научном мире Ростова-на-Дону, однако в силу ряда обстоятельств она тогда не была опубликована в виде монографии. Несмотря на некоторые элементы идеологического характера, неизбежные в условиях того времени, эта работа сохраняет научную ценность и по настоящий день.

В дальнейшем Г.Г. Бауман преподавал всеобщую историю на историческом факультете Ростовского пединститута. Он постоянно публиковался в журналах «Вопросы истории», «Рабочий класс и современный мир», «Народы Азии и Африки». В центре его научных изысканий в это время была история нидерландской социал-демократии. Весомым результатом его научной деятельности стала монография «Трибунисты – революционные марксисты Нидерландов», которая была издана в Ростове н/Д в 1981 г. и переиздана в Амстердаме на голландском языке в 1988 г. В монографии «В.И. Ленин и нидерландские трибунисты» (Ростов н/Д., 1990) он показал историческое значение рабочего движения Нидерландов, которое по ряду позиций опередило создание российской социал-демократической партии «нового типа». Получив признание в научных кругах, Г.Г. Бауман выполняет ряд заказов Института всеобщей истории АН СССР по написанию разделов в Большой Советской Энциклопедии, в Советской Исторической Энциклопедии и в двухтомной академической монографии по истории Социинтерна. По просьбе

руководства центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС он разбирает архив лидеров компартии Нидерландов.

В 1984 г. Г.Г. Бауман в Институте Всеобщей истории АН СССР защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук и в 1987 г. получает звание профессора. Глубокие знания первоисточников, владение основными европейскими языками, оригинальные монографические исследования и статьи – это привлекало к нему внимание научной общественности. Он являлся официальным экспертом институтов и архивов в Москве по своей проблематике, членом диссертационного совета по историческим наукам при РГУ.

Надо сказать, что принципиальность и нежелание идти на различные сделки приносили ему неприятности. Его ирония и скептическое отношение к тем коллегам, которые не желали повышать научно-теоретический уровень, не владели иностранными языками, но при этом претендовали на служебную, научную и общественную карьеру, затрудняли ему жизнь. Однако он не чурался общественной работы, участвовал в избирательных комиссиях, руководил студенческими исследованиями и т.д. Г.Г. Бауман до конца своей жизни оставался типичным ученым-архивистом, для которого нет ничего лучше работы за письменным столом. При этом он любил классическую музыку, обладал прекрасным слухом, играл на фортепиано и аккордеоне.

Г. Г. Бауман вступил в КПСС уже после разоблачения культа Сталина и был антисталинистом, как теперь принято говорить, «шестидесятником». По мере кризиса «развитого социализма» и разложения коммунистической элиты его идеологическая убежденность ослабевала. Постепенно у него возникло критическое отношение ко всей существовавшей системе политической власти. В мировоззренческом плане он все более тяготел к идеалам европейской социал-демократии, историю и теорию которой так хорошо знал. Именно поэтому он с радостью воспринял и горбачевскую «перестройку», и последовавшие политические демократические реформы.

После ухода в 1992 г. на пенсию Г. Г. Бауман продолжил научную деятельность и вплоть до своей смерти в 2000 г. вел научную переписку с учеными из Европы и даже из Японии. В этот период он написал исследование «Работа В.И. Ленина “О лозунге Соединенных Штатов Европы”. 80 лет спустя», в котором впервые раскрыл подлинную историю написания этой статьи, ставшей одной из самых фетишизированных работ в идеологических конструкциях советского периода. Г.Г. Бауман показал, что заслуга включения лозунга «Соединенных Штатов Европы» в арсенал тактики социал-демократов принадлежит именно В.И. Ленину. Лидер большевизма соединил этот якобы «лживый» лозунг буржуазии с задачами социализма в России, Германии и Австро-Венгрии. Под влиянием критики социалистов Ленин отказался от него и заявил, что данная идея при капитализме «либо неосуществима, либо реакционна», и поэтому дал, по мнению историка, «неверный прогноз развития мировой революции». Он считал, что происходящий в современной Европе процесс интеграции и есть реализация лозунга «Соединенных Штатов Европы». Конечный вывод Г.Г. Бауман сделал такой: человечество придет к обществу, которое воспримет в том числе и положительные достижения социализма, и «вопрос, как будет названо это общество, решит оно само».

Литература

1. . . . Памяти Г.Г. Баумана // Новая и Новейшая история. 2010. № 5. С. 249–250.
2. Материалы личного архива Г.Г. Баумана: дневниковые записи, видеокассета, записанная 24.05.1997 г. для фонда USUAL HISTORI FOUNDATION преподавателем истфака РГУ С.А. Шпагиным.
3. После плена // Родина. Вестник Архива Президента РФ. 2004. № 7. С. 67–69.
4. . . Штрихи к портрету. Николай Николаевич Покровский (1930–2013) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общ. науки. 2014. № 1. С. 126–128.

С.А. Кислицын, И.Г. Кислицына

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

**Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий / отв. ред. В.П. Макаренко.
Ростов н/Д., 2014. 696 с.**

Коллективный труд, вышедший в свет в конце прошлого года, является результатом работы дискуссионного клуба, сформированного В.П. Макаренко на базе ЮФУ. В ходе своих творческих мастерских, заседаний и сессий-конференций начиная с 2009 и по весну 2014 г. клуб с участием ведущих обществоведов России и ряда зарубежных стран рассматривал актуальные вопросы, касающиеся оценки российского прошлого, современного состояния страны и общества, перспектив их развития. Особенность и достоинство работы клуба заключается в том, что в его рамках ученым удалось стать на путь преодоления исторически сложившейся в наших условиях разобщенности представителей разных социально-гуманитарных дисциплин и предложить комплексный подход к решению этих проблем. Большая заслуга В.П. Макаренко – в объединении интеллектуальных усилий политологов, философов, экономистов, социологов, социальных психологов и историков, глубоко озабоченных положением в современном научном социально-гуманитарном знании. На научную необходимость для современного исследования «холистского политологического мышления» совершенно справедливо указывал А.В. Лубский. Появление такого объединения обусловлено состоянием российского общества и государства, которое за последние четверть века так и не смогло выйти из глубокого экономического, политического и морально-кризиса, за последний год только усугубившегося.

Для создания в нашем городе подобного клуба к рубежу первого-второго десятилетия нынешнего века сложились необходимые предпосылки. Это – почти столетнее существование в Ростове-на-Дону университетской традиции, с которой связаны достижения обществознания и научные школы. Это также демократический и творческий дух, характерный для университетской культуры в Ростове и вырабатывавшийся в течение многих десятилетий поколениями профессоров и преподавателей, причем нередко вопреки господствовавшим в тот или иной период общественно-политическим и культурным тенденциям. Результатом стало возникновение в городе с характерной для его внутренней жизни торговой и производственной культурой – новой интеллектуальной культуры в сфере обществознания. Поэтому «Интеллектуальный Ростов» – не только заслуга коллектива, который объединился в рамках данного проекта, но и комплексный итог развития научной и интеллектуальной жизни в стенах одного из старейших университетов России, результат труда обществоведов прошлого и настоящего.

Изданная книга – это не просто сборник материалов научных конференций. Ход заседаний представлен не в виде обычных публикаций авторских докладов, но в формате живого общения ученых, обмена мнениями,

дискуссии, развертывавшейся по обсуждаемым вопросам. Поэтому напоминает своеобразный стенографический отчет о ходе научных обсуждений. Такая форма имеет свои существенные преимущества. Она лучше и полнее позволяет представить общую обстановку на заседаниях, реакцию их участников на сообщения и доклады, а также непосредственное восприятие коллегами высказанных положений и сделанных выводов, возникавших по ходу обсуждения затрагивавшихся вопросов замечаний. В общем выбор данной формы издания представляется удачей составителей и свидетельством научной и общественной актуальности затронутых вопросов, глубокого интереса к ним.

Едва ли вместе с тем удивительно, что в центре внимания участников дискуссионного клуба оказывались проблемы политологии. Определяется это не только тем, что как самостоятельная научная дисциплина политология сравнительно молода и находится в стадии формирования. Сама проблематика этой дисциплины предполагает необходимость включения в сферу своего анализа положений и выводов других социально-гуманитарных дисциплин. Кроме того, проблематика политологии, ее рекомендации и выводы пользуются в сложившихся условиях повышенным общественным интересом. Можно в связи с этим сказать, что все заседания клуба проходили так или иначе под углом зрения политологии. В самом деле важнейшим условием для успешного проведения в стране демократических преобразований является политическая составляющая, которая опирается на политическую волю и способность правящей элиты проводить необходимые реформы. Это в свою очередь определяется гражданской зрелостью общества и государства, характером нынешней российской политической системы, способностью ее видеть современную внутреннюю и международную ситуацию и отвечать на вызовы времени.

Комплексный анализ, представленный рядом авторов, позволяет делать вывод о том, что в рамках нынешней политической системы и при нынешнем состоянии общества трудно рассчитывать на успешное продвижение по пути становления и развития в нашей стране форм жизни, соответствующих современному постиндустриальному обществу. Обращается внимание не просто на архаичность сложившейся в России политической системы, но и на настоятельную необходимость отказа «от модели самодержавного президентства», сложившейся у нас. То же самое относится к указанию на отсутствие соответствующего для современного государства уровня легитимности высшей власти и других властных структур, когда отсутствуют «настоящие выборы» как общественный институт демократического общества, результаты которых в полной мере пользуются

доверием. Как справедливо подчеркивал А.В. Оболонский, в таких условиях не удивительно, что правительство уже вовсе не «единственный европеец» в России, о чем в свое время писал А.С. Пушкин, но «главный азиат» в стране, и при этом «является главным охранительным цербером». К сожалению, подобные выводы имеют самое широкое фактическое обоснование и заслуживают серьезного внимания. Они опираются на управленческую практику, реализуемую в нашей стране. Обращена же такая практика к культурной архаике и к стереотипам массового сознания, корни которых лежат в глубоком средневековье, в эпохе Домостроя и крепостного права, рассматриваемого некоторыми современными российскими идеологами в позитивном свете как одна из важнейших государственных «скреп».

Среди новых научных проектов, представленных на очередном заседании клуба, проект россиеведения, для исследования которого в 2008 г. был создан соответствующий центр при Институте научной информации по общественным наукам РАН. Как отмечалось Ю.С. Пивоваровым и И.И. Глебовой, этот проект исходит из представления о том, что «Россия – это некий особый мир» и что ее невозможно свести ни к Западу, ни к Востоку. Как «особый социокультурный тип» Россия «нуждается в специфических инструментах изучения». В этой связи высказывались разные точки зрения на характер внутренних отношений в России и ее экономического и общественного строя. И если А.В. Венков усматривал близость социальной структуры в СССР 20–30-х гг. XX в. к структуре египетского общества, где основными слоями населения были крестьяне и чиновники во главе с обожествленным правителем, то А.Н. Ерыгин решительно отрицал черты общности между социально-экономическим строем довоенного СССР и азиатским способом производства. Интересна данная И.И. Глебовой характеристика так называемого дворцового государства, о котором говорил еще В.О. Ключевский применительно к порядкам, сложившимся в стране после Петра I, причем видел в нем «изъян, историческое отклонение, выплеск архаики». В этом направлении в ЮФУ уже ведутся исследования, в центре внимания которых концепты вотчинного государства и регулярного. По мнению И.И. Глебовой, черты дворцового государства прослеживаются вплоть до наших дней. Его внутреннюю жизнь во многом определяют «некие “личности” и неформальные связи между ними, причем ничего вне этого сетевого контакта в государстве тогда не решалось и не решается сейчас». Еще одним типом государства, считает С.А. Денисов, может быть административное государство, причем станы Западной Европы решали проблемы индустриализации, опираясь на частную собственность, тогда как Россия – административным и мобилизационным путем. По-видимому, дальнейшие исследования подобных исторических типов нашего государства имеют значительные перспективы.

Несомненно, что проблематика политологии и других социально-гуманитарных дисциплин предполагает самое широкое обращение к истории. Прежде всего это

относится к такой современной проблеме исторической науки, как восприятие прошлого в массовом и индивидуальном сознании. Не случайно одной из тем заседания клуба стала «проработка прошлого», предполагающая уяснение не только самой истории, но и отношения к прошлому, понимания того, как его характеристики и оценки прошлого воздействуют на сознание позднейших сообществ, на восприятие ими настоящего и представление о будущем. Обсуждение подобной темы в полной мере обосновано. Уже не раз подчеркивалось, насколько тесно связаны между собой историческая мифология и утопические представления о будущем. На один исключительно значимый аспект, связанный с конструированием и деконструкцией исторического сознания, обратил внимание И.В. Кукулин. Его анализ связан «с травматическими, шокирующими или катастрофическими эпизодами советского прошлого, с памятью о репрессиях, ГУЛАГе». И не только советского, но и досоветского. Можно согласиться с И.В. Кукулиным, что обращенные к историкам, к интеллигенции вообще предложения типа «не ворошить прошлое», «не надо нам навязывать комплекс вины» несостоятельны. Только тогда общество может преодолеть тяжелое наследие прошлого, когда оно знает, что в истории России было не только то, чем следует гордиться, но и то, что в морально здоровом обществе может вызывать чувство стыда. Само по себе предложение «не навязывать комплекс вины» полностью созвучно идее «совесть – это химера», которая также в свое время внушалась определенному обществу, решавшему свои «великие национальные задачи». Хорошо известно, что все это привело к трагедии мирового масштаба, а подобное государство и общество к военному разгрому в 1945 г. В этой связи «проработка прошлого», или традиционная для исторической науки борьба с исторической мифологией стоит на повестке дня.

На заседаниях клуба затрагивалась и проблема всестороннего анализа творческого наследия выдающегося российского философа М.К. Петрова, работавшего некоторое время в РГУ. В.П. Макаренко, посвятивший этому мыслителю специальную монографию, обратил внимание на актуальность его идей для анализа современной ситуации в России. Например, на введенное им понятие научно-технической контрреволюции, которая возникает в условиях слишком большого сближения науки и государства и неизбежно ведет к утрате первой своей важнейшей функции, заключающейся в формировании нового знания, к превращению ее в идеологическую службу. То же самое наблюдается в преподавании наук гуманитарного и обществоведческого цикла, что не способствует формированию научного представления об истории и социально-гуманитарных процессах, но ведет к складыванию представления о дисциплинах обществоведческого цикла. Эта мысль подтверждается изложением В.П. Макаренко вывода М.К. Петрова о том, что если философия как социальная наука «зависит от денежного мешка, власти и идеологии, то она находится в состоянии холуя». Несомненно, что подобным положе-

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте <http://translit.net/>, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Naimark M.A. *Lineinye differentsial'nye operatory* [Linear differential operators]. Moscow, 1969, 526 p.

Flora Nizhnego Dona [Flora of the Lower Don]. Ed. G.M. Zozulin, V.V. Fedyaeva. Rostov-on-Don, 1984, Ch. 1; 1985, Ch. 2.

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Kraevye zadachi dlya differentsial'nykh uravnenii, sodержashchikh parametr, s kratnyimi kornyami kharakteristicheskogo uravneniya [Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation]. *Dif. uravneniya*, 1984, vol. 20, no 2, pp. 263-273.

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Kraevye zadachi dlya differentsial'nogo uravneniya chetvertogo poryadka v sluchae kratnykh kornei kharakteristicheskogo uravneniya*: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation]. Baku, 1985, 135 p.

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadlyi V.A. *Programmnoe sredstvo avtomaticheskogo opredeleniya vozrasta uchastnika sotsial'noi seti Ageception. Versiya 1.1* [The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1]. Certificate, no 2014614425, 24.04.2013.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Ivanov S.E. *Morskaya industriya i global'nyi krizis - nablyudeniya sudobrokera* [Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker]. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed 11.12.2013).

Нормативные документы

Ob utverzhdenii normativov kachestva vody vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya, v tom chisle normativov predel'no dopustimyykh kontsentratsii vrednykh veshchestv v vodakh vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya [On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies]: приказ Росрыболовства № 20 от 18.01.2010. Moscow, 2010.

GOST 10444.9-88. Produkty pishchevye. Metod opredeleniya lostridium perfringens [GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of Clostridium perfringens]. Moscow, 2010.

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazar'ko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. [Deformation and deformed stochastic basis]. *Matematicheskie metody v sovremennykh i klassicheskikh modelyakh ekonomiki i estestvoznaniya: materialy region. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava i molodykh uchenykh* [Mathematical methods in modern and classic models of economics and science: proceedings of the region. scientific and practical. conf.]. Rostov-on-Don, 2012, pp. 37-54.